

Къ вопросу объ ареопагитскихъ твореніяхъ.

(Письмо архіепископу финляндскому Антонію).

ПОВОДОМЪ къ написанію В. В. Болотовымъ († 1900 апрѣля 5) печатаемаго письма отъ 18/19 ноября 1897 г. къ архіепископу финляндскому Антонію (съ 1898 митрополиту с.-петербургскому, † 1912 ноября 2) было обращеніе къ высокопреосв. Антонію въ 1897 г. англичанина Джона Паркера съ изданнымъ имъ переводомъ на англійскій языкъ ареопагитскихъ произведеній и особымъ письмомъ отъ 4 іюня (н. с.). Книга и письмо Паркера сначала были переданы проф. А. П. Лопухину († 1904 августа 22), бывшему тогда редакторомъ „Церковнаго Вѣстника“ и „Христіанскаго Чтенія“, и письмо Паркера было переведено имъ для высокопреосв. Антонія на русскій языкъ; затѣмъ они были пересланы А. П. Лопухинымъ къ В. В. Болотову для отзыва. Письмо В. В. Болотова, написанное тогда, также сдѣланный А. П. Лопухинымъ переводъ письма Паркера, вполслѣдствіи самимъ высокопреосв. Антоніемъ были переданы вмѣстѣ съ разными другими документами, относящимися частію къ старокатолическому вопросу, частію къ пребыванію высокопреосв. Антонія въ Англіи, председателю (1903—1909) Коммисіи по старокатолическому вопросу, ректору с.-петербургской духовной Академіи, епископу Сергію (нынѣ архіепископу финляндскому) и присланы имъ въ прошедшемъ 1913 году для напечатанія и для передачи затѣмъ въ бібліотеку с.-петербургской духовной Академіи. Издаваемое письмо В. В. Болотова написано на 15 сшитыхъ вмѣстѣ листкахъ почтовой бумаги обычнаго размѣра (57 страницъ); на отдѣльномъ листкѣ нарисована „діаграмма“.

Написанный рукою А. П. Лопухина на почтовомъ листкѣ переводъ письма Паркера, давшаго, вмѣстѣ съ книгой, поводъ къ появленію письма В. В. Болотова, имѣеть слѣдующій видъ.

„Переводъ письма *Джона Паркера*.

77 Boul[e]yard Mariette

Boulogne sur Unes [= Mer ?]

Pas de Calais.

Франція.

4 іюля 1897 г.

Высокопреосвященнѣйшій Архіепископъ,

Я имѣлъ смѣлость препроводить Вашему Высокопреосвященству мой переводъ Діонисія Ареопагита, изданный мною съ цѣлію дать членамъ англиканской церкви возможность понимать греческую православную церковь и содержимое ею апостольское ученіе.

Ничто такъ полно не могло бы привести англиканскую церковь въ соприкосновеніе съ греческой православной церковію и такъ успѣшно возстановить нѣкоторыя апостольскія преданія, нынѣ забытыя, какъ признаніе подлинности твореній Діонисія.

Могу ли я просить Ваше Высокопреосвященство о томъ, чтобы Вы познакомили англиканскихъ епископовъ съ преданіями восточныхъ церквей и особенно съ опредѣленіями греческой церкви касательно этихъ твореній? Въ Германіи быстро возрастаетъ школа, которая допускаетъ ихъ подлинность, и во Франціи также выдающіеся ученые возвращаются къ этому древнему воззрѣнію.

Не сообщите ли мнѣ любезно, можно ли литургію, которую я перевелъ съ латинскаго, найти или въ греческомъ подлинникѣ, или въ сирскомъ переводѣ?

Имѣю честь оставаться
Вашего Высокопреосвященства
преданнѣйшимъ слугою

Джонъ Паркеръ“.

Книжка Джона Паркера: *The Works of Dionysius the Areopagite, now first translated into English from the original Greek, by the Rev. John Parker, M. A. London 1897* (она нахо-

дится теперь въ библиотекѣ с.-петербургской духовной Академіи) содержитъ переводъ сочиненій о божественныхъ именахъ и о таинственномъ богословіи, 11 писемъ (11-е—Аполофану) и литургіи Діонисія. Раньше имъ были переведены сочиненія о небесной и о церковной іерархіяхъ (1894). Кроме того, имъ были изданы брошюры: *Dionysius the Areopagite. A Sermon preached in Paris* (1893), *Are the writings of Dionysius the Areopagite genuine?* (1897), *Dionysius the Areopagite and the Alexandrine School* (1899). Въ брошюрѣ „*Are the writings*“ etc. (р. 4) онъ сообщаетъ, что къ твердому убѣжденію въ подлинности ареопагитскихъ сочиненій онъ пришелъ „послѣ пятилѣтняго непрерывнаго изслѣдованія“ и теперь, съ своимъ результатомъ, апеллируетъ „къ исторической критикѣ и здравому смыслу“ (to historical criticism, and to common sense). Какъ единомышленники, между нѣмецкими учеными указываются у него Schneider, проф. Schwarz въ Люттихѣ и проф. Schmid въ Бриксенѣ (р. 19). Замѣчанія относительно Паркера и его аргументаціи ср. въ статьѣ *Hugo Koch, Zur Areopagitischen Frage*, въ *Römische Quartalschrift für christliche Alterthumskunde und für Kirchengeschichte*. XII. (1898), S. 361—2. Признаніе подлинности ареопагитскихъ твореній, по мысли Паркера, не только могло бы быть положено въ основу сближенія церкви англиканской и православной восточной, но могло бы, при возвышенномъ характерѣ этихъ твореній, содѣйствовать и обращенію Индіи въ христіанство (Koch, 362).

Въ дѣйствительности, въ настоящее время всякія попытки отстоять подлинность ареопагитскихъ сочиненій должны быть признаны съ научно-исторической точки зрѣнія совершеннымъ анахронизмомъ. У насъ въ Россіи мыслью доказать эту подлинность увлекся нѣкогда извѣстный ученый епископъ Порфирій Успенскій (въ Чтеніяхъ въ обществѣ любителей дух. просвѣщенія, 1878 II, перепечатано въ его книгѣ: *Первое путешествіе въ аеонскіе монастыри и скиты*. Ч. II. Приложеніе ко второму отдѣленію сей части. М. 1881). На западѣ въ качествѣ упорнаго защитника подлинности, не внимающаго никакимъ разумнымъ доводамъ, доселѣ нерѣдко выступаетъ въ разныхъ статьяхъ капуцинскій патеръ Joseph von Leonissa.

Обстоятельному научному изслѣдованію вопросъ объ ареопагитскихъ твореніяхъ въ новѣйшее время подвергли два

католическіе ученые, *Hugo Koch*, въ рядѣ статей и въ особомъ сочиненіи *Pseudo-Dionysius Areopagita in seinen Beziehungen zum Neuplatonismus und Mysterienwesen. Eine litterarhistorische Untersuchung.* Mainz 1900, и іезуитъ *J. Stiglmayr*, также въ многочисленныхъ статьяхъ и въ трактатѣ *Das Aufkommen der Pseudo-Dionysischen Schriften und ihr Eindringen in die christliche Literatur bis zum Lateranconcil 649.* Gymn.-Programm. Feldkirch 1895. Ими устанавливается фактъ зависимости автора ареопагитикъ отъ сочиненій неоплатоническаго философа Прокла († 485) и происхождение ихъ относится къ послѣдней четверти V вѣка (не ранѣе 476 г., вѣроятно уже послѣ 482, нужно думать — въ Сиріи). Сжатое изложеніе доказательствъ поздняго происхожденія ареопагитикъ см. въ статьѣ о Діонисіи Ареопагитѣ проф. *И. В. Попова*, въ Правосл. богословской энциклопедіи, изд. подъ ред. А. П. Лопухина, т. IV (1903), 1078—9. Всѣ усилія разныхъ ученыхъ открыть дѣйствительнаго автора произведеній, имѣвшихъ столь важное значеніе въ исторіи христіанскаго богословія и особенно въ исторіи христіанской мистики, и опредѣлить съ точностью дату и мѣсто ихъ появленія, доселѣ однако не увѣнчались успѣхомъ.

В. В. Болотовъ въ своемъ письмѣ съ особою подробностію разсматриваетъ рассказъ автора ареопагитикъ (въ 7 посланіи) о томъ, какъ онъ, будто бы, наблюдалъ вмѣстѣ съ философомъ Аполлофаномъ солнечное затменіе, бывшее во время распятія Господа, и въ этомъ рассказѣ видитъ одно изъ самыхъ рѣшительныхъ доказательствъ неподлинности ареопагитскихъ сочиненій. Но онъ не считаетъ нужнымъ непременно признавать автора ихъ фальсификаторомъ въ обычномъ смыслѣ, допустившимъ подлогъ именно съ прямою цѣлію ввести читателей въ заблужденіе, и въ его своеобразномъ способѣ писательства — отъ имени Діонисія Ареопагита — находитъ возможнымъ видѣть лишь особую литературную форму. Несомнѣнно, этотъ взглядъ, какъ отмѣчаетъ это самъ В. В. Болотовъ, заслуживаетъ особаго вниманія.

А. Бриллиантовъ.

Ваше Высокопреосвященство
Высокопреосвященнѣйшій Владыко,

Александръ Павловичъ переслалъ мнѣ книжку и письмо Rev. Джона Паркера, адресованныя Вашему Высокопреосвященству. Я предполагаю, что не пойду противъ намѣреній Вашего Высокопреосвященства, если эти строки препровожу къ Вамъ, Владыко, непосредственно, не «via Редакція ХЧт. и ЦВ.».

Мнѣ неизвѣстно, какія свѣдѣнія имѣются въ распоряженіи Вашего Высокопреосвященства о личности Rev. Паркера. Судя по тому, что его книжка посвящена французскому l'abbé D'Аньё; что регенсбургскій Dr. Ceslaus Maria Schneider состоитъ въ дружеской перепискѣ съ Паркеромъ и что самъ Паркеръ писалъ и слѣд. «творенія»:

«Священное Писаніе въ Римской Церкви» и

«Апостольскія преданія по ученію тридентинскаго собора», —

приходится, кажется, заключить, что Паркеръ—*написецъ*.

Его книжку я скорѣе *пробѣжалъ*, чѣмъ разсмотрѣлъ. Вещь совершенно заурядная, съ типическими особенностями плохихъ произведеній, выходящихъ изъ-подъ пера англичанъ. Прежде всего наскокъ, сблизжающій англичанина съ жидомъ: положенія, нуждающіяся въ доказательствахъ, предъявляются словно безспорныя (напр., р. 128: «Игнатій пострадалъ въ 107 г., Діонисій въ 119»); авторъ не брезгуетъ и «истинами» давно опровергнутыми (рр. 139. 140: «затменіе во время распятія — упоминаемое Флегонтомъ»); типиченъ его «ключъ къ церковной исторіи перваго вѣка» (р. xv): изъ Дѣян. 1, 8; Колос. 1, 23 выводится заключеніе, что уже при апостолахъ христіанство существовало во всемъ мірѣ [и въ Австраліи, и въ Патагоніи, и въ Китаѣ, Reverend Sir?] и что къ концу перваго вѣка христіанинъ сдѣлался бы римскимъ императоромъ, если бы только его не убилъ жестокій Домиціанъ [странныя понятія о Провидѣніи, если взбалмошный тиранъ можетъ перечеркнуть пути Промысла и отсрочить ихъ осуществленіе слишкомъ на 200 лѣтъ!]. Ко всему этому Rev. Паркеръ—мужъ самаго столпообразнаго легендовѣрія. Онъ полагаетъ, что дѣло дѣлаетъ, ополчаясь на защиту парижскаго

епископства Діонисія Ареопагита,—тогда какъ ученые французы не считаютъ возможнымъ и чернила тратить на подобные рассказы.

Англичанъ обыкновенно хвалятъ за ихъ *common sense*. У Rev. Parker, напротивъ, какая-то трещина въ *sensorium commune* (какой-то знакомый М. О. Кояловича¹ характеризовалъ кого-то: «у него мозги взболтаны»), и уже это одно дѣлаетъ его непригоднымъ въ качествѣ изслѣдователя вопроса объ Ареопагитѣ: Паркеръ воображаетъ, что этотъ вопросъ можно рѣшить дешовенькою парюю страничекъ, направленныхъ противъ одного *argumentum e silentio*,—да торжественнымъ указаніемъ на разногласія во взглядахъ противниковъ, да похвальными красными словесами Еразма Роттердамскаго. Какъ легендовѣръ, онъ — такъ сказать — (р. vij) упивается тѣмъ, что въ Ареопагитѣ есть самага невѣроятнаго. Паркеръ полагаетъ, что онъ со своимъ раторборствованіемъ одерживаетъ триумфы: вѣдь Dr. Schneider (р. xvj) увѣдомилъ его, что «въ Германіи теперь допускаютъ, что внѣшнія доказательства—въ пользу подлинности Діонисія».

Чтобы оцѣнить «важность» этого сообщенія, стоить лишь припомнить, какъ ставится вопросъ объ Ареопагитѣ. Писатель этихъ произведеній

или былъ самъ Діонисій Ареопагитъ

или намѣренно выдавалъ себя за Діонисія Ареопагита.

Но въ 1861 г. объявился Dr. Hipler и прельстилъ многихъ². Хиплеръ утверждалъ, что этотъ писатель и не былъ Діонисій Ареопагитъ и не выдавалъ себя за Діонисія Ареопагита, а по ошибкѣ былъ другими принятъ за Діонисія Ареопагита. Авторъ этихъ твореній былъ монахъ Діонисій ринкурусскій, жившій во второй половинѣ IV в.—«Но позвольте,—возражаютъ хиплеріанамъ:—а *epistola* 10 «Іоанну,

¹ Профессоръ Спб. духовной Академіи, † 23 августа 1891 г. А. Б.

² Fr. Hipler, *Dionysius der Areopagite. Untersuchungen über Aechtheit und Glaubwürdigkeit der unter diesem Namen vorhandenen Schriften*. Regensburg 1861. На сторону Хиплера сталъ, напр., W. Möller; особенно усердно отстаивалъ гипотезу Хиплера J. Dräseke. Самъ Хиплеръ, однако, въ концѣ концовъ, подъ влияніемъ доводовъ Коха и Штигльмайра, отказался (въ письмѣ) отъ высказаннаго имъ нѣкогда мнѣнія, какъ сообщаетъ H. Koch, *Zur Areopagitischen Frage* (1898), S. 367; *Pseudo-Dionysius Areopagita* (1900), S. 4.

Богослову Апостолу и Евангелисту, заточенному на островѣ Патмосѣ»?!—Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! это надписаніе по ошибкѣ дали невѣжественные переписчики.—«А Іаковъ ἀδελφόντος»?—Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Нужно читать просто ἀδελφός. Сперва, видите ли, было ΑΔΕΛΦΟΣ, а потомъ кто-то поправилъ на ΑΔΕΛΦΩΣ, что затѣмъ и прочитано какъ ΑΔΕΛΦΟΘΕΟΣ.—«А присутствие при погребеніи, или—согласимся— созерцаніи «живоначалаго и богопріемнаго *тѣла*, σώματος» Богоматери»?!—Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Нужно читать не σώματος, а στήματος: рѣчь идетъ о созерцаніи *гроба* Господня.—«А наконецъ «τῆς ἐν τῷ σωτηρίῳ σταυρῷ γεγονοίας ἐκλείψεως»?—Ахъ, нѣтъ, нѣтъ! Нужно читать ἐκλάμψεως: рѣчь не о затменіи, а о возсіяніи, о знаменіи креста на небеси въ IV в.

И всѣ остроумные люди въ Germania docia признали, что Dr. Hippler доказалъ свой тезисъ блестяще, glänzend. А когда дѣло дошло до сиравки съ древними рукописями и древнимъ сирскимъ переводомъ, то всѣ эти «нужно читать» блистательно провалились. «Виѣшнія доказательства» уничтожили хиплеріанскую паутину.

А Rev. Parker воображаетъ, что они уничтожили вторую половину вышеприведенной дилеммы. Но ее «виѣшнія доказательства» не поколебали нисколько. Ее теперь лишь формулируютъ отчетливѣе: Подъ именемъ Ареопагита пишетъ

или обманщикъ

или литературная маска

(Въ наши дни Жюль Вернъ совершаетъ путешествія и на луну и къ центру земли: человекъ V—VI в. попытался помѣстить себя въ I вѣкѣ и отъ имени Діонисія Ареопагита завязать переписку съ мужами апостольскаго вѣка. Агеорagitica, слѣдовательно,— не подлогъ, а только литературная форма).

И на послѣдней половинѣ этой альтернативы стоить сосредоточить свое вниманіе всѣмъ, рѣшающимъ этотъ вопросъ; потому что эта гипотеза, освобождая автора этихъ твореній отъ позорнаго клейма фальсификатора, хорошо объясняетъ анахронизмы, неприемлемые въ подлинныхъ писаніяхъ I в. Конечно, и эта гипотеза Агеорagitica развѣнчиваетъ; но даже и у насъ въ Россіи указаніе Филарета на «напряженный слогъ» этихъ твореній, въ статьѣ проф. I. Смирнова въ «Правосл. Обзорѣніи», разъяснено достаточно подробно: вмѣ-

сто глубокомыслия—ходульность и напыщенность, и ни одинъ отдѣлъ догматики не пострадаетъ отъ того, что Ареопагитика будутъ объявлены неподлинными ¹⁾.

Въ самомъ дѣлѣ, вмѣсто юношески здоровой силы,—какою естественно представлять мужей апостольскаго вѣка,—въ Ареопагитика чувствуется надрывающійся неоплатоникъ, который «словечка въ простотѣ не скажетъ» и безъ превосходной степени шага ступить не умѣетъ. Напр. pag. 120 Паркера, онъ хотѣлъ бы и »Κύριος» возвести въ превосходную степень (τὸ κῦρος, καὶ τὸ κύριον καὶ τὸ κήριστον).² Извѣстное выраженiе «прииде Иисусъ пребожественный» ведетъ свое начало изъ Ареопагитика, и смыслъ его въ славянскомъ переводѣ затушванъ: въ подлинномъ «Ἰησοῦς ὁ ὑπέρθεος», *Пребогъ, Вышебогъ*,—излюбленное словечко псевдо-ареопагита. Парк. pp. 16, γ. 24. 20. 26, γ. 130, ε: the Super-God.—Я сильно сомнѣваюсь, чтобы церковь апостольскаго вѣка позволила кому-либо изъ вѣрующихъ употреблять такое философски нелѣпое выраженiе, какъ «ὑπέρθεος». Для всѣхъ *семитовъ*, называющихъ Бога

Elô^h (евр., ἔλω-î),

elâh-â (сир.; имя Βαρλαάμ=bar-lâh-â [изъ bar-êlâh-â] значить *сынъ Божiи*),

ilâh^{un} (араб.; «Аллахъ» = al-lâh^u изъ al-ilâh^u = ὁ Θεός),—

Богъ есть по преимуществу «желанiй край»

(евр. «El» *Богъ* и «el» *кз тождественны* по корню: слѣд. для семита Богъ есть «Тотъ *кз* Кому» [человѣкъ протягиваетъ руки, тяготѣетъ всѣмъ суще-

¹ *И. Смирновъ*, свящ. Русская литература о сочиненiяхъ съ именемъ Дιονисiя Ареопагита. Правосл. Обзоръ, 1872, I, 842—876. А. Б.

² Въ действительности, греческiй текстъ здѣсь (De div. nomin. XII, 2) приведетъ Паркеромъ, очевидно, въ искаженномъ видѣ и переводъ данъ невѣрный: „Wherefore Lordship is parallel to τὸ Κῦρος καὶ τὸ κύριον. καὶ τὸ κήριστον“ [sic]; въ примѣчанiи: „The rendering of which may be, the lordly, and the lordlier, and the lordliest“. Въ изданiи Кордерiя читается (Migne, s. gr. t. 3, c. 969C): διὸ καὶ κήριστος παρὰ τὸ κῦρος [варианты въ примѣчанiи: παρὰ τὸ κήρῶ—cod. Salignaci major, παρὰ τὸ κῦρος καὶ τὸ κήρῶ—cod. Dionysianus], καὶ τὸ κύριον, καὶ τὸ κήριστον; латинскiй переводъ (с. 970C): quapropter dominatio Graecae a κύρος derivato nomine, idem est quod firmatio, firmamentum et firmum, ac firmans seu ratificans. Въ переводѣ Эригены (Migne, s. l. t. 122, c. 1168B): propter quod et dominatus a Domino [Эригена какъ будто бы читалъ τὸ κύριος вмѣсто τὸ κῦρος], et dominabile, et dominari.

ствомъ своимъ], т. е.—на языкѣ философовъ—*последняя цель*).

А разъ человѣкъ мыслить Бога какъ *Абсолютъ*, какъ *Всесовершенное*, то «*Выше-абсолютъ*», «*Выше-всесовершенное*», будетъ уже *contradictio in adjecto*, логическое недомыслие, попытка — прыгнуть выше своей собственной головы.— Древняя церковь слишкомъ серьезно противопоставляла свой монотеизмъ языческому политеизму (Кор. 8, 4—6), слишкомъ послѣдовательно отрицала боговъ языческихъ, чтобы—вмѣсто *Единого Бога* — позволить говорить о *Вышебогѣ*. Терминъ «*ὑπέρθεος*» зародился въ головѣ неоплатоника, который не струсилъ съ своихъ плечъ своего рокового политеистическаго прошедшаго. Тамъ, гдѣ вмѣсто *Бога* получились *боги*, не замедлили появиться и *божишки*: *semidei*, *rustica numina*, *fauni*, и слово *θεός* было до того оношлено (припомнимъ лишь лакейскія *ἀποθεώσεις* римскихъ императоровъ!), что казалось неудобнымъ примѣнять его и къ Единному Истинному Богу, и («голь на выдумки хитра») сочинили «*ὑπέρθεος*»¹.

¹ Нужно, однако, въ данномъ случаѣ замѣтить, что выраженіе «*ὑπέρθεος*» въ ареопагитскихъ твореніяхъ—несомнѣнно неоплатоническаго характера и происхожденія—имѣетъ особое значеніе и внѣ того или другого отношенія къ языческому политеизму. Именно, и это выраженіе должно служить у автора этихъ твореній для обозначенія такъ называемаго «апофатическаго» момента въ ученіи о Богѣ, подобно другимъ прилагаемымъ къ Божеству наименованіямъ и эпитетамъ съ предлогомъ *ὑπερ-* (*ὑπεράγαθος*, *ὑπερόσιος*, *ὑπερῆρωμένη ἑνίς*), должно указывать, что Божество Само по Себѣ всегда выше всякаго человѣческаго о Немъ представленія или понятія съ какимъ бы то ни было положительнымъ качественнымъ содержаніемъ, какимъ бы именемъ оно ни выражалось (*ὑπερόντως*). Съ этой стороны терминъ *ὑπέρθεος* имѣетъ такъ сказать субъективно-гносеологическое значеніе. Ср. *De myst. theol.* с. V (Migne, s. gr. t. 3, с. 1048A): *οὐδὲ ἐν, οὐδὲ ἐνόητος, οὐδὲ θεότης, ἢ ἀγαθότης, οὐδὲ πνευμά εἶται ὡς ἡμᾶς εἰδέναι*. Древній комментаторъ по этому поводу замѣчаетъ (Migne, s. gr. t. 4, с. 429B): *Καὶ τὸ ὡς ἡμᾶς εἰδέναι ἐπὶ πάσης τῆς ἐν προαίτιας ἀποφάσεως λαβεῖ ὁμοίως τὸ κατὰ τὴν ἡμετέραν εἰδησιμ.* Съ другой стороны, нужно имѣть въ виду, что самое слово *θεός* употреблялось въ широкомъ смыслѣ и въ христіанской литературѣ еще задолго до появленія ареопагитскихъ сочиненій; широкій объемъ понятія „Богъ“ имѣло уже напр. у Климента александрійскаго. Ср. *В. В. Болотовъ*, Ученіе Оригена о Св. Троицѣ. Спб. 1879, стр. 84. Авторъ ареопагитикъ указываетъ, что и св. Писаніе прилагаетъ иногда названіе *θεός*: къ ангеламъ и людямъ. *De cael. hier.* XII, 2. (Ср. Дан. IV, 5; Исх. VII, 1; Ис. LXXXI, 6; Иоан. X, 34). Самъ онъ, какъ извѣстно, развиваетъ, въ духѣ неоплатонизма, но въ то же время согласно и съ преданіями во-

Это—одинъ изъ цвѣточковъ *Areopagitica*.—Но для критики ихъ подлинности, по моему мнѣнію, имѣеть чрезвычайную важность посланіе 7-е, гдѣ авторъ утверждаетъ, что онъ былъ очевидцемъ затмѣнія во время распятія Господа. Разъ ἐκλείψωσ; здѣсь установлено твердо,—никакой Діонисій ринокурурскій этого посланія написать не могъ. Здѣсь говорить или Ареопагитъ—современникъ распятія Господа или лицо, поддѣлывающееся подъ Ареопагита. *Tertium non datur*. Какова бы ни была цѣль поддѣлки («подлогъ» или только «литературная маска»), въ главномъ и существенномъ вопросѣ стоитъ такъ: въ *epistola 7* мы читаемъ или свидѣтельство (и слѣдовательно нѣчто цѣнное) или сочинительство (и слѣдовательно пусто-порожнюю трату чернилъ).—Которая изъ этихъ альтернативъ надлежащая? Вотъ вопросъ!

Чтобы оцѣнить по достоинству *epist. 7* глаголемаго Ареопагита, позвольте, Ваше Высокопреосвященство, затронуть общій вопросъ о томъ, что такое чудо.

Я думаю, всякій понимающій дѣло (вдумчивый) богословъ допустить, что, творя чудеса, Творецъ не входитъ въ конфликтъ съ законами созданной Имъ же природы. Т. е., чудо

сточнаго богословія предшествовавшего времени, ученіе о θεωσι; человека. Ср. *H. Koch*, *Pseudo-Dionysius Areopagita*, 1900, S. 190—7. Вообще о восточномъ ученіи о θεωσι; ср. *И. В. Поповъ*, *Идея обоженія въ древневосточной церкви*, въ *Вопросахъ психологіи и философіи*, 1909, № 97, 165—213. Специально дается отвѣтъ, съ точки зрѣнія ученія о θεωσι;, на вопросъ: Πῶς ὁ πάντων ἐπέχονα καὶ ὑπὲρ θεαρχίαν [= θεός; въ ареопагитскихъ сочиненіяхъ] ἐστὶ καὶ ὑπὲρ ἀγαθαρχίαν, во второмъ письмѣ Ареопагита. Сужденіе В. В. Болотова въ данномъ случаѣ является, такимъ образомъ, слишкомъ рѣзкимъ.—Относительно значенія семитскихъ El, Eloah, В. В. Болотовъ принимаетъ здѣсь объясненіе де-Лагарда. По другому, традиционному пониманію, отставяемому и нынѣ разными учеными, לַי производится отъ לָא быть сильнымъ. Ср. различныя мнѣнія объ этихъ именахъ и ихъ оцѣнку у архим. (нынѣ епископа полтавскаго) *Теофана*, *Тетраграмма или ветхозавѣтное божественное имя* לַי. Спб. 1905, стр. 228—237, 237—242. Объ употребленіи и семитскаго El въ Библии въ приложеніи къ людямъ ср. стр. 232 (указываются въ особенности *Iezek. XXXI, 11* и *XXXII, 21*). Что касается слова θεός;, то у автора ареопагитикъ, *De div. nom. XII, 2*, оно сопоставляется съ θεᾶσθαι и θεῖσθαι (θεῖσθαι = τρέχειν). У древнихъ это слово производилось еще отъ τῆθη, αἶθω. По *K. Brugmann*, *Griechische Grammatik*. 3 Aufl. München 1900, S. 43, θεός; назъ *θΓεσο-с; средне-верхне-нѣм. ge-twās, „Gespenst“, лит. dvāsė, „Geist“, [слав. духъ].

А. Б.

не есть нарушение законовъ природы: оно есть специальный случай ихъ высшаго примѣненія. Если явленіе природы есть «+ а», то чудо есть не «— а», а «+ а³», respective «+ а^x».

Самая высшая область отношеній Бога къ человѣку на богословскомъ языкѣ называется «домостроительствомъ», οἰκονομία. И чудеса совершаются—такъ сказать—«хозяйственнымъ способомъ»: максимумъ дѣйствія съ точки зрѣнія запросовъ человѣка при минимумъ расхода: никакой «непроизводительной» затраты (ср. Иоанн. 6, 12).

Конечно, всемогущій Богъ могъ бы при самой тихой погодѣ послать проливной дождь и этимъ ливнемъ осушить Черное море; однако, «возгна Господь море вѣтромъ южнымъ сильнымъ всю ночь [= продолжительное интенсивное дѣйствіе естественной силы], и—разступися вода» (Исх. 14, 21). И въ пустынѣ Синъ Онъ могъ бы послать Израилю поле со спѣлою пшеницею, и однако Онъ даетъ манну,—явленіе, для этой мѣстности естественное (хотя и въ микроскопическихъ размѣрахъ). Онъ могъ бы по воздуху перенести въ Рафидинъ цѣлое геннисаретское озеро, однако, вмѣсто того, Онъ источаетъ воду изъ камня (аналогія: естественное буреніе артезианскихъ колодезевъ). Чтобы «плакавшихъ» накормить мясомъ, Онъ могъ бы, по воздуху же, перенести въ пустыню цѣлыя стада воловъ, овецъ или сернъ (Числ. 11, 22: это ближайшимъ образомъ приходитъ на мысль и Моисею); однако вѣтеръ приносить «крастели изъ моря».

И Самъ Христось могъ бы повелѣть наполнить водоносы пескомъ, и этотъ песокъ—превратить въ вино. Однако, Онъ въ вино претворяетъ воду, которую и лоза—медленно естественною своею силою—превращаетъ въ вино. И въ пустынѣ Христось могъ бы взять горсть песку и каждую песчинку претворить въ хлѣбъ. Однако, по повелѣнію Его, у мальчика берутъ пять хлѣбовъ и двѣ рыбы, и чудо сводится къ моменту необычайной дробимости этой естественной пищи, получаетъ характеръ количественный (необыкновенная интенсивность естественнаго дѣйствія).

Такимъ образомъ и чудеса опираются на естественныя силы природы и представляютъ извѣстное экономизированье въ пользованіи ими, а не безцѣльную расточительность.

Еще Оригенъ замѣтилъ, что «тьма» во время распятія Господа была явленіемъ мѣстнымъ, а не всемирнымъ. Ея оче-

видная цѣль—поразить ужасомъ свидѣтелей голгоѣскаго событія—достижима была только въ Иерусалимѣ и въ Иудеѣ (не бывшіе въ Иерусалимѣ изъ разказовъ очевидцевъ распятія Господа могли уяснить себѣ значеніе этой тьмы отъ шестого часа до часа девятого). Но въ Лапландіи, въ Японіи, въ Патагоніи, эта «тьма» не достигала бы своей цѣли, такъ какъ очевидцы событія не имѣли—по историческимъ условіямъ—возможности уразумѣть смыслъ этого явленія.

Евангеніе (Лук. 23, 45 «и померче солнце» καὶ ἠσχοτίσθη ὁ ἥλιος AC^bD противъ τοῦ ἡλίου 'ΕΚΛΙΠΟΝΤΟΣ въ NBC*L)¹ во всякомъ случаѣ не принуждаетъ понимать это явленіе въ смыслѣ солнечнаго затменія (τοῦ ἡλίου ἔκλειψις въ смыслѣ астрономическаго термина).

а) Солнечное затменіе было излишне *въ смыслѣ цѣли*. Требовалось произвести извѣстное впечатлѣніе на людей. Тьма среди бѣлаго дня (отъ чего-бы ни зависѣло это безсиліе солнечныхъ лучей) производитъ впечатлѣніе не только на людей, но и на животныхъ. И даже астрономически образованный свидѣтель голгоѣскихъ ужасовъ испыталъ бы психологическое дѣйствіе этого помраченія солнечнаго свѣта не менѣе, чѣмъ и самый заурядный іудей: разъ эта тьма по интенсивности своей или была равна полному солнечному затменію или превосходила это послѣднее, а астрономъ былъ глубоко увѣренъ, что въ этотъ день солнечное затменіе было физически невозможно,

Солнечныя затменія возможны лишь во время новолуній, когда луна стоитъ между солнцемъ и землею (порядокъ : ☉ ☾ ☽), не во время полнолуній, когда земля стоитъ между луною и солнцемъ (☉ ☽ ☾) и притомъ тьма длится совсѣмъ необычно:

Полное солнечное затменіе (закрытіе всего диска солнца дискомъ луны) длится «лишь около 8 минутъ». Правда, *полному* затменію неизбѣжно предшествуетъ *частное* затменіе, равно и кончается *полное* затменіе переходомъ *въ частное*, — такъ что — съ обоими *частными* вмѣстѣ—такое затменіе длится болѣе 2 часовъ; но «тьма» при началѣ и концѣ его бываетъ такъ ничтожна, что ее даже и совсѣмъ не замѣчаютъ не предувѣдомленные зрители.

¹ AC^bD = Alexandrinus, Ephraemi Syri — secundus corrector, Bezae. NBC*L = Sinaiticus, Vaticanus, Ephraemi Syri — prima scriptura, Parisinus.

то и онъ поддался бы чувству ужаса, обостренному тѣмъ, что оставалась бы неизвѣстна физическая причина омраченія солнца.

Если нельзя утверждать, что для достиженія ближайшей цѣли (тьма—ужасъ) требовалось именно затменіе (въ смыслѣ астрономическаго термина); то, быть можетъ, слѣдуетъ допустить, что эта цѣль *наилучшимъ образомъ* достигалась именно при посредствѣ *ἐκλειψις*.

Даже и съ такою *ratio theologica* я не могу согласиться: затменіе при данныхъ обстоятельствахъ создавало бы скорѣе *minus*, чѣмъ *plus*. въ общемъ впечатлѣніи отъ омраченія солнца. Въ Иерусалимѣ присутствовали α) люди совсѣмъ необразованные (и такихъ, конечно, было большинство), β) люди образованные, *respective* полуобразованные (и такихъ было немало) и γ) люди высокообразованные, *respective*: люди съ специально астрономическими свѣдѣніями (и такихъ было чрезвычайно мало). Но для людей необразованныхъ и *всякое* солнечное затменіе страшно, и затменіе 14. писана было бы не страшнѣе прочихъ.—Лица полуобразованныя «знали»—сирѣчь: «отъ людей они слышали»—что во время полнолуній затменій солнечныхъ не бываетъ; но это «знаніе» («*levis haustus*» Бэкона) было слишкомъ поверхностно для того, чтобы стать яснымъ, непоколебимымъ ученымъ «убѣжденіемъ» въ безусловной невозможности солнечнаго затменія въ этотъ день. Выше всего царила фраза: «затменіе — *естественное* астрономическое явленіе». Тьма 14. писана была для такихъ людей страшна, пока ея «причина» была неизвѣстна. Но разъ произнесена фраза: «да это—просто затменіе!», и для грамотной шушеры «все» стало «ясно», и всполохнувшіяся сердца ихъ уже бились ровно.—Наконецъ лица образованныя въ специально астрономическомъ смыслѣ, въ родѣ членовъ «коммиссіи календаря» («*sōd ha-'ibbūt*»),—но это были сподвижники Анны и Каіафы, и у нихъ было на душѣ слишкомъ темно для того, чтобы обращать вниманіе на небо. Да и недосужно!

Припомнимъ, что въ это самое время они вели переговоры о «титлѣ» на крестѣ и получили въ отвѣтъ безповоротное: ὁ γέγραφα, γέγραφα. А вопросъ о «титлѣ» для нихъ былъ важнѣе, чѣмъ десять тысячъ затменій. Эти человѣчки зарвались страшно. Когда Пилать противопоставилъ имъ грозное «omen» (Іоанн.

19, 14. 15^b), они имѣли низость отречься отъ мессіанскихъ идеаловъ своего народа (Іоанн. 19, 15^{ac}) и затѣмъ испортили свои отношенія къ Пилату повидимому навсегда, когда позволили себѣ наглость—угрожать ему или шантажомъ или совершенно подлюю «kalumpniâ» («диффамация» — «клевета»), Иоанн. 19, 12. Они «аукнулись», а теперь Пилать повидимому на ихъ «дедукцію» «откликнулся»: это «титло» вѣдь могло быть «протоколомъ» для длиннаго—предлиннаго дѣла о «политической неблагонадежности» іудеевъ,—съ секретными дознаніями и «пристрастными» допросами, и законоположниковъ израилевыхъ бралъ каинскій страхъ за цѣлость собственной кожи.

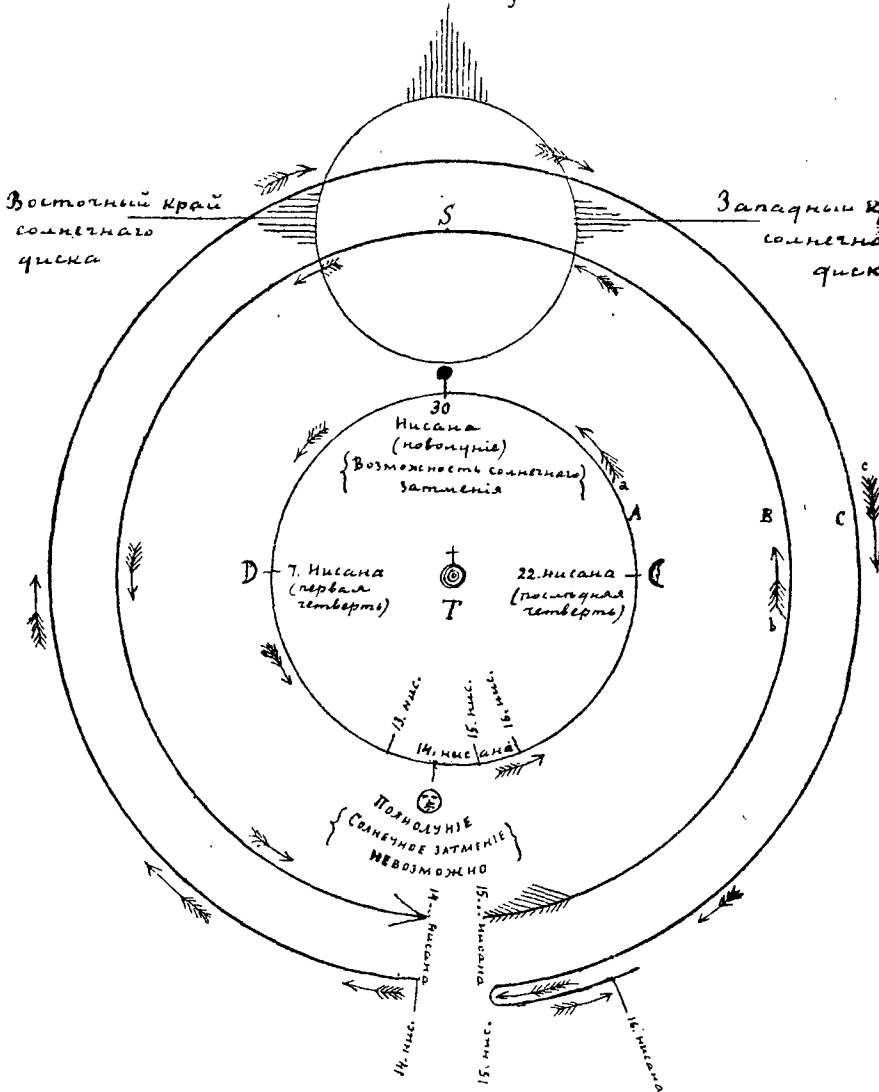
Т. е. я полагаю, что творить чудо столь «сверхъестественное» было—при данныхъ обстоятельствѣхъ—*не для кого*.

б) Солнечное затменіе въ этотъ день было физически *невозможно* (это показано выше : ☉ ÷ ☾). Но если бы—по неизслѣдимымъ предначертаніямъ Высшаго Разума—требовалось именно это физически невозможное, оно совершилось бы «сверхъестественнымъ», но не «противоестественнымъ» образомъ,—*supra naturam* въ смыслѣ *ultra naturam* (= какъ «+ а»), но не *contra naturam* (какъ «— а»).

Что я разумѣю подъ «*ultra naturam*», я объясняю на прилагаемой діаграммѣ: солнечное затменіе осуществилось бы такъ, какъ показываютъ красныя стрѣлки [b] при красномъ кругѣ [B]. Луна, которую еще утромъ (съ 13-го на 14-е писана) видѣли на западномъ горизонтѣ (въ «оппозиціи» восходящему солнцу), понеслась бы съ чрезвычайною быстротою по своему естественному пути и въ шесть часовъ [отъ перваго до шестого, по нашему : отъ 6 часовъ утра до 12] прошла тотъ полукругъ, который, по естественному порядку, ей предстояло пройти въ 16 дней (15—30 нисана). Затѣмъ въ теченіе трехъ часовъ (VI—IX = 1—3 часы по полудни) луна почти стояла, закрывая своимъ дискомъ дискъ солнца. Наконецъ въ три часа (IX—XII = 4—6 по-полудни) луна съ еще болѣшею быстротою, чѣмъ утромъ, понеслась по своему пути и къ моменту захода солнца была уже видима—въ «оппозиціи» ему—на восточномъ горизонтѣ,—на томъ мѣстѣ, гдѣ ей и слѣдовало быть въ ночь съ 14-го на 15-е писана.—Такимъ образомъ все

Діаграмма.

Верхній край
солнечного диска

S = Солнце. T = Земля.

Кругъ черными чернилами [А] = нормальное теченіе луны (по указанію черной стрѣлки [а]), съ отмѣтою мѣстъ луны 7-го, 13-го, 14-го [полнолуніе, день распятія, пятница], 15-го, 16-го, 22-го и 30-го нисана.

Кругъ красными чернилами [В] = нормальное теченіе луны при солнечныхъ затмєніяхъ (движеніе луны чрезъ дискъ солнца по указанію красной стрѣлки [б]).

Кругъ синимъ карандашомъ [С] = теченіе луны по псевдо-Ареопагиту (по направленію, указываемому зеленою стрѣлкою [с])¹.

¹ На подлинномъ рисункѣ В. В. Волотова разные круги и стрѣлки

сводилось бы къ моменту чисто количественному: къ чрезвычайной быстротѣ движенія луны: за эти 12 часовъ (утро—день—вечеръ) она «пережила бы цѣлый синодическій мѣсяцъ».

Стрѣлка [b] вездѣ имѣетъ тоже самое направленіе, что и стрѣлка [a], и порядку: 14-е, 15-е, 16-е, 22-е, 30-е число мѣсяца, 1-е, 7-е, 14-е, 15-е число слѣдующаго мѣсяца, соотвѣтствуетъ порядокъ часовъ I—XII по іудейскому счисленію.

Но глаголемый Ареопагитъ на томъ именно и стоитъ, что ἔκλειψις было contra naturam.

На діаграммѣ это представлено синимъ кругомъ [C], и зеленая стрѣлка [c] на всѣхъ пунктахъ имѣетъ противоположное направленіе относительно черной [a] и красной [b] стрѣлки.

«Діонисій» лично знаетъ языческаго философа Аполлофана, который не вѣруетъ во Христа,—и проситъ «Поликарпа» (видимо епископа смирскаго) предложить этому Аполлофану нѣкоторые вопросы.

«Что ты скажешь (λέγεις) о затменіи (τῆς ἐκλείψεως), бывшемъ въ [день] спасительнаго креста? Вѣдь мы были тогда вмѣстѣ въ Иліополѣ, вмѣстѣ (съ тобою) стояли и видѣли, какъ луна странно (παράδοξως) надвигается (ἐπιπίπτουσαν) на солнце, [странно] потому, что тогда было не время конъюнкціи (συνόδου καιρός),—и затѣмъ сверхъестественно (ὑπερφυσικῶς) отъ девятаго часа до вечера стала въ діаметрально противоположное солнцу мѣсто (εἰς τὸ τοῦ ἡλίου διάμετρον ἀντικαταστάσαν). Напомни ему и другую подробность: онъ знаетъ, что мы видѣли (тогда), что и ἐπιπτώσις ея [первое соприкосновеніе диска луны съ западною (при естественныхъ затменіяхъ) точкою солнечнаго диска] началось съ востока (ἐξ ἀνατολῶν), и она дошла до [противоположнаго] края солнца

[= произошло покрытіе солнечнаго диска дискомъ луны, т. е. затменіе стало *полнымъ* = № 3],

потомъ отступила (ἀναποδίσασαν)

[т. е. затменіе опять сдѣлалось *частнымъ* = № 4], и притомъ какъ ἐπιπτώσις, такъ и ἀνακάθαρσις

при нихъ изображены разными цвѣтами. На прилагаемомъ воспроизведеніи этого рисунка, за невозможностью дать цвѣтное изображеніе, они вмѣсто того отмѣчены буквами А, В, С—a, b, c. Солнечный дискъ изображень у В. В. Болотова и на этомъ и на слѣдующемъ рисункѣ красными чернилами.

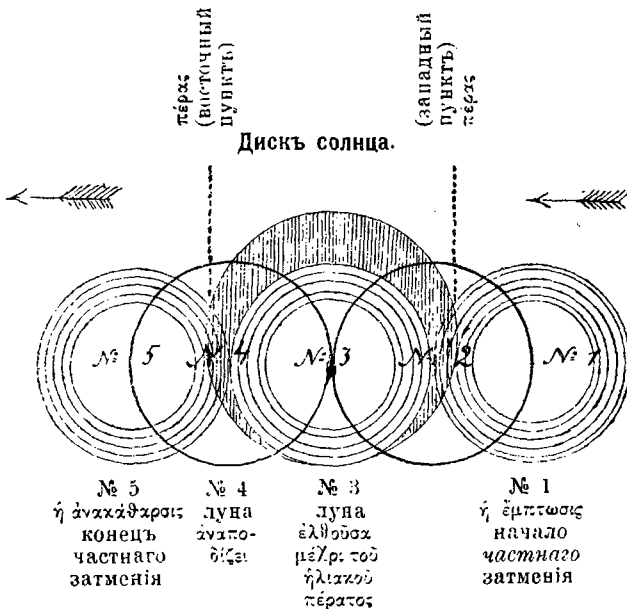
[= послѣднее соприкосновеніе дисковъ = № 5, конецъ затмѣнія]

послѣдовало не на томъ пунктѣ (на которомъ это бываетъ всегда), а на пунктѣ діаметрально противоположномъ

[= т. е., первое соприкосновеніе дисковъ произошло на восточной точкѣ солнечнаго диска, а послѣднее— на западной].

Толивія произошли (ἐστὶ) въ то время сверхъестественныя (τὰ ὑπερφυσικά) явленія, возможныя (лишь) для единого всевиновника, Христа». «Діонисій» напоминаетъ, что тогда и самъ Аполлофанъ сказалъ: «Здѣсь, любезный Діонисій, усматривается вмѣшательство божественныхъ факторовъ (въ явленія природы)», ταῦτα, ᾧ κατὰ Διονόσιον, θεῶν ἀμειβαὶ πραγμάτων¹.

Движеніе диска луны (№№ 1. 2. 3. 4. 5) при естественномъ солнечномъ затмѣніи.

¹ Migne, s. gr. t. 3, c. 1031AB: Εἰπέ δὲ αὐτῷ [Ἀπολλοφάνης]: Τί λέγεις περὶ τῆς ἐν τῷ σωτηρίῳ σταυρῷ γεγονοῦσας ἐκλείψεως; ἀμφοτέρω γὰρ τότε κατὰ Ἡλιοπόλιν ἄμειβοντες τε καὶ συνεστῶτες παραδόξως τῷ ἡλίῳ τὴν σελήνην ἐμπέπτωσαν ἐωρῶμεν (οὐ γὰρ ἦν συνόδου καιρὸς) αὐτῆς τε αὐτὴν ἀπὸ τῆς ἐναντίας ὥρας ἀχρι τῆς ἐσπέρας εἰς τὸ τοῦ ἡλίου διάμετρον ὑπερφυσικῶς ἀντικαταστάσαν. Ἀνάμνησον δὲ τὶ καὶ ἕτερον αὐτόν· οἶσε γὰρ, ὅτι καὶ τὴν ἔμπροσθεν αὐτὴν ἐξ ἀνατολῶν ἐωρᾶκαμεν ἀρξαμένην, καὶ μέχρι τοῦ ἡλιακοῦ πέρας

И только. Спрашивается: для чего же, *сui bono*, Господь сотворилъ столько «сверхъестественнаго»—*ὑπέρφω*: противо-

τος ἐλθοῦσαν, εἶτα ἀναποδίσασαν, καὶ αὐθις οὐκ ἐκ τοῦ αὐτοῦ καὶ τὴν ἔμπρῳσιν καὶ τὴν ἀνακάθαρσιν, ἀλλ' ἐκ τοῦ κατὰ διάμετρον ἐναντίου γεγεννημένην. Точаυτά ἐστὶ τοῦ τότε καιροῦ τὰ ὑπερφῶ καὶ μόνῳ Χριστῷ τῷ παναγίῳ ζουατῇ, τῷ ποιοῦντι μεγάλα καὶ ἐξίσια, ὧν οὐκ ἐστὶν ἀριθμός. В. В. Болотовъ вторую половину этого разсказа о затменіи «*Ἀνάμνησον — — — γεγεννημένην*» понимаетъ какъ описаніе движенія луны съ востока на западъ, продолжавшагося и послѣ того, какъ она покрыла солнце, въ томъ же необычномъ направленіи, въ которомъ она приблизилась къ восточному его краю предъ его покрытіемъ; уже придя опять въ противостояніе, т. е. описавъ въ цѣломъ почти полный кругъ, она измѣнила свое необычное движеніе на нормальное. Это и представлено на первомъ рисункѣ В. В. Болотова (кругъ С). «*Ἀναποδίσασαν*» (ср. № 4 на другомъ чертежѣ) здѣсь понимается какъ указаніе вообще на отступление луны отъ того положенія, когда она закрывала все солнце, т. е. на переходъ полнаго затменія въ частное. Дальнѣйшія слова: «*καὶ αὐθις οὐκ ἐκ τοῦ αὐτοῦ καὶ τὴν ἔμπρῳσιν καὶ τὴν ἀνακάθαρσιν, ἀλλ' ἐκ τοῦ κατὰ διάμετρον ἐναντίου γεγεννημένην*» истолковываются, какъ противопоставленіе пунктовъ перваго и втораго соприкосновенія луны и солнца при *описываемомъ* въ ареопагитикахъ движеніи діаметрально противоположнымъ пунктамъ того и другаго соприкосновенія при *обычныхъ* затменіяхъ.— Древній комментаторъ ареопагитскихъ сочиненій и за нимъ и позднѣйшіе понимаютъ, однако, это мѣсто иначе, именно въ смыслѣ указанія на обратное движеніе луны, начавшееся непосредственно послѣ того положенія, въ которомъ она закрывала собою солнечный дискъ. При обычныхъ затменіяхъ открытіе или „очищеніе“ (*ἀνακάθαρσις*) солнечнаго диска начинается съ того же самаго края его, который и покрытъ былъ луною прежде всего. И въ данпомъ случаѣ, хотя бы луна двигалась тогда и не съ запада на востокъ, а въ обратномъ направленіи, сходство съ обычными затменіями было бы болѣе полнымъ, если бы открытіе солнечнаго диска началось съ восточнаго же края, съ котораго и началось затменіе. Но и этого здѣсь не было, а луна, дойдя до западнаго края солнца и покрывъ весь солнечный дискъ, пошла потомъ обратно, такъ что прежде всего открылся западный край солнца. S. Maximi Scholia in epistolas s. Dionysii, Migne, s. gr. t. 3, c. 544B: *Ἐξ ἀνατολῶν γὰρ ἐλθοῦσα ἢ σελήνη ὑπέδραμε τὸν ἥλιον, καὶ ἔφραξεν ὅλον τὸν δίσκον αὐτοῦ. Εἶτα οὐκέτι ἐπὶ δυσμὰς παρῆλθεν, ἀλλ' ἀνεπόδισε πάλιν ἐπὶ ἀνατολὰς, καὶ ἐγύμνωσε πρῶτον μέρος τὸ δυτικὸν τοῦ ἡλιακοῦ δίσκου· εἰς τοῦπίσω γὰρ ἀνέδραμεν ἐπὶ τὸ ἐναντὶον διάμετρον τοῦ ἡλίου ἐπὶ ἀνατολὰς· ὥστε μηκέτι τὴν ἔμπρῳσιν καὶ τὴν ἀνακάθαρσιν ἐκ τοῦ αὐτοῦ μέρος γενέσθαι.* Здѣсь «*ἀναποδίσασαν*» понимается буквально—въ смыслѣ обратнаго движенія. Въ словахъ «*οὐκ ἐκ τοῦ αὐτοῦ*» ктл., по этому пониманію, противопоставляются въ дѣйствительности *ἐμπρῳσις* и *ἀνακάθαρσις* одного и того же описываемаго въ ареопагитикахъ затменія. Изъ позднѣйшихъ авторовъ ср. объ этомъ затменіи напр. у иезуита P. Halloix въ его Vita s. Dionysii, въ примѣчаніяхъ. Migne, s. gr. t. 4, c. 702—707 (съ чертежемъ). Соотвѣтственно этому, слова „*εἶτα ἀναπόδι-*

естественнаго? Чтобы два человѣка въ Иліополѣ поглядѣли, почудились и—не пришли ни къ какому нравственно цѣнному результату? Вѣдь Аполлофанъ, сдѣлавъ выводъ въ видѣ «общаго мѣста», остался язычникомъ, а Діонисій—предполагается — обратился только благодаря проповѣди апостола Павла. Два свидѣтеля очевидца не умѣли огласить это событіе такъ, чтобы оно занесено было въ александрійскіе астрономическіе анналы и сдѣлалось извѣстно, кому слѣдовало о томъ знать. Достаточно замѣтить, что уже Юлій Африканъ († ок. 240 г.) ничего не знаетъ о томъ, что во время распятія произошло солнечное затменіе: онъ, какъ и Оригенъ, это прямо оспариваетъ ¹.

σασαν“ κτλ. нужно перевести: „потомъ пошла обратно, и при этомъ не на одномъ и томъ же пунктѣ было и ἐμπῶσις и ἀνακάθαρσις (покрытіе и открытіе), но на діаметрально противоположныхъ (покрытіе на восточной точкѣ солнечнаго диска, открытіе—на западной)“. Такъ переведено у Паркера, р. 149: „then receding back, and again, both the contact and the re-clearing, not taking place from the same point, but from that diametrically opposite“. Ср. переводъ Эригены (Migne, s. l. t. 122, c. 1180C): „deinde retrogradientem, et iterum non ex eodem et occasum et repurgationem, sed secundum diametrum econtrario factam“. Поэтому на первомъ рисункѣ В. В. Болотова правая половина круга С, начиная отъ западнаго края солнечнаго диска, является излишнею; на второмъ рисункѣ, примѣнительно къ представленному на немъ ходу естественнаго солнечнаго затменія, „ἀναποδίξει“ (№ 4) должно бы означать вторичное нахождение луны въ положеніи № 2. Такое пониманіе нужно признать болѣе соответствующимъ тексту даннаго мѣста, нежели предложенное В. В. Болотовымъ. Но для его аргументаціи то или иное толкованіе этого мѣста не имѣетъ значенія, и она сохраняетъ вполнѣ всю свою силу одинаково при томъ и другомъ толкованіи. А. Б.

¹ Юлій Африканъ въ пятой книгѣ своей хроники дѣлаетъ замѣчаніе по поводу сообщенія въ хроникѣ Θалла, самарянскаго (нужно думать) эллиниста и вольноотпущенника императора Тиверія (M. J. Routh, Reliquiae sacrae. Ed. 2. Vol. II. Oxonii 1846, p. 297—8): τοῦτο τὸ σκότος ἐκλείφειν τοῦ ἡλίου Θάλλος ἀποκαλεῖ ἐν τρίτῃ τῶν ἱστοριῶν, ὡς ἐμοὶ δοκεῖ, ἀλόγως. Ἑβραῖοι γὰρ ἄγουσι τὸ πάσχα κατὰ σελήνης ἰδ'. — πῶς οὖν ἐκλείφειν νομισθεῖν κατὰ δίαμετρον σχεδὸν ὑπαρχούσης τῆς σελήνης ἡλίῳ; Находящаяся въ сохранившемся текстѣ хроники Африкана далѣе слова о Флегонтѣ представляютъ, очевидно, позднѣйшую вставку, какъ полагаютъ Whiston и Routh (478—9): Φλέγων ἱστορεῖ ἐπὶ Τιβερίου Καίσαρος ἐν πανσελήνῳ ἐκλείφειν ἡλίου γερονέναι τελείαν, ἀπὸ ὥρας ἕκ της μέχρις ἐνάτης. δῆλον ὡς ταύτην. Оригенъ въ Tract. in Matth. 35, чтеніе Лк. 23, 45: τοῦ ἡλίου ἐκλιπόντος считаетъ позднѣйшимъ измѣненіемъ первоначальнаго текста (можетъ быть— даже со стороны „insidiatores ecclesiae Christi“); мракъ, какъ и землетрясеніе и другія событія при распятіи, признаетъ мѣстными лишь

А чудеса, между тѣмъ, описаны великія. Въ ночь съ 13-го на 14-е нисана луна движется еще по направленію черной стрѣлки [а], но съ утра 14-го нисана она уже летитъ по направленію зеленой стрѣлки [с], діаметрально противоположному. Для того, чтобы это стало физически выполнимо, требуется, чтобы кинетическая энергія луны превратилась прежде всего

явленіями. Ему известна была и хроника Флегонта траллійскаго, вольноотпущенника Адріана; но отвѣчая на возраженія певѣрующихъ относительно достовѣрности евангельскаго разсказа о наступившей при распятіи Господа тѣмъ въ виду того, что объ этомъ фактѣ нѣтъ упоминанія у историковъ, онъ признаетъ, что Флегонтъ вообще не отмѣтилъ того, что это было во время полнолунія: non significavit in luna plena hoc factum (хотя въ греческомъ отрывкѣ его комментарія на то же евангеліе имѣется замѣчаніе иного рода, Routh, II, 479). По представленію Оригена (с. Cels. II, 59), во всякомъ случаѣ, Флегонтъ говорилъ о мракѣ и землетрясеніи въ связи съ разсказомъ о смерти Христа. Но возможно, что Оригенъ, ссылаясь здѣсь на Флегонта, не имѣлъ его подъ руками, и самъ Флегонтъ могъ допускать произвольныя и ошибочныя комбинаціи (ср. с. Cels. II, 14: „въ 13 или 14 книгѣ хроники“ Флегонтъ смѣшивалъ даже Христа и ап. Петра). (Ср. [Harnack]-*Preuschen*, Geschichte der altchristl. Litteratur bis Eusebius. I, 1. Lpz. 1893, S. 867). Сообщение Флегонта о затменіи и о землетрясеніи, бывшемъ въ Виенниі, сохранено въ хроникѣ Евсевія (греческій текстъ у Синкелла): Τῷ δ' ἔτει τῆς σβ' ὀλυμπιάδος ἐγένετο ἕκλειψις ἡλίου μεγίστη τῶν ἐγνωσμένων πρότερον, καὶ οὐδ' ὥρα ἕκτη τῆς ἡμέρας ἐγένετο. ὥστε καὶ ἀπέραντα ἐν οὐρανῷ φανήναι σεισμός τε μέγας κατὰ Βιθυνίαν γενόμενος τὰ πολλὰ Νικαίας καταστρέψατο. Цѣлый рядъ особыхъ трактатовъ по вопросу объ упоминаемомъ Флегонтомъ затменіи появился, между прочимъ, въ XVІІІ в. на англійскомъ языкѣ по поводу устанавливаемой различіе между отмѣчаемымъ у Флегонта фактомъ и помраченіемъ солнца при распятіи диссертациі А. А. Sykes, A Dissertation on the Eclipse mentioned by Phlegon. Or, An Enquiry whether that Eclipse had any Relation to the Darkness which happened at our Saviour's Passion. London 1732. Противъ нея направлено разсужденіе W. Whiston, The Testimony of Phlegon vindicated. London 1732 (съ собраніемъ выписокъ о затменіи изъ авторовъ первыхъ шести вѣковъ). Отвѣтомъ на него было А. А. Sykes, A Defence of the Dissertation on the Eclipse mentioned by Phlegon. London 1733. Послѣ этого появился трактатъ J. Chapman, Phlegon examined Critically and Impartially. In Answer to the late Dissertation and Defence of Dr. Sykes. Cambridge 1734. Sykes написалъ тогда A second Defence of the Dissertation upon the Eclipse mentioned by Phlegon. London 1734. Chapman издалъ еще Phlegon Re-examined: In Answer to Dr. Sykes's Second Defence of his Dissertation concerning Phlegon. Cambridge 1735. Routh, II, 479, упоминаетъ еще Whiston's Sex Dissertations. О показаніяхъ Флегонта, Юлія Африкана и Оригена ср. H. F. Clinton, Fasti Romani. Vol. II. Oxford 1840, p. 279—280 M. J. Routh, Reliquiae sacrae. Ed. 2. Vol. II. Oxonii 1846, p. 477—480.

въ нуль, а потомъ луна зарядилась новою энергіею для движенія въ противоположномъ направленіи, а къ заходу солнца 14-го нисана и эта энергія должна перейти въ нуль, а луна—еще разъ—зарядиться энергіею для продолженія своего движенія въ нормальномъ, но діаметрально противоположномъ описанному Діонисіемъ направленіи (на діагр. [кругъ С у 15 нисана]).

Но когда кинетическая энергія приводится къ нулю, она въ сущности переходитъ въ теплоту. Луна—игрушечка вѣсомъ $\frac{1}{80}$ всего земного шара, слѣдовательно въ 4.687 съ четвертью триллионовъ пудовъ (число это состоитъ изъ 22 цифръ),—несется со среднею скоростію въ 1022 метра въ секунду.

(Наша верста=1066, 79 метр. Пушечное ядро пролетаетъ только 632 метра въ секунду).

Если бы луна вдругъ остановилась, то ея температура (допуская, что масса, изъ которой луна состоитъ, обладаетъ теплоемкостью даже желѣза) повысилась бы на 1142°! Но, послѣ затменія, луна въ три часа (а по «Діонисію» чуть не во мгновеніе ока) пролетаетъ то пространство, на которое она по естественному порядку затрачиваетъ около полмѣсяца, т. е. она въ это время летитъ со скоростью приблизительно въ 112.444 метровъ въ секунду (= со скоростію 105 верстъ въ секунду). И вся эта кинетическая энергія должна была опять превратиться въ тепло, т. е. температура луны должна возвыситься на 13.823.000°! И всѣхъ этихъ чудесъ не замѣтилъ никто,—Діонисій и не подозрѣвалъ о нихъ!

Библейскія чудеса такую расточительностію не отличаются.

Если бы кто, при объясненіи подобныхъ невѣроятныхъ диковицъ, сталъ на ту точку зрѣнія, что въ нихъ выразилось объективное состраданіе неразумной природы съ Создателемъ (не только субъективное, умопредставляемое только человекомъ); то какъ отвѣтить на вопросъ: да почему же эти ужасы терпитъ только луна, а царь неодушевленной природы — солнце—не принимаетъ въ нихъ никакого участія? Вѣдь, если мы и говоримъ о затменіи солнца, то говоримъ съ точки зрѣнія чисто субъективной: намъ такъ кажется, что дискъ луны затмеваетъ солнце; на дѣлѣ же тѣнь отъ луны покрываетъ только землю. Слѣдовательно, никакихъ солнечныхъ затменій объективно не бываетъ, и потому и эта *ratio theologica* («состраданіе твари») въ данномъ научномъ вопросѣ не разъясняетъ ничего.

Изъ всего сказаннаго видно, что для земли совершенно безразлично, какая тѣнь ее покрываетъ, и нѣтъ ни малѣйшихъ основаній настаивать, что омраченіе солнца въ часы распятія Господа было явленіе астрономическое (факторъ — луна), а не метеорологическое (факторъ — особое состояніе воздуха, нѣчто въ родѣ египетской тьмы или пресловутыхъ лондонскихъ тумановъ).

Итакъ изъ-за epistola «Dionysii» septima богословы не имѣютъ побужденія объявлять войну астрономіи. Въмѣсто всякаго храбрствованія на супостаты лучше признать фактъ, что это посланіе — неумный подлогъ слишкомъ захитрившаго ученаго V—VI в. ¹.

---

¹ Это 7-е письмо „Діонисія“ дало поводъ къ появленію еще и другихъ подлоговъ съ именемъ Діонисія Ареопагита. Такъ, ему приписанъ трактатъ по астрономіи и метеорологіи, имѣющійся на сирійскомъ языкѣ и изданный *M. A. Kugener*’омъ, *Un traité astronomique et météorologique syriaque attribué à Denys l’Aréopagite*, въ *Actes du XIV-e Congrès international des Orientalistes*, t. II, Paris 1907, p. 137—198 (съ введеніемъ и переводомъ на французскій языкъ). Существуетъ затѣмъ легендарная „автобіографія“ Діонисія или рассказъ его о своемъ обращеніи въ христіанство, гдѣ онъ сообщаетъ и о бывшихъ во время смерти Христа затменіи солнца и землетрясеніи; свидѣтелемъ ихъ онъ былъ, когда находился въ Иліополѣ въ Сиріи, и свою запись о нихъ могъ потомъ сопоставить съ рассказомъ апостола Павла объ обстоятельствахъ смерти Спасителя, когда Павелъ пришелъ чрезъ 14 лѣтъ въ Лѣнны съ проповѣдью евангелія; это и убѣдило его въ истинности евангелія. Объ этой автобіографіи и ея содержаніи упоминаетъ и Шаркеръ, p. vij. На сирійскомъ языкѣ этотъ памятникъ издалъ также *M. A. Kugener*, *Une autobiographie syriaque de Denys l’Aréopagite*, въ *Oriens Christianus*, t. VII (1907), 1910, p. 292—348. Значительный отрывокъ коптскаго (саидскаго) перевода обнародовалъ еще ранѣе *O. von Lemm*, *Eine dem Dionysius Areopagita zugeschriebene Schrift in koptischer Sprache*, въ *Извѣстіяхъ Императорской Академіи Наукъ*, т. XII, № 3, 1900, стр. 267—306 (съ переводомъ на нѣмецкій языкъ). Арабскій текстъ легенды привелъ *P. Peeters* въ своей статьѣ въ арабскомъ журналѣ *Al-Machriq*, t. XII, 1909, p. 118—127 (*De historia sancti Dionysii Areopagitae hujusque epistola ad Apollorphanem*); сдѣланный имъ латинскій переводъ арабской редакціи онъ напечаталъ въ *Analecta Bollandiana*, t. XXIX, 1910, p. 302—322: *La vision de Denys l’Aréopagite à Héliopolis* (съ обстоятельнымъ введеніемъ). Армянскій переводъ издалъ *P. N. Akinian*, въ армянскомъ журналѣ *Hantess*, 1913, t. XXVII, с. 641—659. *Kugener* считаетъ какъ трактатъ, такъ и автобіографію, сирійскими произведеніями (первое V—VI в., второе конца VI — начала VII). *Peeters* предполагаетъ для того и другого памятника греческіе оригиналы. Св. Максиму Исповѣднику († 662) авто-

Rev. J. Parker пропагандируетъ между «членами англійской церкви» творенія Діонисія въ упованіи, что это поможетъ англичанамъ уразумѣть «греческую православную церковь и содержимое ею апостольское ученіе».

Въ этихъ словахъ—признаюсь—для меня много неяснаго. Во-первыхъ, для англичанъ, способныхъ составить свое сужденіе о «греческой православной церкви», переводы на англійскій языкъ пожалуй и не нужны, такъ какъ для этого класса общества понятенъ и греческій подлинникъ. Во-вторыхъ, это какъ будто отзывается и лавочкой: «пожалуйте!» пожалуйте! у насъ покупали!» Вѣдь Rev. J. Parker еще въ 1894 г. перевелъ на англійскій языкъ обѣ «Іерархіи» Діонисія.

«Ничто не можетъ привести англиканскую церковь столь полно въ соприкосновеніе съ греческою православною церковію—какъ признаніе подлинности твореній Діонисія».

Вотъ вамъ и здравствуйте! Эта логика для меня совсѣмъ «сапоги въ смятку». Предполагается, что нравы русскаго мужика удивительно какъ облагодятся, если заставить его по воскресеньямъ слушать симфоніи Бетховена. Ну и прекрасно! Дѣйствуйте, музицируйте!—Ахъ, нѣтъ! Предварительно требуется, чтобы мужикъ исповѣдалъ, что эти симфоніи—подлинныя творенія Бетховена.—Ну а безъ этого исповѣданія? — — — — Да вѣдь если Агеопагитика, по вашему, — такой отличный источникъ для ознакомленія съ духомъ греческой церкви, то изъ нихъ англикане во всякомъ случаѣ съ духомъ греческой церкви ознакомятся, совершенно независимо отъ того, кому принадлежать эти сочиненія.

Rev. J. Parker ожидаетъ, что Ваше Высокопреосвященство «сдѣлаете извѣстнымъ англиканскимъ епископамъ преданія восточныхъ церквей и—въ частности—заявленія (the declarations) греческой церкви относительно этихъ твореній» и—вѣроятно—чтобы побудить Ваше Высокопреосвященство не

біографія не была еще извѣстна. Но аббатъ Гильдуинъ въ началѣ IX в., можетъ быть, уже имѣлъ ее подъ руками. Самого Гильдуина можно подозрѣвать въ измышленіи еще особаго документа— письма Діонисія къ Аполлофану, которое извѣстно лишь на латинскомъ языкѣ и помѣщено у Гильдуина въ составленной имъ Vita sanctissimi Dionysii и потомъ было издаваемо какъ 11 письмо Діонисія. (Ср. Peeters, p. 310—313).

медлить этимъ сообщеніемъ англійскимъ епископамъ — прибавляетъ:

«Въ Германіи быстро возрастаетъ школа, которая допускаетъ ихъ подлинность; и во Франціи выдающіеся ученые возвращаются къ древнему воззрѣнію».

Прежде всего о школахъ. Я не знаю, кого Rev. J. Parker разумѣетъ подъ «выдающимися учеными», но сильно подозреваю, что какіе-нибудь маленькіе аббатыки, что въ гостинныхъ битъ привыкли маленькіе набатики» насчетъ обновленія католицизма, насчетъ лурдскихъ чудесъ да еще великой любви св. отца къ Франціи и—пожалуй—къ этой бѣдной схизматической Russie, которая такъ нуждается въ единеніи съ «центромъ единства». Словомъ, подъ сѣнію Ватикана во Франціи наука богословская далеко не въ авантажѣ обрѣтается, и мнѣнія этихъ «distinguished scholars» можно пожалуй и совсѣмъ игнорировать. — Германія — другое дѣло. и Dr. Schneider вѣроятно является здѣсь первоисточникомъ для Паркера. Въ такомъ случаѣ не излишне припомнить, что извѣстная статья проф. Лянгена въ Revue Intern. de Theologie 1893 (I томъ), 591 о «Школѣ Герооея» начинается словами:

«Что Ареопагитъ, ученикъ ап. Павла, не писалъ извѣстныхъ твореній, это для разумѣющихъ дѣло не подлежитъ «никакому сомнѣнію. Объ этомъ не стоило бы и словъ терять, «если бы въ наше время, когда, для извѣстныхъ церковныхъ «цѣлей стараются затемнить (а если возможно, то и совсѣмъ «заглушить) даже самыя безспорныя научныя истины, — не «осмѣлились сдѣлать попытку—и Ареопагита ввести во владѣніе твореніями, на авторство которыхъ онъ, какъ увидимъ «далѣе, никогда не заявлялъ своихъ претензій. Знаменіемъ «времени являются: «Aeropagitica. Творенія св. Діонисія Ареопагита. Защита ихъ подлинности von Dr. Ceslaus M. Schneider, «Regensburg, Manz 1884». И Штöкль въ своей «Исторіи «философіи христіанской патристическаго времени (Mainz «1891)» уже пытается эксплуатировать этотъ литературный «подвигъ (Leistung) Шнейдера на томъ соломоновски премудромъ основаніи, что онъ хотѣлъ бы *пустить въ ходъ* ¹⁾ «вопросъ о принадлежности этихъ твореній Ареопагиту».

¹⁾ Точнѣе подчеркнутое нѣмецкое выраженіе можно перевести: „привести въ колебаніе“. [Примѣчаніе В. В. Болотова; въ нѣмецкомъ текстѣ стоять, S. 592: „in der Schwebe lassen wollen“].

Слѣдовательно нечему удивляться, если Шнейдеры и К^о ревуть: «препрехомъ! побѣдихомъ!»! А Паркеры имъ вѣрятъ.

И конечно Паркерамъ было бы пріятно однимъ камнемъ трехъ зайцевъ убить. Какъ было бы это хорошо и для св. престола пользительно, если бы въ авторитетномъ письмѣ къ англиканскимъ епископамъ изъ Россіи

а) подтвердили воззрѣнія на *Areopagitica* Паркеровъ, Шнейдеровъ и К^о, а затѣмъ

б) изъ-за *Areopagitica* пробѣжала черная кошка между русскою церковію и англиканами и

в) между русскою церковію и нѣмецкими старокатоликами! А добрые люди — нѣмецкіе протестанты и безъ всякаго злого умысла эту искорку пораздули бы! Еще бы! Вѣдь они уже преподавали этимъ нѣмецкимъ (хотя и въ Боннѣ и Мюнхенѣ) профессорамъ совѣтъ—не лѣзть къ этимъ «*Orientalen*»: поразять-де васъ своимъ обскурантизмомъ.

Въ заключительныхъ строкахъ Rev. J. Parker просить Ваше Высокопреосвященство извѣстить его, та литургія Діонисія Ареопагита, которую онъ, Паркеръ, перевелъ съ латинскаго [и замѣчу: перевелъ ни единымъ словомъ не обмолвившись, что эта литургія употребляется у сирскихъ монофиситовъ,—напротивъ въ своемъ предисловіи, pag. 185, выражая свое «мнѣніе», что эта литургія написана св. Діонисіемъ Ареопагитомъ «для еерापевтовъ близъ Александріи,»— «написана не ранѣе кончины Іакова, апостола и мученика, въ 42 г., и вѣроятно не позже 67 г., когда Діонисій, по требованію св. Павла, оставилъ Аѳины для того, чтобы сойтись съ апостоломъ въ Римѣ, откуда апостоль и послалъ его въ Галлію»] можетъ ли быть найдена или въ подлинномъ греческомъ [текстѣ] или въ сирскомъ переводѣ.

Не постигаю, зачѣмъ ставится этотъ вопросъ. Кому бы, кажется, какъ не англичанину, и знать, что въ Лондонѣ, въ *British Museum* въ двухъ сирскихъ рукописяхъ Add. 14,690 fol. 56^b—fol. 69^a и (частію) Add. 17,128, fol. 23^b—f. 28^b читается сирскій текстъ «Анафора святаго маръ-Діонисія, епископа града Аоинъ»?

Съ рискомъ—перешагнуть тотъ предѣлъ, въ которомъ Вашему Высокопреосвященству было благоугодно выслушать мое мнѣніе—я все же выскажу и краткій смыслъ моей длинной рѣчи.

Если имѣются и другія свѣдѣнія, не оставляющія возможности сомнѣваться въ томъ, что Rev. Джонъ Паркеръ—римско-католикъ: то его письмо не заслуживаетъ никакого отвѣта. Слишкомъ нахальна эта братія. Кажется, русскому съ высокимъ положеніемъ и шага сдѣлать нельзя въ заграничномъ направленіи,—чтобы около него не завертѣлся кубаремъ какой-нибудь ватиканскій челядинецъ: какой-нибудь padre Vanutelli или Tondini de' Quarenghi, или père Jonquet. «Никакого отвѣта» единому отъ нихъ было бы полезнымъ урокомъ для этихъ ватиканскихъ рептилій.

Но если отвѣтъ Джону Паркеру признанъ будетъ Вашимъ Высокопреосвященствомъ неизбѣжнымъ, то вопрошателью, быть можетъ, будетъ достаточно услышать, что наиболѣе авторитетный между всѣми русскими богословами, митрополитъ Филаретъ московскій, еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія Агеографіка отнесъ къ разряду Dubia.—А затѣмъ, по второму вопросу, Rev. J. Parker можетъ удовольствоваться ссылкой на Brit. Mus. Add. 14,690 и Add. 17,128.

Испрашивая Вашего Святительскаго благословенія
имѣю честь быть
Вашего Высокопреосвященства
всепокорнѣйшій послушникъ
В. Болотовъ.

18/19. ноября
1897.

P.S. Письмо и книжку возвращу Александру Павловичу.

Воспоминанія стараго профессора

(съ 1847 по 1913 г.).

III. Въ С.-Петербургской Духовной Академіи: XXV-й курсъ 1859—1863 г.

ПРІѢЗДЪ изъ Нижняго Новгорода въ Петербургъ имѣлъ для меня большее значеніе, чѣмъ для другихъ, въ томъ числѣ и для моего спутника, Ѳ. Г. Елеонскаго. Это былъ рѣшительный переломъ, крутой поворотъ въ моей личной жизни. Жившій доселѣ, со временъ младенчества, въ семействѣ, да еще очень замкнутомъ, не испытавшій жизни среди чужихъ, я чувствовалъ себя беззащитнымъ птенцомъ, выпавшимъ изъ родного гнѣзда. Другіе мои товарищи, оставлявшіе родительскіе дома на цѣлые учебные годы, для ученья въ училищѣ и семинаріи, не могли и наполовину чувствовать того, что переживалъ я. Неудивительна поэтому моя растерянность и нервность, сопутствовавшія мнѣ во все время нашего путешествія и еще болѣе усилившіяся по пріѣздѣ въ холодный во всѣхъ смыслахъ Петербургъ, всего менѣе способный успокоительно и живительно подѣйствовать на взбудораженные нервы и захододѣвшее сердце.

Трогательно простившись съ родителями, родными и прекраснымъ Нижнимъ Новгородомъ, поѣхали мы, въ началѣ августа 1859 г., на Самолетскомъ пароходѣ, вверхъ по Волгѣ на Ярославль, такъ какъ нижегородской дороги тогда еще не было; она только что начинала строиться. На этомъ пароходѣ, совершенно неожиданно, оказался у насъ еще спутникъ, студентъ пермской семинаріи, ѣхавшій также въ Петербургскую Академію и такъ же, какъ и мы, волонтеромъ — А. Е. Адриа-

новскій. Приѣхали мы въ Ярославль рано утромъ, на очень короткое время остановились въ общей залѣ одной весьма видной, едва ли не самой лучшей гостиницы этого города, — родины и разсадника русскихъ трактирщиковъ и трактировъ. Здѣсь, въ этой гостиницѣ (Пастухова) мы поражены были множествомъ сборщиковъ и сборщицъ, въ особенности монаховъ и монахинь, пристававшихъ въ общей залѣ къ посетителямъ съ просьбами о пожертвованіи. Хотя мы и привыкли въ своемъ Нижнемъ, въ особенности во время ярмарки, къ этому зрѣлищу, но слишкомъ большое количество сборщиковъ, да еще монашествующихъ, и притомъ раннимъ утромъ, показалось намъ все-таки необычайнымъ. Напившись чаю, отправились отыскивать контору экипажей частнаго общества «Общественная Польза», на которую указали намъ на пароходѣ. Въ одномъ изъ дилижансовъ этого общества и пришлось намъ ѣхать въ Москву, такъ какъ и ярославской желѣзной дороги тогда еще не было, не было желѣзнаго пути и на участкѣ отъ Троице-Сергіева Посада до Москвы. На этомъ участкѣ желѣзная дорога отъкрыта была года черезъ два (вѣроятно въ 1861—1862 г.), гораздо ранѣе устройства полной линіи московско-ярославской желѣзной дороги. Ѣхали мы въ дилижансѣ, отъ Ярославля до Москвы, около двухъ сутокъ (240 верстъ) чрезъ Ростовъ, Переяславль, Троице-Сергіевъ Посадъ. Когда мы приѣхали въ Посадъ, несмотря на короткое время остановки, успѣли однако посѣтить соборъ, гдѣ покоятся мощи преп. Сергія и посмотрѣть на Московскую Духовную Академію, заглянули даже въ студенческія комнаты.

Приѣхали мы въ Москву наканунѣ праздника Преображенія Господня, въ прекрасный ясный день, остановились на краю города на какомъ-то плохенькомъ постояломъ дворѣ и, конечно, сейчасъ же отправились въ московскій Кремль, приведшій насъ въ восторгъ. Тамъ готовился крестный ходъ; время было уже къ вечеру, началась всенощная. Дивный видъ на Замоскворѣчье и затѣмъ выложенная гладкими плитами, точно въ храмѣ, площадь Кремля, окруженная величественными древними соборами, украшенная хоругвями крестнаго хода и оживленная собравшимся народомъ, представляла картину, полную поразительнаго великолѣпія и умилительной красоты. Да и вся Москва крайне намъ понравилась, и неудивительно, такъ какъ, въ обширныхъ размѣрахъ, она напо-

минала намъ нашъ родной городъ и если не отличалась такимъ выдающимся мѣстоположеніемъ, какъ Нижній, за то говорила сердцу очень много своимъ несравненнымъ ни съ чѣмъ Кремлемъ, своими многочисленными древними памятниками и церквами и чисто-русскимъ характеромъ. Мягкій ея климатъ, гораздо лучшій нижегородскаго, также подкупалъ въ ея пользу. Не такое впечатлѣніе произвелъ на насъ Петербургъ.

Туда мы отправились уже по желѣзной дорогѣ. И хотя пассажирскіе поѣзда ходили тогда отъ Москвы до Петербурга ровно 30 часовъ, но эта, по нынѣшнему времени крайне медленная, ѣзда показалась намъ тогда, послѣ ѣзды въ дилижансѣ, необычайно быстрой. Такое впечатлѣніе нѣсколько ослаблялось только слишкомъ продолжительнымъ стояньемъ поѣзда на каждой изъ многочисленныхъ станцій, обыкновенно не менѣе 10 минутъ на самой незначительной станціи и не менѣе получаса, а то и цѣлый часъ—на большой ¹⁾). Кондукторами были тогда солдаты въ киверахъ, да и все управленіе желѣзной дороги было военное; съ пассажирами не церемонились, а приучали ихъ къ военной субординаціи; особенно, помнится, грозно держали себя кассиры, вселяя трепеть въ пассажировъ, подходящихъ за билетами къ ихъ рѣшеткѣ. Для проѣзда по желѣзной дорогѣ выдали намъ билеты, не нынѣшніе маленькіе, а большіе длинные листики, съ обозначеніемъ всѣхъ многочисленныхъ до Петербурга станцій и съ выставленною противъ каждой — цѣною проѣзда до нея, отъ Москвы.

Приѣхали въ Петербургъ подвечеръ. Здѣсь насъ встрѣтило сѣрое, свищовое небо и слегка морозящій дождь. Самое первое впечатлѣніе получилось непріятное, какъ разъ противоположное тому, какое произвела на насъ Москва. Повѣяло холодомъ, пахнуло какимъ-то нерусскимъ духомъ, и народъ оказался какимъ-то особеннымъ, далеко не такимъ благодушнымъ, какъ москвичи, сумрачнымъ, чѣмъ-то озабоченнымъ, быстро куда-то бѣгущимъ. Словомъ, невольно сжалось сердце и захотѣлось поскорѣе бѣжать изъ этого несимпатичнаго го-

---

¹⁾ Когда приѣхали на станцію Тверь, мы поражены были возгласомъ кондуктора: „станція Тверь, берегите карманы“. Такое предупрежденіе пассажировъ относительно этой станціи приходилось слышать долго (до 70-хъ годовъ) и въ послѣдующіе годы ѣзды по Николаевской желѣзной дорогѣ.

рода. Не предчувствовалъ я тогда, что придется прожить въ немъ болѣе двухъ третей жизни и навсегда въ немъ поселиться.

При переѣздѣ съ вокзала Николаевской желѣзной дороги въ городъ случилось съ нами курьезное приключеніе. Не имѣя ни малѣйшаго понятія о томъ, въ какой части города находится Академія и по-нижегородски предполагая, что она всѣмъ здѣсь извѣстна ¹⁾, мы велѣли извозчику вести насъ въ Духовную Академію. Помнится, извозчикъ сначала какъ-то замаялся,—на что мы тогда не обратили никакого вниманія,—а потомъ быстро сообразивъ, что мы пріѣзжіе, попали въ Петербургъ въ первый разъ, отвѣтилъ, что онъ знаетъ, гдѣ находится Духовная Академія и повезъ насъ какъ разъ въ противоположную сторону—къ Казанскому Собору. Затѣмъ, когда привезъ насъ къ гостиницѣ, на Екатерининскомъ каналѣ, противъ Казанскаго Собора, на нашъ вопросъ, гдѣ же находится Академія, рѣшительно махнулъ рукой по направленію собора и отвѣтилъ только: «тамъ». Въ добавокъ, въ наказаніе за нашу неопытность и за то, что мы не условились на счетъ платы за провозъ (воображали почему-то, что въ Петербургѣ есть такса для извозчиковъ) содралъ 1 р. съ насъ (а другой извозчикъ еще 1 р. съ нашего спутника)—за это небольшое пространство. Отъ корридорнаго гостиницы мы потомъ узнали, что въ Петербургѣ есть двѣ духовныя академіи, одна на Васильевскомъ островѣ (римско-католическая), а другая за Александро-Невскою Лаврою (православная). Занявъ номеръ въ гостиницѣ, мы остановились здѣсь втроемъ, вмѣстѣ съ неразлучнымъ нашимъ, начиная съ парохода, спутникомъ А. Е. Ад—мъ и провели первые сутки въ Петербургѣ. Нашъ компаньонъ былъ чрезвычайно радъ, что попалъ въ столицу ²⁾,

¹⁾ Потомъ мы имѣли много случаевъ убѣдиться, что въ Петербургѣ въ тогдашнее время очень мало знали нашу Академію не только извозчики, но даже и свѣтскіе образованные люди и смѣшивали ее по большей части съ духовной консисторіей, а иные—съ духовной семинаріей. Большая ея извѣстность началась съ 1869 г., когда начали печатать о ней въ свѣтскихъ газетахъ, по поводу диспутовъ, годичныхъ актовъ и т. п.

²⁾ Какъ только мы вошли въ номеръ гостиницы, онъ развеселилъ насъ однимъ очень наивнымъ замѣчаніемъ. Увидѣвъ въ занятомъ нами номерѣ кошку, онъ воскликнулъ: „а знаете что, братцы: вѣдь это кошка столичная“! Вѣроятно, думалъ онъ, при этомъ: вотъ сколько сотъ верстъ пришлось мнѣ проѣхать, чтобы попасть изъ Екатеринбурга въ Петербургъ, а это животное со дня своего рожденія пользуется благами столичной жизни и есть воистину коренной столичный житель.

съ границы Сибири, изъ Екатеринбургa. Меня же, какъ сказано, она совѣмъ не привела въ восторгъ. Если что въ ней поправилось и пріятно поразило, то это обиліе памятниковъ, статуй и другихъ произведеній искусства, вродѣ группъ на Аничковскомъ мосту.

Впрочемъ, все это мы успѣли разсмотрѣть только въ слѣдующіе дни, а на другой день по пріѣздѣ первымъ дѣломъ, конечно, поспѣшили въ Академію, предъявили въ ней свои билеты, а затѣмъ отправились отыскивать для себя на время экзаменовъ болѣе дешевое помѣщеніе ¹⁾. Въ качествѣ волонтеровъ мы не имѣли права пользоваться помѣщеніемъ въ зданіи академіи; это была привиллегія студентовъ, присланныхъ изъ духовныхъ семинарій на казенный счетъ.

Прежде всего мы отправились въ слободку, помѣщающуюся за Обводнымъ Каналомъ, какъ разъ противъ Академіи. Туда направили насъ окончившіе въ томъ году академическій курсъ (XXIII) и жившіе въ академіи, въ ожиданіи назначеній на мѣста. Эта слободка была обычнымъ мѣстопробываніемъ волонтеровъ, пріѣзжающихъ держать экзаменъ для поступленія въ Академію. Но мы почему-то не нашли въ ней подходящаго для насъ помѣщенія ²⁾ и рѣшились искать его въ самомъ го-

¹⁾ Хотя гостинница, въ которой мы принуждены были остановиться, далеко не принадлежала къ числу перворазрядныхъ, но все-таки она была намъ не по карману, въ особенности мнѣ съ Ѳ. Г. Ед—мъ. Нашъ спутникъ былъ гораздо богаче насъ. Мой небогатый родитель снабдилъ меня деньгами въ очень небольшомъ количествѣ. И безъ того пришлось много издержать на наше путешествіе, да предстоялъ еще взносъ на первоначальное обмундированіе (34 р. 28 к.) съ cadaго волонтера, принятаго на казенное содержаніе. Полная плата принятаго въ академію, но на своемъ содержаніи, т. е. пансіонера, была тогда 143 р. 16 к. въ годъ. Какъ устроились денежныя дѣла Ѳ. Г. Ед—го, совсѣмъ не помню. Вѣроятно, мой дѣдъ собралъ послѣдніе крохи для своего послѣдняго сына; да и мой родитель, безъ сомнѣнія, не отказался помочь, насколько могъ, своему младшему брату.

²⁾ На одной изъ осмтрѣнныхъ нами квартиръ квартирная хозяйка, узнавъ, что мы нижегородцы, сообщила намъ, что вѣсколько лѣтъ тому назадъ у нея жилъ также нижегородецъ, который такъ же, какъ и мы, пріѣхалъ въ Академію, но что-то ему здѣсь не повезло, и онъ перешелъ на Васильевскій Островъ. Мы сейчасъ же догадались, что это былъ нашъ землякъ Н. А. Добролюбовъ, поступившій въ Педагогическій Институтъ. Когда мы назвали ей фамилію, она подтвердила нашу догадку. Это было несомнѣнно въ 1853 г., такъ какъ въ этомъ именно году Н. А. Доб—въ поступилъ въ Педагогическій Институтъ, который и окончилъ въ 1857 г.

родѣ, гдѣ и нашли въ одной третьеразрядной гостинницѣ («Ярославль»), помѣщавшейся по Гончарной улицѣ, совершенно рядомъ съ вокзаломъ Николаевской жел. дороги. Питались здѣсь очень плохо, прибѣгая больше къ сухояденію, да чаю съ булками. Поразила насъ вода, которую подавали намъ для чая. Въ чайникѣ съ кипяткомъ оказывался всегда очень толстый слой грязи (не песку, или извести, а именно грязи). На вопросъ нашъ, отъ чего это зависитъ, намъ отвѣчали, что они берутъ воду изъ Лиговскаго канала, который протекалъ мимо вокзала и шелъ чрезъ всю Лиговскую улицу, по направленію къ Таврическому саду. Тогда вода не была еще проведена въ дома и ее возили бочками ¹⁾). Поэтому-то

Слѣдовательно, онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, не окончивъ полного семинарскаго курса, хотя его біографы и утверждаютъ, будто онъ его окончилъ. Полный семинарскій курсъ онъ могъ окончить только въ слѣдующемъ 1854 г., въ которомъ окончили семинарію семинарскіе его товарищи (В. В. Лаврскій и В. И. Соколовъ), посланные на казенный счетъ, въ томъ же 1854 г., въ казанскую академію и окончившіе ее въ 1858 г. Дѣло въ томъ, что годы окончанія курсовъ въ нижег. сем., какъ и въ другихъ семинаріяхъ казанскаго и московскаго академическихъ округовъ, были тогда только четные (вѣдь, не нужно забывать, что каждый курсъ продолжался два года), тогда какъ въ семинаріяхъ петерб. и кievскаго округовъ — годы эти были нечетные. Одиный только семинарскій товарищъ Доб—ва И. Г. Журавлевъ поступилъ въ спб. академію въ 1853 г., гдѣ и окончилъ въ составѣ XXII к. въ 1857 г. (послѣднимъ кандидатомъ 33, за очень плохое, какъ мы слышали, поведеніе). Онъ пріѣхалъ также за годъ до окончанія сем. курса, былъ посланъ въ спб. Академію на казенный счетъ. Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхалъ и Н. А. Д—въ, но на свой счетъ. По наведеннымъ нами справкамъ у нижегород. его родственниковъ, дѣло было такъ. Н. А. стремился собственно въ университетъ, но этого не желалъ его отецъ, а потому онъ избралъ спб. Акад. Пріѣхавъ въ СПБ., остановился на частной квартирѣ, очевидно въ осмотрѣнной нами слободкѣ, а Жур—въ, какъ казеннокоштный, въ акад. зданіи. На квартирѣ «отъ студентовъ» онъ узналъ, что одновременно (съ 17 авг.) производятся пріемные экзамены въ Педаг. Инстит., что поступить туда пожалуй даже легче, чѣмъ въ академію, что институтъ есть высшее учебное заведеніе, не хуже университета, съ полнымъ казеннымъ содержаніемъ. Онъ и рѣшился попробовать держать тамъ экзамены. Къ нимъ онъ допущенъ былъ безъ документовъ, а на экзамены въ академію пока не ходилъ, сказавшись больнымъ. По выдержаніи экзаменовъ въ Инст., началъ онъ хлопотать о полученіи документовъ изъ академіи. Въ Педагог. Институтъ поступилъ онъ на полное казенное содержаніе, 17-ти только лѣтъ отъ роду.

¹⁾ Къ работамъ по устройству въ СПБ. водопровода, какъ оказывается по наведеннымъ сивкамъ, приступили только въ 1859 г., т. е.

въ нашей скромной гостиницѣ считали роскошью давать для чая невскую воду, да еще жильцамъ такого невысокаго полета, какъ бѣдные пріѣзжіе студенты. Другимъ жильцамъ и почетнымъ посѣтителемъ, можетъ быть, ее и давали.

До наступленія экзаменовъ познакомились съ Петербургомъ, съ замѣчательными его зданіями, дворцами, соборами, памятниками, наконецъ улицами и Невою. Запуганные, еще въ Нижнемъ, рассказами о холодной петербургской погодѣ, мы ходили по Петербургу въ шубахъ, даже и въ выпадавшіе тогда ясные, теплые августовскіе дни, такъ что возлѣ Казанскаго собора обратили на себя вниманіе одного тамошняго священника. Сразу признавъ въ насъ пріѣзжихъ семинаристовъ, онъ добродушно посмѣялся надъ нами, а въ заключеніе просилъ бывать у него, чего мы, впрочемъ, почему-то ни разу не сдѣлали. 30 августа, въ день св. Александра Невскаго, любовались необыкновенно пышною процессією въѣзда всей Царской Фамиліи въ Александро-Невскую Лавру. Изъ Зимняго Дворца, по Невскому проспекту, слѣдовалъ рядъ золотыхъ каретъ въ сопровожденіи конвоя не только изъ казаковъ, но и изъ осетинъ, абхазцевъ, гурійцевъ и другихъ кавказскихъ народностей. — въ своеобразныхъ одеждахъ, въ металлическихъ шлемахъ и какихъ-тѣ кольчугахъ. Въ золотыхъ каретахъ сидѣли Дамы Императорской Фамиліи и ихъ свита, Государь же Императоръ съ Великими Князьями и свитою слѣдовали на коняхъ. Помнится, такія процессіи въ этотъ день повторялись и въ слѣдующіе два, три года, а потомъ съ наступленіемъ смутнаго времени (польскаго возстанія 1862—1863 г.) прекратились.

Начались наконецъ экзамены. На экзаменъ явилось 67 человекъ: 30 присланныхъ на казенный счетъ и 37 волонтеровъ. Такое большое количество волонтеровъ, какъ тогда говорили, было явленіемъ до тѣхъ поръ, въ Петербургской Академіи, небывалымъ. Особенно много было ихъ изъ петербургской семинаріи: кромѣ 5 казеннокоштныхъ (слишкомъ большой процентъ на 30 казеннокоштныхъ вакансій для воспитанниковъ всѣхъ другихъ семинарій)¹⁾, еще 7 человекъ волонтеровъ, такъ что

въ годъ нашего пріѣзда въ Петербургъ. Но первоначальныя работы оказались неудачными и водопроводъ былъ перестроенъ въ 60-хъ годахъ. Въ зарѣчныхъ же частяхъ города водопроводъ устроенъ только въ 1874—75 г.

¹⁾ Вѣроятно, это объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что тогдашнимъ ректоромъ спб. Академіи оказался архим. Нектарій (Надеждинъ),

почти весь первый разряд окончившихъ въ слб. семинаріи изъявилъ желаніе поступить въ академію.

Изъ петербуржцевъ обращалъ на себя вниманіе своею бойкостью и говорливостью Н. И. Барсовъ. Изъ иногородныхъ: іером. Владиміръ (Никольскій † еписк. нижегор.) ¹⁾ своею солидностью, замѣчательнымъ спокойствіемъ, тактомъ и сравнительно съ нами немолодымъ уже возрастомъ, и М. И. Владиславлевъ († ректоръ слб. университета) своею массивною фигурою, умнымъ лицомъ и циркулировавшими между нами слухами объ его выдающихся дарованіяхъ, хотя онъ окончилъ новгородскую семинарію вторымъ студентомъ. Мысленно я тогда же намѣтилъ его въ первенцы нашего курса, въ чемъ и не ошибся ²⁾, хотя онъ принять былъ не въ числѣ первыхъ. Онъ не окончилъ академію вмѣстѣ съ нами, а долженъ былъ по обстоятельствамъ (см. ниже) оставить ее и перейти въ университетъ.

Экзаменовали насъ по всѣмъ предметамъ, которые мы изучали въ семинаріи, исключая, конечно, сельское хозяйство, естественныя науки и медицину. Экзамены происходили въ

только что переведенный (15 мая 1859 г.) изъ ректоровъ слб. семинаріи и потому содѣйствовавшій назначенію изъ бывшихъ своихъ воспитанниковъ большаго количества вызываемыхъ на казенный счетъ. А, можетъ быть, это зависѣло отъ того, что духовно-учебное управленіе хотѣло дать мѣсто большому количеству воспитанниковъ, уроженцевъ нашихъ западныхъ губерній, нарочпо вызванныхъ, какъ мы слышали, въ слб. семинарію для оковчанія въ ней курса, въ надеждѣ, что они будутъ потомъ, по окончаніи академіи, полезными дѣятелями въ нашемъ Западномъ краѣ. Во всякомъ случаѣ, нельзя, кажется, отрицать у рект. Нектарія нѣкотораго радѣнія въ отношеніи къ бывшимъ его воспитанникамъ, что выразилось, какъ увидимъ далѣе, въ занятіи исключительно ими первыхъ шести мѣстъ въ пріемномъ спискѣ.

¹⁾ Василій Степановичъ Никольскій (въ мов. Владиміръ), курскій уроженецъ, род. 1829 г., окончилъ курскую сем. 1851 г., былъ свящ. въ херсонской епархіи, 1857 г. принялъ мѣнашество, слѣдовательно онъ былъ старше cadaго изъ насъ лѣтъ на 7, 8 и болѣе. (П. В. Знаменскій—Истор. казан. акад. т. I, стр. 247).

²⁾ Принять онъ былъ подь № 8, но черезъ два года, при переходѣ на старшій курсъ, судя по балламъ, онъ долженъ былъ занять первое мѣсто. Составлялись ли тогда списки, до окончанія полнаго академическаго курса, неизвѣстно. Въ архивѣ мы не нашли ихъ. Видѣли только алфавитный списокъ съ отмѣтками балловъ по наукамъ и сочиненіямъ и общій итогъ ихъ по тѣмъ и другимъ за 1859—1861. Списокъ этотъ писанъ рукою тогдашняго секретаря правл., проф. Е. И. Ловягина.

залѣ публичныхъ собраній, одновременно по нѣсколькимъ предметамъ, тремъ—четыремъ въ день, и продолжались не менѣе 4 дней. Въ разныхъ мѣстахъ зала поставлены были столы, предъ которыми сидѣли профессеры и бакалавры академіи, преподаватели разныхъ наукъ. За главнымъ столомъ, посрединѣ зала, сидѣлъ ректоръ академіи, тогда еще архим., Нектарій (Надеждинъ), экзаменовавшій по догматическому богословію и нѣкоторымъ другимъ богословскимъ предметамъ.

Пріемные экзамены какъ-то совершенно вышли изъ памяти. Помню экзамены только по двумъ предметамъ—по математикѣ и по русской церковной исторіи. По математикѣ экзаменовалъ Е. И. Ловягинъ, въ то время уже ордин. профессоръ. Отвѣчалъ ему плохо; не умѣлъ рѣшить какой-то нетрудной задачи по алгебрѣ. По русской церковной исторіи экзаменаторомъ былъ бакалавръ М. О. Кояловичъ. Онъ спросилъ меня о Лихудахъ. Отвѣтилъ въ общемъ удовлетворительно, ошибся только въ хронологіи, въ опредѣленіи вѣка ихъ жизни. Тутъ-то я вспомнилъ тотъ словарь церковныхъ писателей, который прочелъ въ годъ своего отдыха, послѣ окончанія семинарскаго курса, и подумалъ, что могъ бы отвѣтить на этотъ вопросъ, если бы ограничился учебникомъ русской церковной исторіи Муравьева, въ которомъ о Лихудахъ не было и пемьяна.

Кромѣ устныхъ экзаменовъ были еще письменные. Задано было намъ написать четыре сочиненія, три—на русскомъ языкѣ (въ томъ числѣ, помнится, одна проповѣдь) и одно—на латинскомъ. Темъ не помню. Помню только одну: Иоан. I, 16—17: и отъ исполненія Его мы вси пріяхомъ и благодать возблагодать... Тема эта была дана ректоромъ.

Устные экзамены сошли для меня благополучно. Судя по отмѣткамъ балловъ въ табели и по общему изъ нихъ выводу, мои отвѣты по всѣмъ предметамъ оказались болѣе, чѣмъ удовлетворительными, но за то, чего никогда не бывало со мною ни раньше, ни позже, мои сочиненія, въ которыхъ я всегда былъ сильнѣе, чѣмъ въ устныхъ отвѣтахъ, оказались на сей разъ очень плохими, и по моему собственному сознанию. Зависѣло это отъ того, что во время экзаменовъ, случилось со мною что-то вродѣ нервнаго расстройства ¹⁾, которое мѣшало

¹⁾ Причинъ нервнаго расстройства было много: кромѣ природной нервности, слишкомъ долгое, въ теченіе цѣлаго года, ожиданіе экзамена,

мнѣ сосредоточивать свое вниманіе на темахъ и спокойно развивать и излагать приходящія въ голову мысли, вмѣсто чего я нервничалъ и думалъ не о предметѣ сочиненія, а о своемъ душевномъ состояніи и чѣмъ болѣе думалъ, тѣмъ хуже себя чувствовалъ ¹⁾). Словомъ, мнѣ слѣдовало полечиться, а не держать экзамены. Между тѣмъ, какъ оказалось потомъ, при приемѣ въ академію, принимались во вниманіе главнымъ образомъ сочиненія. Результатомъ было то, что меня приняли въ академію на казенное содержаніе въ числѣ послѣднихъ по списку. Судьбу мою, впрочемъ, раздѣлилъ и Т. В. Барсовъ, присланный на казенный счетъ изъ смоленской семинаріи, окончившій въ нашемъ XXV курсѣ первымъ магистромъ и, какъ увидимъ далѣе, счастливый мой конкурентъ на бакалаврство при С.-Петербургской Академіи, по окончаніи въ ней курса. Онъ также принятъ былъ очень низко по списку, недалеко отъ меня. О. Г. Елеонскій принятъ былъ, сравнительно съ нами, очень высоко. Какъ человекъ совѣтъ другого темперамента, спокойнаго, ровнаго характера, да и болѣе крѣпкаго, чѣмъ мое здоровье, онъ написалъ сочиненіе гораздо лучше, чѣмъ я, почему и принятъ гораздо выше ²⁾).

совершенная новостъ обстановки, въ соединеніи съ непривычнымъ житьемъ въ гостинницѣ и плохимъ питаніемъ, холодная офіціальность Петербурга, а главное—опасеніе не удовлетворить ожиданіямъ родной семинаріи, которая привыкла къ блестящему приему своихъ воспитанниковъ во всѣхъ академіяхъ и въ особенности казанской, въ которой воспитанники нижегор. семинаріи принимаемы были по экзаменскимъ спискамъ по большей части подъ первыми №№, какъ было и съ моими товарищами (Хитровскимъ и Рожанскимъ), за которыхъ получена была семинаріею даже благодарностъ отъ академіи, въ прошломъ 1858 г., что было тогда мнѣ уже извѣстно.

¹⁾ Въ особенности почувствовалъ себя плохо и былъ близокъ даже къ обмороку во время составленія одного изъ сочиненій, которыя мы писали въ залѣ академіи. Этотъ случай сдѣлалъ для меня памятнымъ и мѣсто, гдѣ мы писали сочиненія, подѣ наблюденіемъ тогдашняго помощника инспектора, бакалавра И. Ф. Нильскаго. Кстати, мы приняли его тогда за профессора, довольно уже долго прослужившаго въ академіи,—благодаря его солидной, немоложавой наружности и важной осанкѣ. Между тѣмъ онъ былъ тогда младшимъ изъ бакалавровъ, только 2 года тому назадъ окончившимъ курсъ академіи (1857 г.).

²⁾ Ф. Г. Ел—ій принятъ подѣ № 16, Т. В. Барсовъ подѣ № 33, я подѣ № 39. Что принимали во вниманіе главнымъ образомъ баллы, полученные по сочиненіямъ, вотъ несомнѣнное тому доказательство. *Общій* баллъ, по устнымъ отвѣтамъ и сочиненіямъ, былъ у А. Катанскаго

Первыя шесть мѣстъ въ приѣмномъ списокѣ, къ нашему удивленію, заняли исключительно воспитанники с.-петербургской семинаріи ¹⁾. Четверо изъ присланныхъ различными семинаріями на казенный счетъ не были приняты на казенное содержаніе.

Нашъ курсъ въ началѣ былъ очень большой. Кромѣ принятыхъ на казенное содержаніе, у насъ, едва ли не въ первый разъ въ исторіи академіи, явились въ большомъ количествѣ своекоштные студенты. Къ концу *перваго учебнаго года* 1859—1860 ихъ было 13 человекъ ²⁾, да еще 7 вольнослушателей изъ бурятъ, воспитанниковъ иркутской семинаріи, присланныхъ въ Петербургъ для изученія монгольскаго языка, съ тѣмъ, чтобы они, въ свободное отъ занятій монгольскимъ языкомъ время, слушали академическія лекціи въ качествѣ

177^{1/2}, у Ѳ. Г. Елеонскаго 176^{1/2}, у Т. В. Барсова 169^{1/2}. По сочиненіямъ же Ѳ. Г. Ел. имѣлъ, противъ меня, больше на 5 бал., противъ Т. В. Б.—на 3^{1/2}. Отсюда и вышла такая громадная разница въ мѣстахъ, которыя мы заняли въ списокѣ. Система тогда была десяти-балльная: 10 былъ высшій балъ.

¹⁾ Вотъ эти первые шесть студентовъ: казеннокоштные — Николай Барсовъ, Константинъ Нѣмшевичъ, Діомидъ Пѣтуховичъ, Василій Поповъ, Михаилъ Родевичъ, Флоръ Абрамовичъ (волонтеръ). Изъ нихъ академическій курсъ окончили только двое: Н. И. Барсовъ (3-й маг.) и В. Е. Поповъ (28-я канд. нашего XXV курса, сынъ извѣстнаго прот. Е. И. Попова, настоятеля нашей посольской церкви въ Лондонѣ). Изъ остальныхъ 4-хъ К. Нѣмшевичъ, наиболѣе даровитый изъ всѣхъ петербуржцевъ, и М. Родевичъ перешли въ университетъ, Д. Пѣтуховичъ, поражавшій насъ необыкновеннымъ трудолюбіемъ при писаніи сочиненій (около него обыкновенно лежали груды исписанной бумаги), вдругъ, въ концѣ учебнаго года, совершенно неожиданно, куда-то исчезъ и очутился, какъ мы слышали, въ какой-то загадочной обстановкѣ, не имѣвшей, впрочемъ, ничего общаго съ увлеченіями политикою. Ф. Абрамовичъ долженъ былъ оставить академію, вслѣдствіе исторіи 4 окт. 1861 г., случившейся сряду по переходѣ въ старшій курсъ (объ этой очень тяжелой исторіи сказано будетъ далѣе).

²⁾ Изъ нихъ огромное большинство (за исключеніемъ 3—4 человекъ) завяли потомъ казеннокоштыя вакансіи, по мѣрѣ ихъ освобожденія. Выдающимся изъ такихъ своекоштныхъ былъ И. Я. Образцовъ, окончившій курсъ 6-мъ магистромъ († членъ Учеб. Комит. при Св. Синодѣ, проф. Спб. Истор.-филол. Института и вост. Вознесенской ц. въ Петерб.). Былъ въ числѣ ихъ и А. А. Опоцкий (нынѣ архіеписк. Алексій, членъ Св. Синода, бывшій экзархъ Грузіи, еще здравствующій), посланный изъ псковской семинаріи на казенный счетъ, но не попавшій въ число казеннокоштныхъ. Своєкоштные въ большинствѣ были петербуржцы (6 человекъ).

вольнослушателей ¹⁾). Такъ что всего, съ вольнослушателями, было въ нашемъ XXV курсѣ 61 человекъ—къ концу, по крайней мѣрѣ 1859—60, перваго учебнаго года.

По окончаніи пріемныхъ экзаменовъ и послѣ объявленія ихъ результата, мое унылое, угнетенное состояніе еще продолжалось. Въ такомъ настроеніи прихожу въ комнату окончившихъ въ этомъ году академическій XXIII курсъ (1855—1859) къ своему земляку Изм. Ѳед. Спасскому († прот. Охтенской кладб. церкви въ Спб.) и встрѣчаю тутъ С. П. Автократова, по общему признанію, самаго даровитаго студента этого курса, занимавшаго первое мѣсто въ спискѣ, но окончившаго кандидатомъ. Видя мое унылое лицо и узнавъ о причинѣ такого моего настроенія, онъ, обращаясь ко мнѣ, говоритъ: «ну, значить, несомнѣнно вы кончите магистромъ». Вѣроятно, такіе случаи бывали, а можетъ быть онъ вспомнилъ свою собственную судьбу, въ связи съ изреченіемъ

---

¹⁾ Вотъ эти воспитанники: Григ. Поцовъ, Евгр. Писаревъ, Василій Карелинъ, Мих. Митропольскій, окончившіе курсъ иркутской сем. и за годъ до нашего поступленія въ академію помѣщенные (въ 1858 г.) въ ней, затѣмъ—Антонъ Карелинъ, Вас. Миротворцевъ и Иннок. Корнаковъ, доканчивавшіе семинарскій курсъ, съ 1858 г., въ слб. семинаріи и по окончаніи его, вмѣстѣ съ нами поступившіе, въ 1859 г., въ нашу академію, въ качествѣ вольнослушателей. Мы считали принадлежавшими къ нашему курсу только этихъ послѣднихъ трехъ. Почему къ списку нашего курса присоединены и первые 4? Вѣроятно, для удобства, чтобы не разбивать этой группы на двѣ половины. Изъ послѣднихъ 3-хъ иркутцевъ двое: В. Миротворцевъ и Авт. Карелинъ, по выдержаніи въ семинаріи экзамена на званіе студента, въ 1860 г. помѣщены въ число дѣйствительныхъ студентовъ академіи, прочіе же 5, изъ числа всѣхъ 7 иркутскихъ воспитанниковъ, уволены въ 1861 г. въ иркутскую епархію. Полный академическій курсъ окончилъ съ нами только одинъ В. В. Миротворцевъ, бывшій потомъ бакалавромъ казанской академіи, экстр. проф. и даже инспекторомъ. Для преподаванія монгольскаго языка ходили къ намъ въ академію профессора слб. университета съ восточнаго факультета (см. подробн. у И. А. Чистовича—, Исторія Спб. дух. Акад. 1858—1888 стр. 71—72). Эти сибиряки сильно защищали свою Сибирь отъ нашихъ нападокъ, утверждая, что настоящая Сибирь, въ смыслѣ каторжной жизни, не у нихъ, а у насъ въ Петербургѣ, что у нихъ въ Иркутскѣ, при 40 град. мороза чувствуется гораздо лучше, чѣмъ въ Петербургѣ, при 2—3 град., да и жизнь несравненно привольнѣе и дешевле. И дѣйствительно, видъ ихъ, сначала цвѣтущихъ здоровьемъ, а потомъ все болѣе и болѣе блѣднѣющихъ, худѣющихъ и хирѣющихъ, вполнѣ подтверждалъ ихъ слова.

Писанія: «и будутъ послѣдніе первыми и первые послѣдними»¹⁾).

Изъ своей плохенькой гостиницы переселились мы наконецъ въ академическое зданіе, и распредѣлили насъ по комнатамъ, подчинивъ надзору «старшаго» въ каждой комнатѣ, изъ студентовъ старшаго курса. Меня помѣстили подъ начальство студ. Ивана Дмитріевича Касаткина († архіеп. Николай Японскій)²⁾, человѣка въ то время очень замкнутого, необщительнаго и потому не пользовавшагося нашими симпатіями³⁾ и я очутился въ самой крайней къ Обводному каналу комнатѣ средняго этажа. Изъ своихъ сожителей по этой комнатѣ помню М. И. Владиславлева, поражавшаго насъ тѣмъ, что онъ читалъ въ подлинникѣ Илиаду Гомера, и Д. Пѣ-

1) С. П. Автократовъ, цензур., 17-й канд., съ правомъ на степ. магистра по представл. новаго соч. и по выслугѣ 1 года на дух. учил. службѣ. Вѣроятно, онъ былъ замѣшанъ въ студенческихъ безпорядкахъ, бывшихъ при инспекторѣ Викторинѣ (Любимовѣ, 1857—1858) и повлекшихъ за собою исключеніе «6-ти главныхъ ихъ виновниковъ» (см. у Чистов. „Ист. акад.“ стр. 74). С. П. Ав—въ былъ потомъ препод. новгор. сем., командированъ Мин. Нар. Пресв. (вѣроятно въ 1862 г.) за границу для приготовленія къ профессурѣ по философіи въ университетъ, два года пробылъ за границей, но, какъ слышно было, занимался тамъ особенно усердно, на кафедру въ университетъ не попалъ. Въ непродолжительномъ послѣ того времени скончался.

2) Ив. Дм. Касаткинъ, смоленск. урож., въ 1860 г., 8 іюня, за годъ до окончанія полнаго академическаго курса, постриженъ ректоромъ пр. Нектаріемъ въ монахи и тотчасъ же отправился въ Японію. Единственный разъ въ жизни я видѣлъ постриженіе въ монахи и именно моего „старшаго“. Подалъ ли онъ потомъ сочиненіе на ученую степень и получилъ ли ее, неизвѣстно. Въ „истор. акад.“ И. А. Чистов. онъ значится подъ рубрикою: „съ званіемъ студента акад., съ правомъ на степ. кандидата“, среди другихъ 10 чл. Изъ нихъ о 5-ти замѣчено, что они удостоены въ разное время степ. кандидата. Объ іером. же Николаѣ Касаткинѣ ничего не сказано, хотя всѣ его труды до 1880 г., когда онъ посвященъ во епископа, перечислены. Но всей вѣроятности, увлеченный своими великими миссіонерскими трудами, онъ не удосужился составить сочиненіе на ученую степень, да это едва ли и возможно было сдѣлать въ Японіи, при отсутствіи нужныхъ для того книгъ и библиотекъ.

3) Впоследствии, когда я уже былъ бакалавромъ Спб. Академіи, мы видѣлись, онъ былъ у меня даже на квартирѣ, и меня поразила громадная въ немъ перемѣна. Онъ оказался въ высшей степени живымъ, общительнымъ, разговорчивымъ, словомъ совсѣмъ другимъ человекомъ. Вѣроятно, въ тотъ годъ, когда мы жили вмѣстѣ, его нелюдимость объяснялась тѣмъ, что въ его душѣ зрѣла мысль о коренномъ переворотѣ въ его жизни.

туховича, истреблявшаго немовѣрное количество бумаги на писанье сочиненій; вокругъ него лежали груды исписанныхъ листовъ (см. выше стр. 593, прим. 1). На другой годъ моего ученья въ младшемъ курсѣ меня перевели въ одну изъ среднихъ комнатъ подъ старшинство И. И. Демкина (4-й маг. XXIV к., до сихъ поръ состоящій на службѣ, прот. спб. Благовѣщенской церкви, отецъ извѣстнаго тов. спб. городского головы Демкина).

Всѣ (за исключеніемъ двухъ) жилыя комнаты студентовъ обоихъ курсовъ, старшаго и младшаго, были проходныя ¹⁾ и помѣщались въ среднемъ этажѣ, на лѣвой сторонѣ отъ параднаго входа, въ верхнемъ же этажѣ, на той же сторонѣ, находились спальни, также для обоихъ курсовъ и были также всѣ проходныя—отъ одного конца до другого.

На другой сторонѣ,—правой отъ параднаго входа,—помѣщались: въ нижнемъ этажѣ — квартира инспектора (тамъ же, гдѣ и теперь), эконома и одна профессорская (въ наше время—В. И. Долоцкого), библіотека рукописей изъ Софійской библ. (гдѣ теперь зало совѣта и канцелярія); въ среднемъ этажѣ — квартира ректора, одна изъ бакалаврскихъ квартиръ и физическій кабинетъ (противъ конца ректорской квартиры, съ окнами на дворъ); въ верхнемъ этажѣ — три бакалаврскихъ квартиры и помѣщеніе правленія (надъ физическимъ кабинетомъ).

Въ каждой жилой студенческой комнатѣ (исключая одной маленькой) стояло два стола для 6 студентовъ на каждый, затѣмъ кромѣ стульевъ, диванъ, а въ нѣкоторыхъ комнатахъ два, и два шкафа, для книгъ и для платья. Все это изъ ясеневаго дерева. Стѣны были окрашены клеевою краскою голубовато-зеленоватаго цвѣта. На второй годъ, впрочемъ, стѣны были оклеены коричневаго цвѣта обоями. Для занятій вечеромъ давали свѣчи (сначала сальныя, а потомъ появились и такъ называемыя «пальмовыя» — низшій сортъ стеариновыхъ), по

¹⁾ Двѣ только жилыя комнаты не были проходными, были, такъ сказать, особняками, въ связи со всѣми другими студенческими жилыми комнатами,—одна въ среднемъ этажѣ, другая въ верхнемъ; обѣ налѣво по корридору среднему (противъ остальныхъ занятныхъ комнатъ) и верхнему (противъ спаленъ). Въ одной изъ этихъ комнатъ поселился Ѳ. Г. Ел—скій, подъ „старшинствомъ“ сначала Ив. Ал. Горскаго (8 маг. XXIV к., псковск. † прот. Колом.-Покров. ц. въ СПб.), а потомъ В. Г. Пѣвцова (1-й маг. XXIV к., тверск., † проф. Учил. Правовѣд. въ СПб.).

двѣ на столъ. Въ спальняхъ кровати были съ надписями фамилій студентовъ надъ каждой кроватью и съ приличными приборами. Въ каждой спальнѣ былъ ночникъ, въ видѣ большого желѣзнаго подсвѣчника, стоявшаго на полу, съ водою внутри, въ которую опускалась сальная свѣча.

Младшій курсъ—18⁵⁹/₆₀ и 18⁶⁰/₆₁ учебные годы.

Начались въ сентябрѣ 1859 г. лекціи.

Тогда въ академіяхъ было не четыре курса, какъ теперь, а только два, старшій и младшій. по два года въ каждомъ. А потому и классныхъ комнатъ, пли аудиторій, какъ мы ихъ называли, было только двѣ, находившіяся по бокамъ церкви,—съ правой стороны отъ нея—для старшаго курса. съ лѣвой—для младшаго.

Лекціи начинались съ 9 часовъ утра и продолжались до 1³/₄ часа дня и затѣмъ отъ 3 до 4 часовъ. Читалась каждая лекція 1¹/₄ часть.

На младшемъ курсѣ преподавались: логика, психологія, исторія философіи, словесность, гражданская исторія общая, гражданская исторія русская, математика, физика и изъ богословскихъ предметовъ Св. Писаніе и патристика ¹⁾. Изъ языковъ греческій, латинскій, нѣмецкій, французскій—обязательные для всѣхъ студентовъ и англійскій—необязательный.

Логику, психологію и исторію новѣйшей философіи, начиная съ Канта, читалъ В. Н. Карповъ ¹⁾, старѣйшій изъ

¹⁾ Очень сожалѣю, что не сохранилась у меня масса литографированныхъ лекцій, намъ выдаваемыхъ къ репетиціямъ и экзаменамъ, какъ въ этомъ курсѣ, такъ и въ слѣдующемъ, старшемъ. Нѣкоторыми изъ біографическихъ, въ особенности хронологическихъ данныхъ относительно нашихъ бывшихъ наставниковъ мы обязаны весьма почтенному, достойно увѣнчанному уваровскою премією, труду А. С. Родосскаго „Біографическій Словарь студ. первыхъ XXVIII курсовъ Спб. духовной Академіи 1814—1869 гг. СПб. 1907“. Исторіи академій, въ особенности нашей С.-Петербургской (два тома, 1857 и 1889 гг.) были для меня также весьма важными пособіями.

²⁾ Василій Николаевичъ Карповъ, воронеж., 5-й магистръ II к. (1825 г.) кievской академіи, съ 1825 до 1829 г. былъ, вѣроятно, препод. семинаріи, 1829—бакк. франц. языка въ кiev. акад., 1831—бакк. философіи въ той же акад., 1833—бакк. филос. спб. акад., 1835—орд. профес., преемникъ также знаменитаго Ѳ. Ѳ. Сидонскаго (2-й маг. VIII к., 1829 г., спб. акад. † 1873 г.), который, оставивъ каѳ. философіи, съ 1833 до 1835 г. преподавалъ только франц. языкъ.

всѣхъ тогдашнихъ профессоровъ Пет. Академіи, пріобрѣтшій уже большой авторитетъ въ ученomъ мѣрѣ, не только въ духовномъ, по и свѣтскомъ, преимущественно своимъ переводомъ твореній Платона. Въ выходившихъ тогда сочиненіяхъ Бѣлинскаго мы прочитали восторженный его отзывъ объ этомъ замѣчательномъ трудѣ нашего профессора. Помнится, знаменитый критикъ писалъ, что этотъ трудъ сдѣлалъ бы честь даже Академіи Наукъ въ ея цѣломъ; тѣмъ выше предъ наукою заслуга ученаго, который одинъ совершилъ колоссальную работу. Логику В. Н. читалъ по печатной своей книгѣ, посвящая этому предмету сравнительно немного времени, дѣлая только добавленія къ напечатанному. Психологіи онъ посвящалъ больше вниманія и времени. Всю душевную жизнь и дѣятельность онъ дѣлилъ на три отдѣла: чувственную, разсудочную или формальную и созерцательную или идеальную. Въ особенности останавливался онъ на второй,—разсудочной, характеризуя ее какъ крайне неустойчивую, лишенную всякой самостоятельности, управляемую стремленіями или низшей или высшей природы человѣка, способную доказывать и оправдывать все, что угодно. Къ этой сторонѣ душевной жизни онъ не питалъ никакой симпатіи; все его сочувствіе было направлено къ третьей—созерцательной, идеальной. Въ сущности (какъ становится яснымъ теперь, тогда это не сознавалось), В. Н. въ своихъ философскихъ воззрѣніяхъ примыкалъ къ богословскому взгляду на составъ человѣка, трехчастный: тѣлесный, душевный и духовный. Много глубокихъ мыслей высказывалъ онъ въ своихъ чтеніяхъ, поясняя свои положенія наблюденіями изъ обыденной, даже своей семейной жизни, что онъ особенно любилъ. Къ сожалѣнію, онъ не обладалъ даромъ слова, къ тому же былъ преклоннаго возраста и утомленъ многочисленными работами своей трудовой жизни ¹⁾ и потому въ наше время не пользовался такимъ вниманіемъ своихъ слушателей, какого онъ заслуживалъ. Впрочемъ, и у насъ были особы его почита-

¹⁾ Онъ посвящалъ въ наше время, какъ слышно было, много трудовъ, между прочимъ, журналу „Странникъ“, издаваемому тогда прот. В. В. Гречулевичемъ. Говорили, что В. Н. не только писалъ для этого журнала много статей, но участвовалъ и въ его редактированіи, и что вообще издатель „Странника“ немало эксплуатировалъ нашего почтеннаго профессора. В. Н., какъ семейный человѣкъ, нуждался въ добавочныхъ къ профессорскому жалованью (858 р. орд. проф.) средствахъ.

тели ¹⁾. Практическую мудрость этого истинно русскаго, христіански-православно настроеннаго философа мы тогда не въ состояніи были оцѣнить по достоинству. Мы любили и уважали его не столько какъ профессора, сколько какъ почтеннаго лѣтampi и заслугами ученаго, какъ человѣка симпатичнаго, благороднаго характера, относившагося къ молодежи съ добродушіемъ мудраго старца, снисходительно къ ея увлеченіямъ и слабымъ сторонамъ ²⁾. Лекціи по новѣйшей исторіи философіи В. Н. читалъ по своимъ запискамъ, которыя въ сокращенномъ видѣ сдавалъ къ экзаменамъ. Но и эти лекціи, написанныя не совсѣмъ легкимъ и яснымъ языкомъ, не особенно намъ нравились. Ихъ трудно было усвоить, такъ какъ они состояли изъ одного критическаго разбора положеній Канта, Фихте, Шеллинга и Гегеля, безъ предварительнаго изложенія полной системы воззрѣній этихъ философовъ. Вслѣдствіе чего студенты очень боялись экзамена по этому предмету, и когда лѣтомъ 1861 г. въ присутствіи митрополита, наступилъ этотъ экзаменъ, то между студентами началась чистая паника (см. ниже).

Исторію древней философіи до Канта читалъ самъ профессоръ (экстр. или ордин.?) И. А. Чистовичъ ³⁾. Прекрасный вообще говоря, даровитый профессоръ, онъ не былъ прирожденнымъ философомъ, а потому хотя лекціи его отличались точностью и всесторонностью изложенія воззрѣній древнихъ философовъ, но были какъ-то холодны. Мы слушали его внимательно и цѣнили его даровитость, но особенной любви къ философскимъ вопросамъ возбудить въ насъ онъ не могъ. И неудивительно, такъ какъ, по складу своего ума, онъ долженъ бы быть историкомъ гражданской или церковной исторіи. Въ этой области онъ и заявилъ себя очень многими замѣчательными трудами (напр. «*Θεοφανъ Прокоповичъ*» и многіе другіе). На кафедре русской гражданской и церков-

¹⁾ Усердно записывали его лекціи и спорили съ тѣми изъ своихъ товарищей, которые недостаточно высоко цѣнили В. Н. Особенно горячимъ его поклонникомъ былъ М. В. Родевичъ, перешедшій потомъ въ спб. университетъ и служащій нынѣ въ департ. Мин. Нар. Просв.

²⁾ У В. Н. Карпова была одна особенность: онъ плохо запоминалъ фамилии. По этому поводу между студентами ходило много анекдотовъ, забавныхъ разсказовъ.

³⁾ Илларионъ Алексѣевичъ Чистовичъ, калуж., 2-й маг. XIX кур. спб. акад. (1851).

ной исторіи онъ назначенъ былъ вначалѣ, по окончаніи академическаго курса въ 1851 г., и уже потомъ, послѣ отставки А. А. Фишера ¹⁾, въ 1853 г., переведенъ на кафедрѣ философіи. Слышно было, что вначалѣ И. А. читалъ, вмѣстѣ съ исторіей философіи, и психологію, придерживаясь воззрѣній извѣстнаго нѣмецкаго философа Бенеке, но во время ректорства архим. Оеофана (Говорова, 1857—1859 г., извѣстнаго потомъ вышенскаго затворника), которому не правилась эта система воззрѣній (теорія «слѣдовъ», которой объяснялось происхожденіе душевныхъ силъ), психологія была передана В. Н. Карпову, а И. А. Чистовичъ оставленъ былъ при одной исторіи философіи до Канта, какъ это было въ пашь курсъ ²⁾. По своему характеру И. А. представлялъ во многихъ отношеніяхъ противоположность В. Н. Карпову. Главною его чертою была официальность, при полной корректности его отношеній къ студентамъ. Мы застали его еще живущимъ въ академическомъ зданіи. (почему-то на студенческой половинѣ, въ нижнемъ этажѣ; вѣроятно потому, что незадолго предъ тѣмъ онъ былъ помощникомъ инспектора). Но вскорѣ, уже осенью того же 1859 г., онъ переселился въ городъ, такъ какъ вступилъ въ бракъ (съ дочерью протопресвитера В. Б. Бажанова, члена Св. Синода).

Словесность читалъ ординарный профессоръ К. Ив. Лучицкій ³⁾. Очепь живой, краснорѣчивый, искусно соединявшій чтеніе написанныхъ лекцій съ живымъ словомъ и импровизаціею, увлекалъ насъ своими чтеніями по аналитикѣ языка (философской грамматикѣ) и особенно по эстетикѣ. Въ лекціяхъ по этой послѣдней онъ сначала много занимался разборомъ различныхъ мнѣній о томъ, что такое изящное, эстетически прекрасное, а потомъ далъ собственное свое опредѣленіе. Точной его формулы не могу припомнить. Помнится

¹⁾ А. А. Фишеръ, иностранецъ, съ 1832 г. орд. проф. спб. унив., съ 1843 г. орд. проф. спб. акад. См. въ „Ист. спб. ак.“ И. А. Чист. стр. 53.

²⁾ Въ его „Истор. СПб. Акад. 1858—1888 г.“ стр. 52—54 какъ-то очень неясно и даже, намъ кажется, фактически не совсѣмъ точно передана исторія перехода психологіи изъ однихъ рукъ въ другія, если только тутъ нѣтъ корректурной ошибки въ цифрѣ года 1859 (стр. 53). То же можно сказать отчасти и объ исторіи новой философіи—съ Канта.

³⁾ Кириллъ Ивановичъ Лучицкій, изъ волынск. сем., род. 1815 г., 1-й магистръ XIII к. (1839) спб. акад., въ 1851 г. экстраорд., а въ 1852 г. уже ордин. профессоръ.

только основная его мысль, что прекрасное не находится въ зависимости отъ формъ, что не формы даютъ ему бытіе, что прекрасное тѣсно связано съ проявленіями жизни, съ ея напряженностью, что гдѣ нѣтъ жизни, тамъ не можетъ быть и прекраснаго. Исторіею литературы онъ занимался мало, чтеній по этому отдѣлу словесности не припоминается. Помнится только, что по исторіи литературы онъ сдавалъ литографированныя лекціи къ репетиціямъ и экзаменамъ. К. И. былъ превосходный, неподражаемый критикъ нашихъ словесныхъ произведеній. Ему подавали мы назначаемыя намъ проповѣди и онъ подвергалъ ихъ своей остроумной, безпощадной критикѣ. Для этого онъ избиралъ одну изъ нашихъ проповѣдей и подвергалъ ея слѣдующей безжалостной операціи: давалъ, подробный анализъ всей проповѣди, а потомъ каждой ея части и наконецъ отдѣльныхъ фразъ и выраженій. Въ высшей степени было интересно и поучительно слушать критическій его разборъ, и мы положительно любовались въ это время своимъ профессоромъ. Даже самъ авторъ разбираемой проповѣди, съ горечью въ душѣ, принужденъ былъ отдать должное остроумію и справедливости замѣчаній критика и готовъ былъ почти наслаждаться художественностью работы профессора. К. И. Лучицкій читалъ текціи по словесности еще въ Смольномъ Институтѣ и въ Царскосельскомъ женскомъ духовномъ училищѣ. Онъ очень часто являлся къ намъ съ орденомъ св. Анны 2 ст. на шеѣ (чего никто изъ его коллегъ не дѣлалъ). Вѣроятно, причиною такой официальнойности его костюма былъ Смольный Институтъ, изъ котораго онъ пріѣзжалъ къ намъ на лекцію, или въ который онъ долженъ былъ отправиться послѣ чтенія у насъ. Характера онъ былъ хотя строгаго, но благороднаго, держалъ себя довольно далеко отъ студентовъ, но доброжелательно къ нимъ, пользовался ихъ уваженіемъ и даже любовію, хотя его побаивались болѣе, чѣмъ другихъ профессоровъ на этомъ курсѣ.

Общую гражданскую исторію преподавалъ молодой тогда бакалавръ А. И. Предтеченскій ¹⁾, очень живой, краснорѣчивый, хотя читалъ по составленнымъ имъ лекціямъ, прекрасный знатокъ новѣйшихъ языковъ, въ особенности англійскаго. Пользуясь преимущественно англійскою литературою

¹⁾ Андрей Ивановичъ Предтеченскій, новгород., 2-й магистръ XXI в. (1855) спб. акад., съ 1862 г. экстр. орд. профессоръ.

по исторіи древняго міра, Ассиріи, Египта, онъ въ особен-ности долго останавливался на исторіи древней Греціи и въ частности на вѣкѣ Перикла. Его лекціи были обильны картинными описаніями и хорошо знакомили насъ съ античнымъ міромъ. Вообще онъ былъ очарованъ этимъ міромъ, что сказывалось даже въ домашней его жизни, въ квартирѣ, обставленной статуями и картинами. Недаромъ, въ послѣдствіи, когда онъ былъ редакторомъ «Церковнаго Вѣстника» (1875—1880 г.), онъ энергически отстаивалъ классицизмъ гр. Д. А. Толстого противъ ожесточенныхъ на него нападокъ со стороны печати и общества. По исторіи среднихъ вѣковъ и по исторіи новаго времени чтеній было мало, по крайней мѣрѣ не припоминается. А. И. Предтеченскій былъ довольно замѣчательный публицистъ. Уже и тогда, въ раннее время своей службы, онъ сотрудничалъ въ журналахъ, не только духовныхъ, но и свѣтскихъ. Между прочимъ, онъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ «Биржевыхъ Вѣдомостей», изд. Трубниковымъ. Относились мы къ этому даровитому бакалавру не безъ симпатіи и не безъ уваженія, хотя подчасъ и подсмѣивались надъ нѣкоторыми его слабостями. А. И. Пр. былъ человекъ богато одаренной, широкой русской, увлекающейся, страстной натуры. Онъ держалъ себя очень близко къ студентамъ; многіе изъ товарищей, въ особенности его земляки новгородцы, ходили къ нему въ его бакалаврскую квартиру, находившуюся въ академическомъ зданіи. Тѣмъ удивительнѣе и непонятнѣе для насъ было, когда, по переходѣ нашемъ въ старшій курсъ (1861 г.), онъ позволить себѣ сдѣлать тотъ шагъ, который, какъ увидимъ далѣе, имѣлъ роковыя послѣдствія для всего нашего XXV курса...

Русскую гражданскую исторію преподавалъ также молодой бакалавръ, товарищ по студенчеству А. И. Пр—го, М. О. Кояловичъ ¹⁾, превосходный профессоръ, обладавшій замѣчательнымъ даромъ слова и историко-философскимъ складомъ ума. Въ своихъ чтеніяхъ онъ задавался не изложеніемъ фактическаго матеріала, а освѣщеніемъ его, изображеніемъ народныхъ и общественныхъ движеній и историческихъ дѣятелей,

¹⁾ Михаилъ Осиповичъ Кояловичъ, гроднен. урож., виленской сем., 6-й маг. XXI к. (1855) слб. акад., съ 1855 по май 1856 преод. въ рижск. и с.-петербургск. семинаріяхъ, съ 1856 г. въ слб. акад. бакал. по сравн. богосл. и раск., съ 1857 г.—по русск. гражд. и церк. исторіи. См. „Біограф. Слов.“ А. С. Родосскаго стр. 214—215.

вынуждаемыхъ проявлять свою дѣятельность такъ или иначе, подъ вліяніемъ историческихъ обстоятельствъ времени и общественныхъ потребностей и теченій. Обладая превосходною дикціею и при этомъ еще изящными манерами, онъ производилъ на своихъ слушателей очень сильное впечатлѣніе. Было, впрочемъ, нѣсколько моихъ товарищей (такихъ, однако, было немного), которые желали бы, чтобы въ его лекціяхъ было побольше фактическаго матеріала. Во всякомъ случаѣ, едва ли какого другаго профессора на младшемъ курсѣ мы слушали съ большимъ вниманіемъ и интересомъ, чѣмъ М. О. Ко—ча. Онъ уже и тогда былъ извѣстенъ не только какъ талантливый профессоръ, но и какъ ученый по западно-русской исторіи («Литовская церковная унія. СПб. 1858» и др. соч.). Характера онъ былъ очень благороднаго, симпатичнаго, весьма твердаго и устойчиваго въ своихъ принципахъ.

Математику преподавалъ ординарный профессоръ Е. И. Ловячинъ ¹⁾, специалистъ собственно по греческому языку, который онъ преподавалъ въ академіи первыя 6 лѣтъ своей службы (1847—1853 г.), на кафедрѣ математики съ 1853 г. до 1869 г., а потомъ по упраздненіи этого предмета, съ уставомъ 1869 г., снова профессоръ греческаго языка до конца своей службы, въ 1894 г. (около 25 лѣтъ). Математика не была призваніемъ ²⁾ этого достопочтеннаго профессора, а потому хотя онъ добросовѣстно исполнялъ обязанности преподавателя этого предмета, какъ вообще всѣ свои и другія служебныя обязанности, отличаясь необыкновенною аккуратностью и замѣчательною исполнительностью, не могъ однако возбудить въ насъ любви къ математикѣ. Знающихъ этотъ предметъ почти

¹⁾ Евграфъ Ивановичъ Ловягинъ, тверск., 1-й маг. XVII к. (1847 г.) спб. акад.

²⁾ Тогда былъ обычай переводить бакалавровъ съ одного предмета на другой, въ видахъ, между прочимъ, повышенія людей даровитыхъ по службѣ. Къ однимъ кафедрамъ были приурочены ординатуры, къ другимъ нѣтъ, или же вакансія ордин. профессора была занята. По языкамъ ординатуры не полагалось. Между тѣмъ, по физико-математическимъ предметамъ она была; ее до 1852 г. занималъ извѣстный профессоръ-публицистъ Д. И. Ростиславовъ (3-й маг. X к. 1833 г. спб. акад.) Въ 1852 г. онъ оставилъ службу при академіи и вотъ мы видимъ что въ 1853 г. переводятъ Е. И. Ловягина на математику. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что его переводъ состоялся въ цѣляхъ предоставить ему вакансію ордин. профессора, которымъ онъ и былъ сдѣланъ черезъ 4 года, въ 1857 году.

не было между нами, за единственпымъ, кажется, исключеніемъ земляка Б. И., Н. Г. Благовѣщенскаго, который, имѣя отъ природы математическія способности, зпалъ и любилъ этотъ предметъ и не оставлялъ занятій имъ даже въ отставку, до конца своей жизни.

Если математикой мы занимались и интересовались мало, то физику, напротивъ, любили и интересовались ею, чему очень способствовалъ преподаватель ея, сначала бакалавръ, а съ 1860 г. экстраорд. проф. Н. И. Глоріантовъ ¹⁾. Онъ былъ страстный любитель своего предмета, обладалъ хорошимъ даромъ слова, всегда говорилъ, а не читалъ свои лекціи, оживлялъ ихъ многочисленными опытами и остроумными замѣчаніями, часто приглашалъ своихъ слушателей въ свой физическій кабинетъ, объ увеличеніи котораго физическими приборами усиленно хлопоталъ, и радовался, когда это ему удавалось. Такъ, напримѣръ, мы были свидѣтелями его восторга, когда, послѣ долгихъ хлопотъ, онъ могъ приобрести для электрическихъ эффектныхъ опытовъ довольно дорого стоящій инструментъ, спираль Румкорфа. Любилъ онъ приглашать въ свой физическій кабинетъ и постороннихъ лицъ, своихъ гостей или гостей своихъ сослуживцевъ. Занимался онъ и фотографіею, что тогда не было въ такой модѣ, какъ теперь; имѣлъ свою собственную фотографическую камеру со всѣми къ ней приборами. Пользовался большимъ расположеніемъ студентовъ, къ которымъ стносился съ свойственною ему простотою и добродушіемъ. Мы съ Ѳ. Г. Ел., какъ его земляки, пользовались его гостепріимствомъ, а нерѣдко и угощеніемъ чаемъ и разными лакомствами, которыя были у него всегда въ запасѣ, такъ какъ онъ и самъ былъ очень къ нимъ неравнодушенъ.

Св. Писаніе Ветхаго и Новаго Завѣта преподавалъ ординарный профессоръ М. А. Голубевъ ²⁾, съ самаго начала своей

¹⁾ Никандръ Ивановичъ Глоріантовъ, нижегор., 2-й магистръ XX к. (1853) спб. академіи.

²⁾ Моисей Александровичъ Голубевъ, петерб. сем., 2-й маг. XVII к. (1847) спб. акад., въ 1853 г. экстр., въ 1857 г. ординарный профессоръ. Весьма интересныя свѣдѣнія о немъ сообщаются у А. С. Родосскаго (въ его „Біогр. слов.“), прежде намъ, студентамъ, неизвѣстныя. Да и теперь встрѣчаешься съ ними, какъ съ новостью. Оказывается, что М. А., сынъ діакона петерб. стороны, родился въ СПБ. въ сильное ноябрьское наводненіе 1824 г., въ продолженіе нѣсколькихъ дней по рожденіи хранился

службы (1847 г.) занимавшій эту кафедру, большой знатокъ своего предмета, обладавшій и даромъ слова и большимъ остроуміемъ. Сначала сообщалъ полныя и подробныя свѣдѣнія о канонѣ свящ. книгъ и объ исторіи свящ. текста, а потомъ—о свящ. книгахъ Ветхаго Завета, избирая для подробнаго разбора одну или нѣсколько свящ. книгъ. То же дѣлалъ и относительно новозавѣтныхъ книгъ. Читалъ онъ обоимъ курсамъ вмѣстѣ, и старшему и младшему,—въ залѣ, почему слушателей собиралось у него много. Мы часто лѣнились ходить на его лекціи, въ надеждѣ, что, при многолюдствѣ слушателей, не будетъ замѣтно отсутствіе нѣсколькихъ лицъ. Онъ былъ человѣкъ очень оригинальный; по типу онъ больше всего походилъ на англичанина: при полномъ въ сущности добродушіи, онъ отличался какою-то холодною важностью, невозмутимымъ хладнокровіемъ и спокойствіемъ и очень любилъ съострить. Осталось въ памяти, что онъ очень зло и остроумно подсмѣивался надъ неудачными и натянутыми комментаріями нѣкоторыхъ мѣстъ Св. Писанія. Къ сожалѣнію, онъ иногда не соблюдалъ при этомъ мѣры, именно тогда, когда ему приходилось приводить аллегорическія толкованія мѣстъ Писанія изъ твореній отцевъ и учителей церкви александрійской школы. Не знаю, какъ на моихъ товарищѣхъ, но на меня остроты М. А. по адресу этихъ древнихъ комментаторовъ производили не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе, хотя я былъ тогда очень мало знакомъ съ отеческими твореніями. Въ настоящее же время, если бы теперь пришлось слушать М. А., такое впечатлѣніе вѣроятно было бы во много разъ сильнѣе¹⁾. Кажется, онъ увлекался своимъ даромъ остроумія, а можетъ

на водѣ въ деревянной люлькѣ, почему и названъ Моисеемъ. Онъ былъ племянникомъ знаменитаго Юрьевского архим. Фотія, который помогалъ ему при воспитаніи.

¹⁾ Теперь для меня довольно понятенъ и психологически объяснимъ древній аллегоризмъ, какъ результатъ (кромѣ многихъ другихъ причинъ,—философской школы и пр.) дѣятельности крайне возбужденной религіозной мысли и весьма повышеннаго религіознаго чувства. При такомъ состояніи, естественно искать сближеній настоящаго съ давно минувшимъ, намековъ, предуказаній въ послѣднемъ на первое, какъ это бываетъ нерѣдко и въ обыкновенной нашей жизни, когда мы бываемъ чѣмъ-либо сильно поражены, потрясены. Тогда намъ припоминается многое такое (часто мелочи, примѣты), на что, при другомъ, обычномъ своемъ состояніи, мы не обращали никакого вниманія, но что теперь представляется очень знаменательнымъ.

быть хотѣлъ привлечь вниманіе своихъ слушателей, у которыхъ въ головѣ сидѣли темы для сочиненій, обыкновенно мѣшавшія внимательному слушанію лекцій. Во всякомъ случаѣ, М. А. Голубевъ пользовался у насъ большимъ уваженіемъ, какъ глубокой знатокъ Св. Писанія, какъ прекрасный профессоръ и какъ человѣкъ очень благороднаго, симпатичнаго характера.

Патристику преподавалъ бакалавръ П. И. Шалфеевъ ¹⁾, прекрасная во всѣхъ отношеніяхъ личность и по уму и по сердцу и по характеру. Онъ былъ человѣкъ съ философскимъ складомъ пытливаго ума. Еще студентомъ, по воспоминаніямъ его товарища, А. И. Предтеченскаго, онъ былъ «центромъ людей, любившихъ поразсуждать объ отвлеченныхъ вопросахъ философіи и богословія», и «живѣе, можетъ быть, всѣхъ своихъ товарищей интересовался научными вопросами». Это замѣтно было и въ его чтеніяхъ по патристикѣ. Его лекціи обнимали творенія св. отцовъ, начиная съ мужей апостольскихъ и кончая IV вѣкомъ. Въ особенности увлекали его творенія св. Григорія Богослова. Одна изъ памятныхъ миѣ его лекцій объ этомъ св. отцѣ напечатана въ обработанномъ видѣ въ «Христ. Чтен.» 1861 г. ²⁾. Эта статья прекрасно обрисовываетъ личность св. Григорія Богослова со всѣми ея особенностями. П. И. не удовлетворялся, однако, методомъ чтенія патристики по отдѣльнымъ отцамъ и учителямъ церкви, намекая намъ въ своихъ чтеніяхъ, что онъ мечтаетъ о другой постановкѣ патристики какъ науки. Въ воспоминаніяхъ его товарища по студенчеству (А. И. Пр.) читаемъ, что онъ «хотѣлъ изъ своей науки создать исторію апостольскаго преданія, съ указаніемъ историческихъ обстоятельствъ, измѣнявшихъ поворотъ этой рѣки Божественнаго ученія и съ сохраненіемъ личныхъ, индивидуальныхъ чертъ характера каждаго отца». Превосходная формула, хотя и весьма трудная для осуществленія ея на практикѣ; лучше ея трудно придумать другую. Вѣроятно, она заимствована изъ устъ самого П. И. Шалфеева. Сколько помнится, такъ точно онъ не формулировалъ намъ своего плана, но въ общемъ эта формула совершенно

¹⁾ Петръ Ивановичъ Шалфеевъ, псковск., 3-й магистръ спб. акад. XXI курса (1855 г.).

²⁾ У А. С. Родосскаго („Биогр. Слов.“) указывается еще нѣсколько патристическихъ статей, напечатанныхъ въ „Христ. Чтен.“ 1861 и 1862 г., представляющихъ по всей вѣроятности обработанныя его лекціи.

вѣрно выражаетъ предносившійся его уму идеаль, судя по припоминаемымъ теперь его намекамъ, среди чтеній. Въ концѣ нашего младшаго курса, въ 1861 г., онъ далъ намъ даже тему для сочиненія о «желательной постановкѣ преподаванія патристики, какъ науки», при чемъ въ моемъ сочиненіи, которое, кажется, больше всѣхъ другихъ ему понравилось, проводилась приблизительно подобная же мысль, съ тѣмъ не маловажнымъ различіемъ, что мнѣ предносилась мысль не о «предаціи», а о христіанской «философіи» св. отцевъ. До идеала присномятнаго моего паставника я тогда еще не доросъ. Вполнѣ вѣрно и мѣтко и общее сужденіе А. И. Пр—го объ П. И. Шалфеевѣ: «съ даромъ слова не очень бойкимъ, съ памятью не приученною къ буквальному заучиванью, онъ не былъ самымъ блистательнымъ, но ибѣтъ спора, былъ однимъ изъ самыхъ основательныхъ и точныхъ студентовъ» и кромѣ того былъ «глубокорелигіозенъ» еще въ студенчествѣ ¹⁾. Такимъ же оказался онъ и на кафедрѣ. Глубоко входилъ онъ въ предметъ, не былъ краспорѣчивымъ ораторомъ, не говорилъ, а читалъ свои лекціи и по временамъ только прерывалъ свои чтенія, поднималъ одного изъ студентовъ ²⁾ и разсуждалъ съ нимъ по поводу какого-нибудь вопроса, пришедшаго ему въ голову, во время лекціи, и эти разсужденія, скорѣе бесѣды, лишеныя всякой официальнойности, были особенно интересны ³⁾. П. И. Шалфеевъ пользовался большимъ нашимъ расположеніемъ и вниманіемъ. И это тѣмъ болѣе замѣчательно, что его предметъ, чисто богословскій, стоялъ вмѣстѣ съ Св. Писаніемъ, уединенно, въ этомъ курсѣ, среди предметовъ философскихъ, гражданско-историческихъ, словесныхъ, физико-математическихъ, отвлекавшихъ отъ него наше внима-

¹⁾ „Христ. Чтен.“ 1862, II, 548—550.

²⁾ Между прочимъ, въ особенности часто меня. Замѣченную его симпатію ко мнѣ товарищи объясняли какимъ-то находимымъ ими сходствомъ между нами. Наружностью, однако, мы были не похожи; можетъ быть, характеромъ, нѣкоторыми чертами духовнаго склада?

³⁾ Помнится, на одной изъ лекцій онъ поднималъ вопросъ о вкушеніи Тѣла и Крови Христовой въ таинствѣ Евхаристіи и задалъ вопросъ: нельзя ли объяснить потребность именно „вкушенія“ тѣла Христова какъ-либо психологически, естественнымъ образомъ. И отвѣтилъ, что чувство сильной, пламенной любви ко Христу требуетъ именно вкушенія тѣла Его, а не причастія къ Нему только духовнаго, мысленнаго. При чемъ привелъ аналогію изъ области чисто человѣческой любви, пламенной, страстной.

ніе и сочувствіе въ свою сторону. Къ сожалѣнію и великому нашему удивленію, этотъ достойнѣйшій нашъ наставникъ, съ глубокимъ умомъ и такою же религіозною настроенностью, не пользовался благоволеніемъ начальства, тогдашняго ректора пр. Іоаннікія (Руднева, † митр. кіевск.), который, какъ слышно было, заподозрилъ его въ либерализмъ, на основаніи (какъ тогда говорили) его статьи: «Христіанство и прогрессъ», напечатанной въ «Прав. Обзор.» (1861, т. IV), и еще сотрудничествомъ въ журналъ «Духъ христіанина», считавшемся тогда либеральнымъ. Слухи эти оправдываются фактами: обойденный въ движеніи по службѣ и огорченный невниманіемъ начальства къ его матеріальнымъ, семейнымъ нуждамъ ¹⁾, онъ рѣшился выйти изъ академіи на службу по Мин. Нар. Просв., принялъ предложеніе объ отправленіи за границу, для приготовленія къ профессурѣ по философіи въ университетѣ, но не далѣе, какъ чрезъ мѣсяць послѣ состоявшагося новаго назначенія (въ маѣ 1862 г.), онъ скончался 26 іюня, того же 1862 года, отъ тяжкой болѣзни—воспаленія брюшины (перитонита, а не «отъ скоротечной чахотки», какъ сказано у А. С. Род. въ его Словарѣ). Передъ смертью, среди тяжкихъ страданій, онъ выразился объ нихъ такъ: «то, что я теперь терплю, немногимъ хуже бакалаврскаго жалованья!» ²⁾.

Латинскій языкъ преподавалъ проф. словесности К. И. Луцицкій. Чтеній по литературѣ онъ не давалъ, а занималъ насъ исключительно переводами одного изъ произведеній древнихъ классическихъ писателей (какого, не помню), тре-

¹⁾ Онъ не былъ возведенъ въ званіе экстр. проф. и до конца своей жизни оставался бакалавромъ, т. е. до 26 іюня 1862 г., тогда какъ его товарищи по академическому выпуску—А. И. Предтеченскій и М. О. Кояловичъ—съ 28 февраля того же 1862 г. были уже экстр. профессорами, жалованье которымъ въ то время было, впрочемъ, такое же, какъ и бакалаврамъ, т. е. 429 р. Слышно было также, что къ Пасхѣ этого же года его обошли небольшою денежною наградю, тогда какъ онъ особенно въ ней нуждался, будучи семейнымъ человѣкомъ и живя на одно скудное бакалаврское жалованье (429 р. въ годъ). Матеріальная его нужда бросалась въ глаза даже намъ. Онъ, напр., не имѣлъ при себѣ никогда карманныхъ часовъ, а когда было нужно узнать, сколько времени и много ли остается до конца лекціи, обращался къ намъ.

²⁾ То, что сохранилось у меня въ памяти относительно обстоятельствъ послѣднихъ дней жизни и болѣзни П. И. Шалѣева, вѣроятно, мы слышали отъ его шурина, Н. И. Граціанскаго, нашего товарища по XXV курсу, окончившаго курсъ съ званіемъ студента академіи.

буя, вмѣстѣ съ точностью перевода, непременно изящества, литературной его отдѣлки, такъ что мы готовились, въ особенности къ репетиціямъ, по какимъ-то записямъ, вѣроятно сохранившимся отъ прежняго времени.

Греческій языкъ преподавалъ природный грекъ, архим. Григорій Веглерись, магистръ Кіевской Академіи, въ званіи бакалавра ¹⁾, мы почему-то считали его экстр. профессоромъ. О. Веглерись началъ съ того, что заставилъ насъ писать по-гречески, скорописнымъ, употребительнымъ между греками, почеркомъ и потребовалъ, чтобы мы завели для того особыя тетради, въ которыхъ потомъ должны были записывать диктуемыя имъ коротенькія фразы на древне-греческомъ языкѣ. Эти фразы онъ заставлялъ насъ заучивать. Тетради наши нерѣдко бралъ къ себѣ и просматривалъ. Приходя въ классъ, онъ первымъ дѣломъ дѣлалъ намъ перекличку, чтобы убѣдиться, всѣ ли студенты находятся въ классѣ, что намъ очень не нравилось и чего не дѣлалъ ни одинъ изъ профессоровъ. Такъ прошло нѣсколько классовъ, но наконецъ послѣдовали съ нашей стороны протесты противъ такого педагогическаго приѣма, и нашъ бакалавръ счелъ за лучшее, торжественно, въ присутствіи всего класса, разорвать свой списокъ, въ которомъ онъ отмѣчалъ отсутствующихъ, послѣ чего, конечно, прекратились и переклички. Мало пользы принесъ намъ этотъ преподаватель, который, впрочемъ, былъ у насъ недолго, около года, съ осени 1859 г. до 10 мая 1860 г. ²⁾. Послѣ него преподаваніе греческаго языка было временно поручено бакалавру А. И. Прѣдтеченскому (съ 15 мая 1860 г. до 10 ноября 1861 г.). Если что осталось 'отъ о. Веглериса въ памяти, то это нѣсколько греческихъ фразъ, да ожесточенные его нападки на Еразма за введенное этимъ ученымъ произношеніе нѣкоторыхъ греческихъ словъ. О. Веглерись не находилъ словъ для выраженія своего негодованія, когда гово-

¹⁾ Архидіаконъ Григорій Веглерись, послѣдній, 21-й магистръ XVI курса (1853) кіевской акад. Онъ былъ родственникомъ знаменитаго константинопольскаго патріарха Григорія, мученически скончавшагося въ 1821 г. Подробн. біограф. Гр. Веглерисъ см. у И. А. Чистов. въ „Истор. сб. акад. 1858—1888 г.“ стр. 60—61.

²⁾ Переведенъ онъ былъ 10 мая 1860 г. въ кіевск. акад. бакалавромъ греч. языка, но не захотѣлъ туда отправиться, а просилъ объ опредѣленіи его на мѣсто настоятеля греческой церкви въ Одессѣ, которое и получилъ, 26 окт. того же 1860 г. Скончался въ Кон---лѣ въ 1866 г.

рилъ объ этомъ произношеніи, усвоенномъ нашими свѣтскими учебными заведеніями. Онъ положительно выходилъ изъ себя, когда говорилъ объ Еразмѣ; самый обычный эпитетъ, къ нему прилагаемый былъ: «дѣволость». Наконецъ, никогда не забудется великолѣпная наружность этого грека-баккалавра. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ слова красавецъ собой, брюнетъ, съ очень правильными чертами лица, красивыми глазами, великолѣпными волосами, умѣренно полный, средняго роста, съ прекрасными манерами, величавой осанкой. Вѣроятно, онъ имѣлъ немало поклонницъ среди дамъ ¹⁾. Русскимъ языкомъ онъ владѣлъ плоховато ²⁾.

Еврейскій языкъ преподавалъ также природный еврей, экстр. профессоръ спб. университета Д. А. Хвольсонъ ³⁾, у насъ въ академіи состоявшій (до 1869 г.) въ званіи приватнаго преподавателя, большой знатокъ своего предмета, уже и тогда извѣстный ученый гебраистъ. Къ сожалѣнію, онъ не приспособился къ преподаванію еврейскаго языка въ высшей духовной школѣ. Въмѣсто того, чтобы поболѣе занимать насъ переводами съ этого языка и чрезъ то пріохотить насъ къ его изученію, какъ дѣлалъ это когда-то (по сохранившемуся преданію) приснопамятный прот. Г. П. Павскій, онъ посвящалъ переводамъ слишкомъ мало времени, а больше занималъ насъ филологическо-грамматическими тонкостями. Эти тонкости, можетъ быть, очень важныя для записныхъ филологовъ восточнаго факультета, надоѣдали намъ, въ особенности чрезъ постоянное повтореніе одного и того же, охлаждали наше рвеніе къ изученію этого важнаго для богослова языка, и въ результатѣ мы мало имъ занимались, а знатоковъ его между нами, кажется, совсѣмъ не было.

Новые языки преподавали: французскій—бакк. М. О. Кояловичъ, нѣмецкій—бакк. И. Т. Осининъ, англійскій—преподаватель Г. Д. Бишонъ. Англійскій языкъ не былъ обязательнъ для всѣхъ студентовъ.

М. О. Кояловичъ, хорошо зная книжный французскій

¹⁾ Слышно было, что изъ-за нихъ онъ даже получилъ въ Одессѣ вѣкую аварію. За вѣрность слуха, конечно, ручаться трудно.

²⁾ Вотъ образецъ одной фразы, которую онъ просилъ перевести на греческій языкъ: „мы имѣемъ нынче хоросаго, прекраснаго зима“.

³⁾ Даніилъ Абрамовичъ Хвольсонъ, докторъ еврейской словесности, экстр. проф. сиб. университета по восточному факультету, въ спб. дух. акад. съ 3 марта 1858 г.

языкъ, не владѣль разговорнымъ, но какъ пользовавшійся любовью и уваженіемъ преподаватель гражданской исторіи, рас-полагалъ насъ къ занятіямъ и по изученію французскаго языка.

И. Т. Осипинъ ¹⁾, какъ родившійся за границею въ Даніи, въ Копенгагенѣ (онъ былъ сынъ псаломщика тамошней по-сольской церкви), зналъ нѣмецкій языкъ не только книжный, но и разговорный, свободно говорилъ на немъ. Между про-чимъ, онъ и насъ пріучалъ къ тому же, и хотя наши успѣхи въ этомъ отношеніи были очень невелики, но всетаки мы умѣли хоть съ грѣхомъ пополамъ составлять небольшія нѣ-мецкія фразы.

Г. Д. Бишопъ ²⁾, природный англичанинъ,—былъ прекрас-нымъ преподавателемъ англійскаго языка. Онъ очень хорошо, совершенно правильно и свободно говорилъ по-русски и, что особенно замѣчательно, когда переводилъ съ англійскаго языка на русскій, то русскій переводъ оказывался вполнѣ литера-турнымъ, даже изящнымъ, такъ что трудно было перевести лучше и природному русскому, обладающему литературнымъ вкусомъ. Нѣкоторые изъ моихъ товарищей хорошо и скоро изучили англійскій языкъ подъ его руководствомъ. Были у Г. Д. Бишопъ нѣкоторыя странности, безъ которыхъ не обхо-дится, кажется, ни одинъ англичанинъ. У него была страсть приврать и присочинить ³⁾.

Топъ академической жизни задавали лица начальствующія.

Во главѣ высшаго начальства стоялъ въ первый учебный годъ (1859/60) митрополитъ новгородскій и с.-петербургскій Гри-горій (Постниковъ) ⁴⁾. Митр. Григорія, всеми глубоко чтимаго

¹⁾ Иванъ Терентьевичъ Осипинъ, спб. семин., 1-й магистръ XXII к. (1857) спб. акад., бакал. обличительнаго богосл. съ 1857 г.

²⁾ Генрихъ Джонъ Бишопъ, съ 1835 г. русскій подданный, въ с.-пе-тербургской акад. съ 1856 г. (послѣ проф. М. А. Голубева, который пре-подавалъ англ. языкъ съ 1852—1856). † Бишопъ 1867.

³⁾ Живо помню, какъ однажды приходитъ онъ въ классъ и самодо-вольно поглаживая свой подбородокъ (обычный его жестъ), говорить, что онъ *вчера* рано утромъ отправился на охоту, въ *Вятку*, съ какой-то знатной компаніей, чуть ли не съ посланниками, въ томъ числѣ ан-глійскимъ, и поздно ночью, часовъ въ 12, былъ дома.

⁴⁾ Егоръ, въ монаш. Григорій Постниковъ, 3-й маг. I к. (1814) спб. акад., 1816—инспекторъ спб. академіи, 1817—докторъ богословія, 1819—ректоръ спб. академіи, 1822—еп. викар. ревельскій, 1826—еп. калужскій, 1829—архіеп. рязанскій, 1831—тверской, 1848—казанскій, 1856—митр. ка-занскій (26 авг.), митр. новгород. и с.-петербургскій (1 окт.) † 1860 г., іюня 17.

за его строгую аскетическую жизнь, твердость характера и ученые труды, въ особенности по изученію и обличенію русскаго раскола, мы видѣли въ академіи, вѣроятно, на рождественскомъ экзаменѣ. Довольно высокаго роста старецъ. съ строгими чертами блѣднаго лица,—такимъ онъ остался въ нашемъ представленіи. Но кромѣ впечатлѣнія отъ его наружности ничего другого въ нашей памяти не сохранилось.

Въ слѣдующіе годы нашего студенчества, равно какъ долго послѣ, въ годы нашей академической службы, митрополитомъ новгородскимъ, с.-петербургскимъ, эстляндскимъ и финляндскимъ былъ преемникъ митр. Григорія, митрополить Исидоръ (Никольскій) ¹⁾. О немъ придется еще много говорить впоследствии.

Ближайшими къ намъ начальствующими лицами были ректоръ и инспекторъ.

Въ первый учебный годъ (1859/60) ректоромъ С.-Петербургской Академіи былъ архим., а потомъ (съ 13 сентября 1859 г.) епископъ выборгскій, викарій с.-петербургскій, Нектарій (Надеждинъ) ²⁾, человекъ мягкаго, пріятливаго, доверчиваго характера ³⁾, болѣе или менѣе сочувствовавшій тогдашнимъ либеральнымъ вѣяніямъ, въ лучшихъ, конечно, ихъ сторонахъ, значительно ослабилъ суровость прежняго макарьевскаго († митр. Макарія Булгакова) режима. При проводкахъ его студенты поднесли ему папагію. Это было дѣломъ по преимуществу студентовъ старшаго курса.

Въ остальные учебные годы (1860—1863) былъ ректоромъ преемникъ Нектарія, сначала также архимандрить, а

¹⁾ Яковъ Сергѣевичъ Никольскій, въ монаш. Исидоръ, тульск., 2-й маг. VI к. (1826) спб. акад., 1826 — бакк. спб. акад., 1829—рект. орлов. сем.; 1833 — москов. сем., 1834 — вик. еп. дмитров., 1837 — еп. полоцкій, 1840—могилевск., 1841—архіеп., 1844—картал., экзархъ Грузіи, 1856—митрополить, 1858—митр. кіевскій, 1860—митр. новгор. и с.-петербургскій (1 іюля).

²⁾ Николай, въ монаш. Нектарій (Надеждинъ), тамбов., 26-й маг. XI к. (1843) кіевск. акад., 1849—инсп. кіев. сем., 1851—ректоръ кіев. сем., 1856—рект. новгор. сем., 1857—рект. спбург. семина., 1859—рект. спб. акад. и еп. выборгскій, 1860—еп. нижегород., 1867—архіеп., 1860—архіеп. харьковскій, † 1874.

³⁾ Въ своихъ „Замѣткахъ и воспоминаніяхъ“ („Богосл. Вѣстн.“ янв. 1914 г.) митр. Леонтій, хотя и говоритъ о немъ, что онъ „искалъ популярности у студентовъ“, но въ концѣ концовъ называетъ его „человѣкомъ прекраснымъ по душѣ“.

потомъ (съ 1861 г., 12 іюня) епископъ выборгскій Іоанникій (Рудневъ) ¹⁾, несравненно болѣе даровитый, чѣмъ его предшественникъ, но совсѣмъ другого характера, суроваго, недовѣрчиваго, подозрительнаго, не находившій ничего достойнаго сочувствія въ тогдашнихъ стремленіяхъ молодежи, задался цѣлю поднять упавшую дисциплину въ академіи. Что изъ этого вышло, увидимъ впоследствии.

Первые полтора мѣсяца послѣ нашего поступленія въ академію у насъ въ сущности не было инспектора. Мы застали состоявшаго въ то время инспекторомъ архим. Епифанія (Избитскаго) ²⁾, изъ польскихъ дворянъ, изъ католицизма перешедшаго въ православіе. Онъ былъ, такъ сказать, на отлетѣ, ждалъ назначенія на другую должность, которое послѣдовало 2 сент. того же 1859 г. Затѣмъ нѣсколько дней (10-ть), не вступая въ должность инспектора, числился въ ней архим. Асинкрить (Верещагинъ) ³⁾, назначенный (5 сент.), но по его прошенію, уволенный (15 сент.) отъ духовно-учебной службы. Прошелъ еще мѣсяць и 15 окт. мы получили наконецъ инспектора въ лицѣ архим. Павла (Лебедева † архіеп. казан-

¹⁾ Иванъ, въ монаш. Іоанникій Рудневъ, тульск., 1-й маг. XIV курса (1849) кievск. акад., 1849—бакк. кievск. акад. по Св. Пис., 1856—инсп. кievск. акад., 1858—рект. кievск. сем., 1859—кievск. акад., 1860—рект. спб. акад., 1861—еп. выборгскій, 1864—еп. саратовскій, потомъ еп. нижегородскій, архіеп. и экзархъ Грузіи, митроп. московскій и † митроп. кievскій.

²⁾ Епифаній (въ мiръ Евстафій Избитскій), изъ польскихъ дворянъ волынской губ., сначала католикъ, обучался въ виленьской акад., потомъ въ 1841 въ кievск. университетѣ по философскому факул., гдѣ получилъ степень магистра, въ 1846—учитель черниговской гимн., 1851—учит. житомирскаго раввинскаго учил., 1854—принялъ православіе, 1856 г.—12-й магистръ москов. акад. XI курса, 1856—инспект. виѣанской сем., 1858—инсп. спбургской акад., 1859—рект. кавказск. сем., 1861—оставилъ дух. учебн. службу, жилъ въ моск. Симоновомъ мон., 1866—членъ Забайкальской миссіи, † 1869 тамъ же, въ Забайкальѣ.

³⁾ Іером. Асинкрить (Верещагинъ), 3-й маг. XX (1853) курса спб. акад., 1853—баккал. по патристикѣ въ спб. акад., 1855—инспект. петрозав. сем., 1859—назначенъ инсп. спб. акад. и, послѣ отказа его отъ этого назначенія, настоятель новгородск. Сковородскаго мон., а потомъ инсп. новгород. сем. и ректоръ калужской, вскорѣ скончался. По слухамъ и по печатнымъ отзывамъ (Ист. спб. акад. И. А. Чистов. стр. 14), „это былъ человекъ даровитый, но крайне мнительный и вдобавокъ болѣзненный“. Онъ былъ назначенъ инспекторомъ прямо „съ присвоеніемъ ему званія ординарн. проф.“.

скій) ¹⁾, который пробылъ у насъ около двухъ лѣтъ (съ 15 окт. 1859 по 23 авг. 1861 г.), т. е. въ теченіе всего младшаго курса и оставилъ по себѣ хорошую, благодарную память. Мы недостаточно его цѣнили въ бытность его инспекторомъ и вспомнили о немъ, когда перешли на старшій курсъ, когда разыгралась октябрьская (4 окт. 1861 г.) исторія со всѣми ея послѣдствіями и вліяніемъ на складъ нашей жизни въ послѣдніе два года пребыванія въ академіи.

Но о дисциплинѣ и порядкахъ нашей студенческой жизни на младшемъ курсѣ скажемъ потомъ, теперь же перейдемъ къ нашимъ учебнымъ занятіямъ на этомъ курсѣ.

Скоро мы поняли, что система академическаго образованія очень напоминаетъ систему тогдашняго семинарскаго. Какъ тамъ все было направлено къ нашему формальному развитію, преимущественно къ упражненію въ письменныхъ работахъ, такъ—и здѣсь въ академіи. Различіе было только въ характерѣ чтеній, да еще въ томъ, что въ семинаріи задавали намъ уроки и каждый классъ спрашивали у насъ отчетъ въ усвоеніи заданнаго, а здѣсь въ академіи нѣсколько мѣсяцевъ подрядъ читали намъ лекціи и не контролировали насъ въ ихъ усвоеніи, задавая въ то же время много сочиненій, не менѣе 5 (съ проповѣдью) въ годъ.

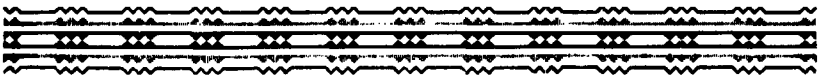
Что касается лекцій, то мы слѣшали внимательно только любимыхъ и интересныхъ для насъ преподавателей. У другихъ или сидѣли въ классѣ (во избѣжаніе инспектора Павла, часто посѣщавшаго занятныя комнаты, во время лекцій), занимаясь въ это время чѣмъ попало, или скрывались въ такъ называемыхъ «катакомбахъ»,—хлѣбопекарнѣ, куда отправлялись, кстати сказать, и въ другое время, любители табаку, чтобы покурить. Зная такое отношеніе студентовъ къ лекціямъ, тѣ профессора, которые желали имѣть у себя полную и внимательную аудиторію, старались всячески заинтересовать своихъ слушателей. Отсюда вель начало характеръ нѣкоторыхъ чтеній, отсюда—приправа къ нимъ (остроты, соль ихъ).

¹⁾ Иеромонахъ Павелъ Лебедевъ, тверск., 8-й маг. XX (1853) курса спб. акад., 1853—препод. спб. сем., 1857—инспект. спб. сем., 1859—инсп. спб. акад., 1861—ректоръ смоленск. сем., 1866—рект. петерб. сем., 1868—еп. выборгскій, вик. спб., 1869—еп. ладожскій, вик. спб., 1871—еп. кишиневск., потомъ архіеп. экзархъ Грузіи, архіеп. казанскій, † въ Казани. Инспекторомъ спб. акад. онъ былъ съ званіемъ экстраорд. профессора.

Отчетъ въ усвоеніи лекцій мы давали на экзаменахъ, два раза въ годъ,—рождественскихъ и предъ лѣтними каникулами,—и на репетиціяхъ предъ экзаменами. Но этотъ отчетъ не имѣлъ серьезнаго характера.

Репетиціи производили не всѣ профессора,—нѣкоторые не дѣлали ихъ вовсе, сберегая время для лекцій. Помню репетиціи только нѣкоторыхъ: В. Н. Карпова и въ особенности К. И. Лучицкаго, аккуратно и строго ихъ выполнявшаго. Да и для репетицій выдавались въ большинствѣ случаевъ особыя литографированныя лекціи, содержавшія нерѣдко не то, что читалось, а то, что представлялось къ экзаменамъ. Такой обычай выдаванія особыхъ записокъ для экзаменовъ явился вѣроятно, изъ опасенія цензуры со стороны властей: ректоровъ, митрополитовъ и академическихъ ревизоровъ. Нѣкоторые изъ профессоровъ выдавали для репетицій и экзаменовъ болѣе или менѣе подробныя программы прочитаннаго, напр. В. Н. Карповъ—по психологіи.

А. Катанскій.

Архієпископъ Смарагдъ въ его дѣятельности по воссоединенію униатовъ (1833—1837 г.г.).

Дѣятельность преосвящ. Смарагда по присоединенію униатовъ къ православію въ Полоцкомъ краѣ *).

ПРИ отыѣченномъ внутреннемъ единствѣ желаній и цѣлей становится тѣмъ болѣе загадочнымъ, почему же Смарагдъ сразу не примкнулъ къ Сѣмашкѣ и не приспособлялся къ нему, а пошелъ своимъ путемъ—всегда невисимо и иногда прямо въ разрѣзъ съ нимъ? Этотъ вопросъ заслуживаетъ особаго вниманія и потому, что при его рѣшеніи должны лучше раскрыться условія и свойства работы Смарагдовой. Главнымъ инициаторомъ и вдохновителемъ униатской революціи былъ императоръ Николай I, въ которомъ сами униаты видѣли освободителя своей церкви ¹⁵²). Онъ уже великимъ княземъ ознакомился на мѣстѣ съ униатствомъ и Польшею ¹⁵³) и еще до указа 9 октября 1827 г. помышлялъ воссоединить униатовъ и самъ припималъ мѣры ¹⁵⁴). Были мечтанія даже широкаго обращенія евреевъ въ Западномъ краѣ ¹⁵⁵), но естественно,

*) Продолженіе. См. Апрель.

¹⁵²) См. у † П. О. Бобровскаго. Русская греко-униатская церковь въ царствованіе Императора Александра I, стр. 362.

¹⁵³) См. у † П. О. Бобровскаго *ibid.*, стр. 233.

¹⁵⁴) См. у † П. О. Бобровскаго *ibid.*, стр. 363—364 и въ „Христіанскомъ Читеніи“ 1889 г., № 5—6, стр. 761.

¹⁵⁵) См. у † проф. Д. И. Ростиславова въ „Вѣстникъ Европы“ 1883 г., № 8, стр. 607. Къ дѣлу присоединенія евреевъ Смарагдъ относится со сдержанною осторожностію (см. „Христ. Читеніе“ 1912 г., № 5, стр. 565), но тоже видитъ еще, напр., у († 23 февраля 1837 г.) митр. Евгенія (см. у С. М. Картова, Евгений Болховитиновъ, какъ митрополитъ Кіевскій, въ „Трудахъ Кіевской Духовной Академіи“ 1914 г., № 3, стр. 283, 6) и у

что въ подобныхъ дѣлахъ Государь не могъ вникать во всѣ подробности и выработать самый планъ, а отъ предшествующаго времени наслѣдовалъ по уніатскому вопросу лишь господствовавшую тогда вообще ¹⁵⁶⁾ политику осторожности, постепенности и непримѣтности дѣйствій ¹⁵⁷⁾, чѣмъ столь часто осаживались и затруднялись слишкомъ прыткіе шаги Смарагда. Ближайшій сподвижникъ—графъ Д. Н. Блудовъ ранѣе былъ не знакомъ съ уніатскою проблеммою ¹⁵⁸⁾ и пользовался ею лишь соотвѣтственно интересамъ своей служебной карьеры, почему, мечтая получить портфель министра народнаго просвѣщенія, готовъ былъ совсѣмъ бросить ее, какъ нѣчто мало-важное ¹⁵⁹⁾. Помощникъ по этой части графа Блудова—Ф. Ф. Вигель (смѣнившій на посту директора департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій Гр. Ив. Карташевскаго, назначеннаго попечителемъ Бѣлорусскаго учебнаго округа)—былъ столь же малосвѣдущимъ касательно уніатства ¹⁶⁰⁾. Активнымъ вершителемъ оказался Іосифъ Сѣмашко. Уже у него былъ сподвижникомъ графъ Блудовъ ¹⁶¹⁾, а Николай I, предложивъ послѣднему присоединить уніатовъ, потомъ пред-

---

(† 3 февраля 1913 г.) архіеп. Дмитрія (см. у проф. о. *Θ. И. Титова*, Высокопреосвященный Дмитрій Ковальницкій, архіепископъ Херсонскій и Одесскій, *ibid.*, стр. 473—475).

¹⁵⁶⁾ И по отношенію къ Калмыцкой миссін Николай I внушалъ дѣйствовать „съ крайнею осторожностію“, о чемъ см. выше „Христ. Чтеніе“ 1912 г., № 10, стр. 1074, в. Вездѣ тутъ вдохновеніе, конечно, графа Д. Н. Блудова.

¹⁵⁷⁾ Въ этомъ смыслѣ дѣлались внушенія, напр., преосвященному Бѣлорусскому Анастасію (Братановскому, † 9 декабря 1806 г. архіепископомъ Астраханскимъ), что воссоединеніе уніатовъ съ греко-россійскою церковію, на которое онъ испрашивалъ разрѣшенія, не можетъ быть достигнуто силою власти, при чемъ разъяснялось, что всякая мѣра, кромѣ мѣры человеколюбія, примѣрной жизни въ духовенствѣ и гласа поученія, должна быть строго воспрещеаема. См. въ Архивѣ Александро-Невской Лавры д. 1801 г. № 53 и у *Пл. Ст. Горючко*, Изъ исторіи воссоединенія уніатовъ въ Бѣлоруссіи 1795—1805 годовъ въ „Трудахъ Кіевской Духовной Академіи“ 1902 г., № 6, стр. 217—219.

¹⁵⁸⁾ См. у † *П. О. Бобровскаго*, Русская греко-уніатская церковь въ царствованіе Императора Александра I, стр. 365, 369; *Г. Я. Киприановичъ*, Жизнь Іосифа Сѣмашки, стр. 362.

¹⁵⁹⁾ См. у † *П. О. Бобровскаго*, Русская греко-уніатская церковь, стр. 359.

¹⁶⁰⁾ См. у *Г. Я. Киприановича*, Жизнь Іосифа Сѣмашки, стр. 380.

¹⁶¹⁾ См. у *Г. Я. Киприановича* *ibid.*, стр. 362.

ставилъ ему записку Сѣмашки ¹⁶²), котораго тотъ почти буквально повторялъ ¹⁶³). Все сосредоточивалось собственно на Юсифѣ, между тѣмъ онъ держался крайней таинственности ¹⁶⁴), когда на практикѣ допускалось много хитростей ¹⁶⁵). Ничего не зналъ о воссоединительныхъ проектахъ не только его отецъ ¹⁶⁶), но не былъ посвященъ въ нихъ и ближайшій другъ Антоній Зубко ¹⁶⁷). Многое скрывалось отъ самого митр. Филарета ¹⁶⁸) и даже отъ Св. Синода ¹⁶⁹). Въ самомъ Секретномъ Комитетѣ были еще найсекретнѣйшія совѣщанія, ему неизвѣстныя и не сообщаемыя ¹⁷⁰). Постановленіе уніатскихъ іерарховъ о служебникахъ 7 февраля 1834 г. было непредвидѣнною неожиданностію ¹⁷¹) и испугало Московскаго святителя ¹⁷²). Мѣстное начальство не информировалось, и даже 11 ноября 1839 г. генераль-губернаторъ П. Н. Дьяковъ не зналъ о планахъ воссоединенія ¹⁷³), которое старались устроить тайно ¹⁷⁴)—путемъ незамѣтнаго превращенія уніи въ православіе ¹⁷⁵). Кажется, лишь въ мартѣ 1839 г. власть впервые открыто высказалась, что она за воссоединеніе ¹⁷⁶), однако графъ Н. А. Пратасовъ испугался опубликованія Высочайшаго указа 17 марта сего

¹⁶²) См. Воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, ч. VII (Москва 1866), стр. 137—138.

¹⁶³) См. у о. Г. И. Шавельскаго, Последнее воссоединеніе съ православною церковію уніатовъ Бѣлорусской епархіи, стр. 2, а.

¹⁶⁴) См. у Г. Я. Киприановича, Жизнь Юсифа Сѣмашки, стр. 276 и ср. 156.

¹⁶⁵) См. у Г. Я. Киприановича, Жизнь Юсифа Сѣмашки, стр. 206, 207.

¹⁶⁶) Г. Я. Киприановичъ *ibid.*, стр. 253 (а также въ „Литовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ за 27 іюня 1893 г., № 26, стр. 215 и въ „Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ 1893 г., № 16, стр. 425).

¹⁶⁷) См. у о. Г. И. Шавельскаго, Последнее воссоединеніе съ православною церковію уніатовъ Бѣлорусской епархіи, стр. 65.

¹⁶⁸) О. Г. И. Шавельскій *ibid.*, стр. 75.

¹⁶⁹) О. Г. И. Шавельскій *ibid.*, стр. 173.

¹⁷⁰) О. Г. И. Шавельскій *ibid.*, стр. 175; ср. Г. Я. Киприановичъ, Жизнь Юсифа Сѣмашки, стр. 216.

¹⁷¹) См. у † П. О. Бобровскаго, Подготовка реформъ греко-уніатской церкви (1803—1827 г.) въ „Христіанскомъ Читеніи“ 1889 г., № 5—6, стр. 759.

¹⁷²) См. у о. Г. И. Шавельскаго, Последнее воссоединеніе съ православною церковію уніатовъ Бѣлорусской епархіи, стр. 120, 121.

¹⁷³) О. Г. И. Шавельскій *ibid.*, стр. 279. а.

¹⁷⁴) О. Г. И. Шавельскій *ibid.*, стр. 194.

¹⁷⁵) О. Г. И. Шавельскій *ibid.*, стр. 263, 264, 277. а.

¹⁷⁶) О. Г. И. Шавельскій *ibid.*, стр. 320.

года ¹⁷⁷), и хотя огласка помогла успѣху ¹⁷⁶),—въ С.-Петербурѣ все-таки продолжали хранить тайну ¹⁷⁹). Не усматривалось на посторонній взглядъ ни ясности, ни опредѣленности,—и всюду чуялась какая-то неувѣренная боязливость. Въ столицѣ культивировали не въ мѣру осторожную политику ¹⁸⁰), патронируемую всѣми главными вершителями. Девизами графа Блудова были: благоразуміе, постепенность, ловкость, непримѣтность ¹⁸¹), а графъ Н. А. Пратасовъ повелительно внушалъ осторожность и чиновнику Скрипицыну ¹⁸²), и преосвященному Исидору ¹⁸³), Синодъ же боязливо противился принятію Греко-уніатской Духовной Коллегіи въ свое вѣдѣніе и едва примирился съ подчиненіемъ ея Оберъ-Прокурору ¹⁸⁴). Въ общемъ, безусловно несомнѣнно, что въ уніатскомъ вопросѣ всѣ принципы дѣйствовали, маскируясь и страшась быть разгаданными ¹⁸⁵). Искусное лавированіе переходило въ хитрое политиканство, а непроницаемая примрачность иногда во многомъ граничила съ конспиративноію чуть не заговора ¹⁸⁶)... Наряду съ этимъ у большинства долго господствовала фактическая неотчетливость. Ближайшіе участники прямо свидѣтельствуютъ, что только подъ вліяніемъ Польскаго мятежа 1831 г. получила опредѣленность самая идея возсоединенія уніатства съ православіемъ, но и потомъ это событіе всѣмъ виднѣлось лишь въ туманѣ отдаленнаго будущаго ¹⁸⁷).

Такимъ образомъ, планы правительства совершенно скрывались и оставались неуловимыми ¹⁸⁸), вызывая справедливое

¹⁷⁷) О. Г. И. Шавельскій, Последнее возсоединеніе съ православною церковію уніатовъ Бѣлорусской епархіи, стр. 329.

¹⁷⁸) О. Г. И. Шавельскій *ibid.*, стр. 333.

¹⁷⁹) О. Г. И. Шавельскій *ibid.*, стр. 337, 1.

¹⁸⁰) О. Г. И. Шавельскій *ibid.*, стр. 322.

¹⁸¹) О. Г. И. Шавельскій *ibid.*, стр. 233.

¹⁸²) О. Г. И. Шавельскій *ibid.*, стр. 324.

¹⁸³) О. Г. И. Шавельскій *ibid.*, 306.

¹⁸⁴) О. Г. И. Шавельскій *ibid.*, стр. 231—233.

¹⁸⁵) О. Г. И. Шавельскій *ibid.*, стр. 314—315.

¹⁸⁶) Ср. къ сему и у † проф. М. О. Кояловича, Чтенія по исторіи западной Россіи (Спб. 1884), стр. 323—324.

¹⁸⁷) См. у архіеп. Антонія (Зубко, † 15 февраля 1884 г.) въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1864 г., т. LIII, стр. 312, 326, 336, 338 и по изданію † проф. М. О. Кояловича въ сборникѣ „Семь проповѣдей митрополита Іосифа“ (Спб. 1889), стр. 55, 72, 73.

¹⁸⁸) См. и у † о. М. Я. Морощкина въ „Вѣстникѣ Европы“ 1872 г., кв. 7, стр. 95: „до 1835-го года изъ членовъ самого св. синода только

удивленіе своею загадочностію. Смарагдъ. не посвященный въ эти тайны ¹⁸⁹), конечно, не могъ исповѣдывать ни для кого непостижимые символы и естественно недоумѣвалъ, «къ чему мы идемъ къ своей цѣли украдкой?» ¹⁹⁰). Если это и было нужно, то все-же необходимо было достаточно просвѣтить Смарагда, чтобы требовать отъ него солидарности. Но ничего подобнаго не было, откуда неизбѣжно, что этотъ владыка не признавалъ неизвѣстныхъ ему принциповъ и не согласовался съ ними на практикѣ. Онъ пошелъ разными путями съ Василіемъ Лужинскимъ ¹⁹¹), поскольку маршрутъ послѣдняго былъ неясенъ и курсъ—черезчуръ извилистъ. Призванный въ «пособники для дѣйствій Синода» ¹⁹²), — Василій обнаруживалъ большія колебанія въ своихъ отношеніяхъ къ православному іерарху ¹⁹³) и вообще велъ себя, какъ ловкій дипломатъ ¹⁹⁴), который, будучи уполномоченъ графомъ Блудовымъ, фактически работалъ вопреки ему ¹⁹⁵), какъ лукавилъ и передъ Іосафатомъ Булгакомъ ¹⁹⁶). Наряду съ этимъ Василій во всемъ окружалъ себя таинственностію ¹⁹⁷) и опять не давалъ реаль-

одина, можетъ быть, митрополитъ московскій Филаретъ посвященъ былъ въ тѣ виды, которые имѣло въ виду наше правительство касательно униатской церкви въ Россіи“. По словамъ † проф. *И. Н. Корсунскаго* (въ „Прибавленіяхъ къ Твореніямъ св. отцевъ“ ч. XLIV за 1889 г., стр. 119), „до 1834 года высшее духовное правительство русской Церкви еще не введено было въ самую глубь плана подготовки дѣла совокупнаго воссоединенія униатовъ“.

¹⁸⁹) Ср. у проф. *Пл. Н. Жуковича* въ отзывѣ о диссертациі о *Г. И. Шавельскаго* въ „Журналахъ засѣданій Совѣта Спб. Дух. Академіи“ за 1909—1910 уч. г. (Спб. 1911), стр. 385: Смарагдъ былъ „совѣтъ не посвященъ въ высшіе правительственные планы относительно воссоединенія униатовъ“.

¹⁹⁰) См. у о. *Г. И. Шавельскаго*, Последнее воссоединеніе съ православною церковію униатовъ Бѣлорусской епархіи, стр. 18.

¹⁹¹) См. у о. *Г. И. Шавельскаго* *ibid.*, стр. 74.

¹⁹²) См. у *І. Я. Киприановича*, Жизнь Іосифа Сѣмашки, стр. 215.

¹⁹³) См. у о. *Г. И. Шавельскаго*, Последнее воссоединеніе съ православною церковію униатовъ Бѣлорусской епархіи, стр. 239—240.

¹⁹⁴) См. у о. *Г. И. Шавельскаго* *ibid.*, стр. 88.

¹⁹⁵) О. *Г. И. Шавельскій* *ibid.*, стр. 80.

¹⁹⁶) Ср. у проф. *Пл. Н. Жуковича* въ „Журналахъ засѣданій Совѣта Спб. Дух. Академіи“ за 1909—1910 г., стр. 389: „Василій держалъ Булгака въ полномъ невѣдѣніи относительно истиннаго характера и цѣли своихъ церковно-административныхъ дѣйствій“.

¹⁹⁷) О. *Г. И. Шавельскій*, Последнее воссоединеніе съ православною церковію униатовъ Бѣлорусской епархіи, стр. 110, 126.

ной опоры для принципиальнаго объединенія или жизненнаго компромисса.

Итакъ, Смарагдъ не примыкалъ къ Сѣмашкѣ вовсе не по предубѣжденію, враждѣ и идейному отрицанію, а по той причинѣ, что воссоединительные планы Іосифа теоретически были отъ него сокровенны, практически же возбуждали сомнѣнія, ибо не раскрывались съ принципиальною обоснованностію ¹⁹⁸). Съ другой стороны, все извѣстное касательно расчетовъ Сѣмашки могло вызывать сомнѣнія, исторически вполне законныя. Предполагалось и осуществилось воссоединеніе собственно іерархическое съ надеждою перевоспитать уніатовъ ¹⁹⁹) чрезъ обращенное уніатское духовенство ²⁰⁰). Для человѣка, не посвященнаго во всѣ подробности, эти начала должны были скорѣе внушать сильный скепсисъ, чѣмъ глубокую вѣру, къ которой нисколько не располагало внимательное наблюдение. Митрополитъ Іасафатъ Булгакъ былъ въ душѣ римскимъ католикомъ ²⁰¹), страшился ²⁰²) и не хотѣлъ видѣть ²⁰³) единенія съ православіемъ и готовъ былъ повернуть унію въ латинство ²⁰⁴), смотря на соображенія въ послѣднее, какъ на переходъ въ лучшей обрядъ ²⁰⁵), и вообще въ своихъ дѣйствіяхъ

---

¹⁹⁸) О. Г. И. Шавельскій, *Послѣднее воссоединеніе съ православною церковію уніатовъ Вѣлорусской епархіи*, стр. 41: „назначеніе (въ Полоцкъ) православнаго епископа (Смарагда) вводило въ начатое дѣло воссоединенія совершенно не посвященнаго въ тайны воссоединенія дѣятеля“; стр. 238: „Св. Синодъ выработаннаго Сѣмашкою плана не зналъ, а если и зналъ, то выполненіе его не считалъ обязательнымъ; отъѣзжавшаго въ Полоцкъ пр. Смарагда съ этимъ планомъ не ознакомилъ и къ совмѣстной съ уніатскими епископами—воссоединителями, согласованной работѣ въ дѣлѣ воссоединенія не обязалъ“.

¹⁹⁹) Г. Я. Киприановичъ, *Жизнь Іосифа Сѣмашки*, стр. 212.

²⁰⁰) Г. Я. Киприановичъ *ibid.*, стр. 109.

²⁰¹) См. у † П. О. Бобровскаго, *Русская греко-уніатская церковь въ царствованіе Императора Александра I*, стр. 117, 146; о. Г. И. Шавельскій, *Послѣднее воссоединеніе съ православною церковію уніатовъ Вѣлорусской епархіи*, стр. 4, 41, 42, 69, 260, 4.

²⁰²) О. Г. И. Шавельскій *ibid.*, стр. 262.

²⁰³) См. и у † архіеп. Антонія (Зубко), *О греко-униатской церкви въ Западномъ краѣ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1864 г., т. III, стр. 339 и въ изданномъ † проф. М. О. Кояловичемъ сборникѣ: „Семь проповѣдей митрополита Іосифа“ (Спб. 1889), стр. 74.*

²⁰⁴) † П. О. Бобровскій, *Русская греко-уніатская церковь въ царствованіе Императора Александра I*, стр. 76.

²⁰⁵) † П. О. Бобровскій *ibid.*, стр. 80, 164.

«основываясь на законахъ римско-уніатской церкви» ²⁰⁶). Въ свою очередь Римско-католическая Коллегія въ указѣ 9 сентября 1801 г. прямо заявляла, что уніатство и римско-католичество—одно и тоже исповѣданіе ²⁰⁷). На мѣстахъ всѣмъ правили базилиане ²⁰⁸), и авторитетъ ихъ былъ столь высокъ, что даже лучшіе уніатскіе священники утверждали, будто безъ монашества свѣтскій клиръ, разбросанный и приниженный нищетою, подобно трости, колеблемой вѣтромъ, склоняется на ту или другую сторону ²⁰⁹). Но Базилианскій орденъ, и по вѣдѣности являвшійся чисто католическимъ ²¹⁰), всецѣло былъ проникнутъ латинизаторскимъ настроеніемъ ²¹¹), въ чемъ весьма успѣвалъ, если его питомецъ — митрополитъ Праклій Лисовскій (24 іюля 1806 г.—† 30 августа 1809 г.), будучи «благонамѣреннымъ пастыремъ» ²¹²), однако не желалъ воссоединенія съ православною церковію ²¹³) и предлагалъ въ 1802 г. или присоединить всѣхъ уніатовъ къ католичеству, или обратить всѣхъ русскихъ въ унію ²¹⁴). Въ этомъ духѣ Булгакъ старался держать въ невѣжествѣ все

²⁰⁶) † П. О. Бобровскій, Греко-уніатская церковь въ царствованіе Императора Александра I, стр. 61.

²⁰⁷) † П. О. Бобровскій *ibid.*, стр. 80. О. Г. И. Шавельскій, Последнее воссоединеніе съ православною церковію уніатовъ Бѣлорусской епархіи, стр. 17.

²⁰⁸) См. о нихъ у проф. Н. И. Петрова, Очеркъ исторіи базилианскаго ордена въ бывшей Польшѣ въ „Трудахъ Кіевской Духовной Академіи“ 1870 г., т. II, стр. 428—494; № 8, стр. 373—436; т. IV, стр. 343—409. 1871 г., т. I, стр. 295—374; т. II, стр. 225—317; т. III, стр. 118—189. 1872 г., т. I, стр. 3—85, 161—272.

²⁰⁹) † Проф. М. К. Бобровскій въ письмѣ къ настоятелю Св.-Гр. Виленскаго базилианскаго монастыря Виктору Босяцкому отъ 21 января 1835 г. у † П. О. Бобровскаго, Русская греко-уніатская церковь въ царствованіе Императора Александра I, стр. 4, 331 и у проф. Пл. Н. Жуковича въ „Христіанскомъ Читеніи“ 1907 г., № 12, стр. 771.

²¹⁰) † П. О. Бобровскій, Русская греко-уніатская церковь въ царствованіе Императора Александра I, стр. 243.

²¹¹) † П. О. Бобровскій *ibid.*, стр. X, XIII, 119.

²¹²) См. въ напечатанной по опредѣленію Св. Синода брошюрѣ: О воссоединеніи уніатовъ съ православною церковію въ Россійской Имперіи (Спб. 1839), стр. 16.

²¹³) См. у Пл. Ст. Горючко, Изъ исторіи воссоединенія уніатовъ въ Бѣлоруссіи 1795—1805 годовъ въ „Трудахъ Кіевской Духовной Академіи“ 1902 г., № 6, стр. 175.

²¹⁴) См. у проф. Н. И. Петрова въ „Трудахъ Кіевской Духовной Академіи“ 1871 г., т. II, стр. 270—272.

бѣлое духовенство ²¹⁵⁾ вмѣстѣ съ базилианами ²¹⁶⁾, которые противились его руссификаторскимъ стремленіямъ ²¹⁷⁾, ибо были величайшими врагами греко-восточнаго обряда и русской народности ²¹⁸⁾, считали православную вѣру ниже еврейской ²¹⁹⁾ и стремились перевоспитать уніатовъ въ настоящихъ римско-католиковъ ²²⁰⁾. При такихъ условіяхъ казалось, что высшая уніатская іерархія и базилиане могли увлечь къ латинству все подчиненное духовенство ²²¹⁾, которое тоже было почти совсѣмъ католическимъ ²²²⁾. Во всякомъ случаѣ было достигнуто, что епископы уніатскіе называли себя «сподручниками папы» ²²³⁾, а требованіямъ своего начальства объ очищеніи обрядности отъ латинскихъ наслоеній священники подчинились только по вниманію къ папской грамотѣ ²²⁴⁾. Народъ пребывалъ въ невѣжествѣ ²²⁵⁾ и не могъ имѣть какого-либо существеннаго значенія, слушая болѣе *argumenta baculina*, чѣмъ пастырскія увѣщанія ²²⁶⁾. Все говорило, что уніаты въ Россіи были на пути къ поголовному совращенію въ латин-

²¹⁵⁾ † П. О. Бобровскій. Русская греко-уніатская церковь въ царствованіе Императора Александра I, стр. 72; о. Г. И. Шавельскій, Последнее возсоединеніе съ православною церковію уніатовъ Вѣлорусской епархіи, стр. 30.

²¹⁶⁾ † П. О. Бобровскій. Русская греко-уніатская церковь въ царствованіе Императора Александра I, стр. 16, 17, 24, 25.

²¹⁷⁾ † П. О. Бобровскій *ibid.*, стр. 237.

²¹⁸⁾ † П. О. Бобровскій *ibid.*, стр. 11.

²¹⁹⁾ Г. Я. Кипріановичъ, Жизнь Іосифа Сѣмашки, стр. 159.

²²⁰⁾ † Ю. Ѳ. Крачковскій, Отзывъ о сочиненіи пресвитера Извъкова, стр. 4.

²²¹⁾ † П. О. Бобровскій, Русская греко-уніатская церковь въ царствованіе Императора Александра I, стр. 361.

²²²⁾ См. у о. Н. Д. Извъкова въ „Христіанскомъ Чтеніи“ 1898 г., № 1, стр. 14, что „предъ возсоединеніемъ уніатское духовенство было соединено съ римскимъ взаимною пользой и настолько сблизилось съ нимъ, что скорѣе его можно было почитать низшимъ разрядомъ римскаго духовенства, нежели самостоятельнымъ сословіемъ“.

²²³⁾ Г. Я. Кипріановичъ, Жизнь Іосифа Сѣмашки, стр. 229.

²²⁴⁾ Г. Я. Кипріановичъ *ibid.*, стр. 102.

²²⁵⁾ Г. Я. Кипріановичъ *ibid.*, стр. 210.

²²⁶⁾ См. письмо о. Никанора Лазурьевскаго отъ 1838 г. въ „Чтеніяхъ въ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ“ 1910 г., кн. I, отд. III, стр. 6: „Никто изъ прихожанъ не ходилъ ко мнѣ на мшу, потому что «варганъ молчитъ»... Такъ тянулось до вербнаго воскресенья, а отсюда все пошло по маслу. Прихожане уважили Казенную Палату, которая стала угощать ихъ лучше меня—палками“...

ство ²²⁷),—и высшая правительственная администрація готова была приравнивать къ послѣднему унію ²²⁸), видя въ пей лишь низшую ступень и частицу латинской церкви ²²⁹). Во всѣхъ отношеніяхъ Бѣлорусская епархія, будучи окатоличенною ²³⁰), въ 1833 г. находилась въ состояніи, не желательномъ для воссоединенія ²³¹). Уніатское духовенство было скорѣе враждебно ему ²³²) и вообще неблагонадежно по этой части ²³³), какъ ополяченное и проникнутое католическими тенденціями ²³⁴), а Полоцкая земля была переполнена наиболѣе упорными уніатскими священниками, которые собирались сюда изъ Подолія и Волыни, гдѣ отказывались отъ обращенія въ православіе ²³⁵). Уніатскіе іереи называли и считали себя собственно ксендзами ²³⁶) и потомъ въ своихъ дѣйствіяхъ подражали послѣднимъ ²³⁷), которые вели систематическую пропаганду противъ православія или обращались фиктивно ²³⁸). Уніатскіе монахи, разумѣется, были всячески еще хуже бѣлыхъ поповъ ²³⁹) и собственно лишь зачислялись Іосифомъ Сѣмашкой въ православіе «за общимъ воссоединеніемъ» ²⁴⁰). Тутъ требовалась цѣлая система перевоспитанія уніатскаго клира и пересозданія всего церковно-богослужебнаго строя ²⁴¹), но этому мѣшала именно уніатская іерархія, болѣе или ме-

²²⁷) † П. О. Бобровскій, Русская греко-уніатская церковь въ царствованіе Императора Александра I, стр. 179.

²²⁸) Г. Я. Киприановичъ, Жизнь Іосифа Сѣмашки, стр. 42, 56.

²²⁹) † П. О. Бобровскій, Русская греко-уніатская церковь въ царствованіе Императора Александра I, стр. XII, 1, 24, 39, 50, 57, 79.

²³⁰) О. Г. И. Шавельскій, Последнее воссоединеніе съ православною церковію уніатовъ Вѣлорусской епархіи, стр. 155.

²³¹) О. Г. И. Шавельскій *ibid.*, стр. 6.

²³²) О. Г. И. Шавельскій *ibid.*, стр. VIII.

²³³) О. Г. И. Шавельскій *ibid.*, стр. 27 сл.

²³⁴) О. Г. И. Шавельскій *ibid.*, стр. 31 сл.

²³⁵) О. Г. И. Шавельскій *ibid.*, стр. 3—4.

²³⁶) О. Г. И. Шавельскій *ibid.*, стр. 21.

²³⁷) См. у о. Н. Д. Извъкова, Историческій очеркъ состоянія Православной Церкви въ Литовской епархіи съ 1839—1889 г. (Москва 1899), стр. 289 сл.

²³⁸) См. у о. Н. Д. Извъкова *ibid.*, стр. 298—299.

²³⁹) Письмо *Смарагда* кн. Н. Н. Хованскому отъ 22 февраля 1834 г. въ Витебскомъ Губернскомъ Архивѣ 1834 г., связка 3, дѣло 3.

²⁴⁰) См. у о. Н. Д. Извъкова, Историческій очеркъ состоянія Православной Церкви въ Литовской епархіи съ 1839—1889 г., стр. 237.

²⁴¹) О. Г. И. Шавельскій, Последнее воссоединеніе съ православною церковію уніатовъ Вѣлорусской епархіи, стр. 25.

нѣе непокорная во всемъ своемъ священнослужительствѣ ²⁴²) и послушная вліятельной католической агитаціи въ подрывъ всякихъ православныхъ обновленій въ уніатскомъ церковномъ укладѣ ²⁴³). Въ уніатскомъ духовенствѣ не было единодушія ²⁴⁴), однако многіе противились воссоединенію ²⁴⁵) и упорствовали ²⁴⁶), какихъ часто бывало большинство ²⁴⁷), подавали вызывающія петиціи ²⁴⁸), препятствовали совмѣстнымъ служеніямъ ²⁴⁹) и т. п. Естественнo, что, въ виду всего этого, не всѣ могли надѣяться на истинное воссоединеніе, и оно совершилось особымъ путемъ. Брались отъ духовныхъ лицъ воссоединительныя подписки, которыя—въ случаѣ искренности—должны были означать «уже конецъ уніи» ²⁵⁰), но въ томъ все и дѣло, что лучшіе изъ уніатскихъ духовныхъ вовсе не соглашались на таковыя ²⁵¹), а большинство другихъ, не усвоивъ православія ²⁵²), дали ихъ лишь формально и даже съ твердымъ намѣреніемъ не исполнять ²⁵³). Приходилось собирать эти заявленія нѣсколько нагнетательнымъ способомъ, и—въ результатѣ всего—подобныя подписки не рѣдко были совсѣмъ недобровольными ²⁵⁴), при чемъ авторы ихъ иногда снова воз-

²⁴²) О. Г. И. Шавельскій, Последнее воссоединеніе, стр. 305.

²⁴³) Еще въ 60-хъ годахъ XIX ст. Житомирскій епископъ Каспаръ Боровскій раздавалъ наставленіе ксендзамъ, чтобы не вводить добавочнаго богослуженія на русскомъ языкѣ, уча, какъ это дѣлать при благовидныхъ предлогахъ: см. у ꙗ митр. *Леонтія*, Мои замѣтки и воспоминанія въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ 1914 г., № 1, стр. 153. Ср. и у *М. П. Кобриня*, Краткій историческій очеркъ колонизаціи западно-рускаго края и ея слѣдствій для Холмской Руси (Варшава 1902), стр. 15 сл.

²⁴⁴) О. Г. И. Шавельскій, Последнее воссоединеніе съ православною церковію уніатовъ Бѣлорусской епархіи, стр. 293, 1.

²⁴⁵) О. Г. И. Шавельскій *ibid.*, стр. 217, 224, 250, 254, 259, 264, 265, 297.

²⁴⁶) О. Г. И. Шавельскій *ibid.*, стр. 243 сл.

²⁴⁷) О. Р. И. Шавельскій *ibid.*, стр. 303 о Полоцкомъ, Лепельскомъ, Дриссенскомъ и Себежскомъ уѣздахъ.

²⁴⁸) О. Г. И. Шавельскій *ibid.*, стр. 278, 281 сл.

²⁴⁹) О. Г. И. Шавельскій *ibid.*, стр. 265 сл., 337, 345.

²⁵⁰) Прот. М. К. Бобровскій въ письмѣ къ Виктору Босацкому отъ 21 января 1831 г. у проф. *Пл. Н. Жуковича* въ „Христіанскомъ Читеніи“ 1897 г., № 12, стр. 774.

²⁵¹) Такъ поступилъ сначала и самъ ꙗ прот. М. К. Бобровскій, о чемъ см. у *Г. Я. Киприановича*, Жизнь Іосифа Сѣмашки, стр. 154.

²⁵²) См. у о. *Н. Д. Извъкова*, Историческій очеркъ состоянія Православной Церкви въ Литовской епархіи съ 1839—1889 г., стр. 121.

²⁵³) О. *Н. Д. Извъкова* *ibid.*, стр. 239.

²⁵⁴) *Г. Я. Киприановича*, Жизнь Іосифа Сѣмашки, стр. 127, 157, 169.

врашались въ унию и становились злѣйшими врагами православія ²⁵⁵), а раскаявшіеся въ своемъ упорствѣ опять отпали въ униатство ²⁵⁶). Въ этихъ документахъ чуть ли не преобладали подписки вынужденныя ²⁵⁷), фальшивыя ²⁵⁸), неискреннія ²⁵⁹), которыя Василій Лузнинскій собиралъ то съ бокалами шампанскаго ²⁶⁰), то посредствомъ запугиванія ²⁶¹). Даже Михаила Голубовича, послѣ архіепископа Минскаго († 6 марта 1881 г.), Сѣмашко привлекъ къ сему чрезъ «воздѣйствіе» графа М. Н. Муравьева ²⁶²). Такими способами не трудно было набрать бумажныхъ сторонниковъ воссоединенія среди униатскихъ священниковъ, которые умѣли держать себя «по вѣтру» и измѣняться соотвѣтственно ему ²⁶³). За-то прочность этихъ обращеній была поистинѣ вѣтряная. — и Сѣмашко даже боялся, что высланные униатскіе іереи останутся непреклонными, если имъ назначить даже по 300 руб. въ годъ ²⁶⁴). И когда Скрипицынъ 14 марта 1839 г. рапортовалъ о непослушныхъ, что теперь «всѣ, кажется, покорны и *убѣждены* въ необходимости повиноваться» ²⁶⁵), то онъ разумѣлъ аргументы совершенно реальныя и ощутительныя ²⁶⁶)... Народъ подражалъ лишь своимъ господамъ ²⁶⁷), а фактически крестьяне въ 1839 г. были равнодушны къ обрядамъ религіи

²⁵⁵) См. о благочинномъ Стефанѣ Плецинскомъ у о. *Г. И. Шавельскаго*, Последнее воссоединеніе съ православною церковію униатовъ Бѣлорусской епархіи, стр. 286, 289, 1.

²⁵⁶) *О. Г. И. Шавельскій* *ibid.*, стр. 318.

²⁵⁷) † М. К. Бобровскій у проф. *Пл. Н. Жуковича* въ „Христіанскомъ Читеніи“ 1907 г., № 12, стр. 774.

²⁵⁸) *О. Г. И. Шавельскій*, Последнее воссоединеніе съ православною церковію униатовъ Бѣлорусской епархіи, стр. 263.

²⁵⁹) *О. Г. И. Шавельскій* *ibid.*, стр. 82 сл., 193.

²⁶⁰) *О. Г. И. Шавельскій* *ibid.*, стр. 81.

²⁶¹) *О. Г. И. Шавельскій* *ibid.*, стр. 280.

²⁶²) См. его Записки въ „Русской Старинѣ“ XIII (1882 г.), кн. XII, стр. 631.

²⁶³) *О. Г. И. Шавельскій*, Последнее воссоединеніе съ православною церковію униатовъ Бѣлорусской епархіи, стр. 322.

²⁶⁴) *О. Г. И. Шавельскій* *ibid.*, стр. 290.

²⁶⁵) *О. Г. И. Шавельскій* *ibid.*, стр. 317.

²⁶⁶) Ср. у *Г. Я. Киріановича*, Жизнь Іосифа Сѣмашки, стр. 169.

²⁶⁷) Напр., Дольскіе униаты помѣщика Шишко говорили насчетъ вѣры, что они—„какъ баринъ“: см. въ Витебскомъ Губернскомъ Архивѣ 1833 г., связка 21, дѣло 51.

и просто слѣдовали за старшими ²⁶⁸), формально причислялись за массовымъ воссоединеніемъ ²⁶⁹). Последнее было совершено тогда какъ бы помимо участія народа и даже при скрывапіи отъ него факта воссоединенія ²⁷⁰), почему въ большинствѣ онъ уходилъ въ католичество ²⁷¹) и позднѣе привлекался обѣщаніями выгодъ ²⁷²). Понятно, что здѣсь не было желательной эволюціи умовъ и сердець ²⁷³). Уніатскіе священники съ одинаковымъ безразличіемъ служили поуніатски, покатолически и поправославному ²⁷⁴), не рѣдко тяготѣли къ прошлому и ложно распространяли, что есть указъ уходить обратно въ унію ²⁷⁵). Настоящаго воссоединенія вовсе еще не произошло ²⁷⁶), и— по словамъ Смарагда ²⁷⁷)— «для ближайшаго на самомъ дѣлѣ общенія и сліянія воедино прихожанъ обоихъ паствъ требовалось дальнѣйшее время и сообразныя съ обстоятельствами распоряженія». Еще къ 1864 г. въ Могилевской епархіи изъ обращенныхъ уніатскихъ священниковъ «нѣкоторые, хотя не многіе, очень мало измѣнились по воссоединеніи», даже «не искали измѣненія по правиламъ и обычаямъ православной церкви», при чемъ въ этой категоріи оказались и два благочинныхъ, вызывавшихъ вопросъ: «какое же они могли имѣть вліяніе на преобразование подчиненныхъ?» ²⁷⁸). Наряду съ

²⁶⁸) Такъ свидѣтельствовалъ адъютантъ генераль-губернатора П. Н. Дьякова ротмистръ Гамалѣя: см. у о. Г. И. Шавельскаго, Последнее воссоединеніе съ православною церковію уніатовъ Бѣлорусской епархіи, стр. 327. Ср. ниже стр. 627, ²⁸⁰.

²⁶⁹) Ср. у Г. Я. Киприановича, Жизнь Іосифа Сѣмашки, стр. 212.

²⁷⁰) См. у о. Н. Д. Извъкова, Историческій очеркъ состоянія Православной Церкви въ Литовской епархіи съ 1839—1889 г., стр. 260—261.

²⁷¹) О. Н. Д. Извъковъ *ibid.*, стр. 261.

²⁷²) О. Н. Д. Извъковъ *ibid.*, стр. 283.

²⁷³) О. Г. И. Шавельскій, Последнее воссоединеніе, стр. 357.

²⁷⁴) См. въ Витебскомъ Губернскомъ Архивѣ 1834 г., связка 10, дѣло 128, л. 1—20.

²⁷⁵) См. объ уніатскомъ священникѣ Григоровичѣ *ibid.* 1833 г., св. 21, л. 56, л. 1—39. О распространеніи подобныхъ— даже фантастическихъ—слуховъ въ позднѣйшее время см. у митр. Леонтія въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ 1914 г., № 3, стр. 554.

²⁷⁶) О. Г. И. Шавельскій, Последнее воссоединеніе, стр. 345 сл.

²⁷⁷) См. у о. Г. И. Шавельскаго *ibid.*, стр. 358.

²⁷⁸) См. письмо Евсевія (Орлинскаго), архіеп. Могилевскаго, къ епископу Внсейскому Никодиму отъ 3 декабря 1864 г. въ „Странникѣ“ 1913 г., № 7—8, стр. 24.

упорствовавшими монастырями ²⁷⁹⁾ — и миряне отказывались от исповѣди у православныхъ ²⁸⁰⁾. Возсоединенные были въ положеніи старыхъ враговъ ²⁸¹⁾, — и если на преосвящ. Исидора (Никольскаго) нарекали за пристрастіе къ возсоединеннымъ, то въ Полоцкѣ древлеправославные боязливо чуждались Василя ²⁸²⁾. Неудивительно, что въ Полоцкой епархіи перевоспитаніе бывшаго униатскаго народа не закончено доселѣ ²⁸³⁾, и православные его члены сохраняютъ тамъ много католическихъ особенностей ²⁸⁴⁾ по «консерватизму прежнихъ обрядовыхъ привычекъ» ²⁸⁵⁾ и, хотя бы, «безсознательно тяготѣютъ къ католичеству ради громозвучнаго органа, легкихъ постовъ и возможности вступать въ браки въ близкихъ степеняхъ родства, возбраняемыхъ православными канонами» ²⁸⁶⁾.

Предшествующія замѣчанія свидѣтельствуютъ, что возсоединительное предпріятіе по плану Сѣмашки представлялось довольно безнадежнымъ и могло обѣщать уснѣхъ развѣ лишь въ столь отдаленномъ будущемъ, что должно было погибнуть въ самомъ процессѣ. Для посторонняго наблюдателя, не посвященнаго вовсе въ расчеты тонкой политики Юсифа, подобный взглядъ являлся вполне обоснованнымъ. И Смарагдъ тѣмъ болѣе въ правѣ былъ относиться подозрительно къ такому *modus agendi*, что и помѣщики-католики одобряли именно планъ общаго присо-

²⁷⁹⁾ См. у о. Г. И. Шавельскаго, Последнее возсоединеніе съ православною церковію униатовъ Бѣлорусской епархіи, стр. 353.

²⁸⁰⁾ См. у о. Г. И. Шавельскаго *ibid.*, стр. 352. О Могилевской епархіи въ 1839 г. см. у Смарагда выше „Христ. Чтеніе“ 1912 г., № 6, стр. 657, 12.

²⁸¹⁾ См. у о. Г. И. Шавельскаго, Последнее возсоединеніе съ православною церковію униатовъ Бѣлорусской епархіи, стр. 361.

²⁸²⁾ См. у о. Г. И. Шавельскаго *ibid.*, стр. 362.

²⁸³⁾ См. у о. Г. И. Шавельскаго *ibid.*, стр. 369.

²⁸⁴⁾ См., напр., у свящ. Владиміра Сорочинскаго въ „Полоцкихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ 1902 г., № 4, стр. 136—137.

²⁸⁵⁾ См. у Н. А. Логанова, Униатскія дѣла въ воспоминаніяхъ А. Ф. Кови и въ дѣйствительности, стр. 14.

²⁸⁶⁾ Такъ свидѣтельствовалъ преосвящ. Полоцкій (нынѣ архіеп. Иркутскій) *Серафимъ* (Мещеряковъ) въ своемъ чтеніи о „религіозно-нравственномъ состояніи Полоцкой епархіи за 1909 годъ“ (на торжественномъ собраніи Братствъ Сѣверо-Западнаго края въ день положенія св. мощей преподобной Евфросиніи, княгини Полоцкой) въ залѣ Спасо-Евфросиніевскаго женскаго училища: см. „Витебскія Губернскія Вѣдомости“ № 119 за 1910 г.

единенія, полагаая, что дѣло затянется и повернется обратно или сведется на нѣтъ ²⁸⁷). Значить, Смарагдъ не примыкалъ практически къ униатскимъ возсоединителямъ по своему песимистическому взгляду на униатство, какъ неспособное возродиться собственными силами, а для сего у него было достаточно прочныхъ резоновъ ²⁸⁸) — во всякомъ случаѣ не меньше, чѣмъ у непосредственнаго преемника, преосвящ. Исидора (Никольскаго), который 2 декабря 1837 г. писалъ графу Н. А. Пратасову слѣдующее: «Поляки заботятся не о вѣрѣ, а о самобытности, коей благопріятствуетъ католицизмъ. Изъ крестьянъ ихъ можно сдѣлать и православныхъ и лютеранъ, ежели захочетъ помѣщикъ... Духовенство униатское—рабы помѣщиковъ и своей мысли не имѣють, развѣ стричь овецъ и одѣваться, въ чемъ помѣщики усердно имъ помогаютъ» ²⁸⁹.

Ясно теперъ, что Смарагдъ не могъ браться за осуществленіе неизвѣстныхъ ему проектовъ, которые фактически казались сомнительными въ своей ближайшей пригодности. Между тѣмъ по самому званію и порученію онъ долженъ былъ вести возсоединительную работу, а здѣсь по совокупности условій все направляло къ поддержанію и развитію частныхъ обращеній. За это говорила вся историческая и современная практика, примѣнявшая и одобрявшая такой методъ ²⁹⁰).

²⁸⁷) См. письмо преосвящ. Исидора (Никольскаго) графу Н. А. Пратасову отъ 2 декабря 1837 г. у о. *Г. И. Шавельскаго*, Последнее возсоединеніе съ православною церковію униатовъ Бѣлорусской епархіи, стр. 47.

²⁸⁸) Къ этому же склоняли и наблюденія относительно Бѣлорусской греко-униатской семинаріи, о чемъ см. у о. *Г. И. Шавельскаго* *ibid.*, стр. 155 и у *Д. И. Довгялло*, Витебская Духовная Семинарія (1806 г. 16/XII 1906 г.); Замѣтки и воспоминанія (Витебскъ 1907), стр. 13 сл. (также въ „Полоцкихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ“ 1903 г., № 15, стр. 505 сл.).

²⁸⁹) См. у о. *Г. И. Шавельскаго*, Последнее возсоединеніе съ православною церковію униатовъ Бѣлорусской епархіи, стр. 47.

²⁹⁰) † Графъ *Д. А. Толстой* въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, ч. CXLV (1869 г.), № 9, стр. 9: „съ 1832 года начались въ Бѣлоруссіи частныя присоединенія униатовъ, производившіяся по указаніямъ тамошнихъ православныхъ архіереевъ совокупными дѣйствіями духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Высшее правительство не дѣлало по этому предмету никакихъ общихъ распоряженій, не его иниціативой они были вызваны; министерство имъ не противодѣйствовало, даже иногда было довольно, но не больше“. *Ibid.*, стр. 16, что за частныя присоединенія былъ и Иннокентій (Сельво-Криповъ) Волынской († 25 апрѣля

который находилъ для себя опору, конечно, и въ правительственныхъ инструкціяхъ. Полоцкая епархія открыта была (30 апрѣля 1833 г.) безъ надлежащей подготовки, но очевидная цѣль ея заключалась въ насажденіи православія за счетъ униатства. Въ этомъ смыслѣ Смарагдъ былъ освѣдомленъ при Высочайшей напутственной аудіенціи ²⁹¹⁾, гдѣ получилъ полномочіе «дѣйствовать рѣшительно» ²⁹²⁾. Если потомъ и были нѣкоторыя колебанія, все-же не имѣлось категорически выраженнаго «Высочайшаго неудовольствія» ²⁹³⁾. Св. Синодъ поддерживалъ и поощрялъ Смарагда ²⁹⁴⁾, который находилъ себѣ одобреніе и у самыхъ вліятельныхъ лицъ, каковы оберъ-

1840 г.)—подобно преосвященнымъ Полоцкому и Минскому, но тоже несомнѣнно для Могилевскаго края, откуда архіеп. Гавріилъ писалъ въ 1836 г., что „здѣсь обращеніе иновѣрцевъ, особенно униатовъ, при помощи Божіей, совершается довольно успѣшно, хотя въ меньшемъ количествѣ, нежели въ Полоцкой епархіи“, а экзархъ Грузіи Евгеній Важановъ († 6 іюля 1862 г.) встрѣчалъ всѣ такія извѣстія объ униатскихъ обращеніяхъ въ Минской, Витебской и Могилевской губерніямъ съ самымъ сердечнымъ восторгомъ: см. у *Г. Я. Кипріановича*, Жизнь Іосифа Съмашки, стр. ²108, 134—135.

²⁹¹⁾ См. упоминаніе о ней и въ письмѣ *Смарагда* кн. Н. Н. Хованскому отъ 2 іюня 1833 г. въ Витебскомъ Губернскомъ Архивѣ 1833 г., связка 13, дѣло 52.

²⁹²⁾ *Смарагдъ* будто бы говорилъ И. С. Жиркевичу: „я удостоился такой чести и милости, которую государь не вѣзмъ архіереямъ оказывать; предъ отправленіемъ моимъ въ епархію (Полоцкую), призвавъ меня, онъ приказалъ мнѣ дѣйствовать рѣшительно, объявивъ мнѣ на словахъ, что въ Полоцкѣ я буду совершенный господинъ и владыка“. См. въ „Русской Старинѣ“ 1890 г., т. LXVII. августъ, стр. 246.

²⁹³⁾ См. письмо Смарагда архимандриту Платону (Рудинскому), настоятелю Виленскаго Свято-Духова монастыря, отъ 9 августа 1836 г. у *Г. Я. Кипріановича*, Жизнь Іосифа Съмашки, стр. ²136: „Высочайшаго неудовольствія я никакого ни изъ чего не замѣтилъ, не вижу и не знаю. И откуда взялъ вашъ князь Долгоруковъ (Виленскій генераль-губернаторъ: см. выше № 4, стр. 477,¹⁰) разглашать такое неудовольствіе—вовсе я не знаю. Скажите ему при случаѣ, что униатовъ мы обращаемъ и обращать, по возможности, не перестанемъ“.

²⁹⁴⁾ См. у о. *Г. И. Шавельскаго*, Последнее воссоединеніе съ православною церковію униатовъ Бѣлорусской епархіи, стр. 238: „Синодъ и оберъ-прокуроръ держались того же, что и Смарагдъ, мнѣнія о цѣлесообразности частныхъ присоединеній и успѣвали убѣдить въ этомъ Государя, а Блюдовъ почему-то не употребилъ всѣхъ усилій, чтобы доказать обратное и отстоять свой (?) планъ. Синодъ поддерживалъ пр. Смарагда въ не всегда говорившей въ его пользу борьбѣ съ униатскими епископами“.

прокуроръ С. Д. Нечаевъ. митр. Филаретъ ²⁹⁵) и др. А когда высказывалось болѣе опредѣленное требованіе касательно пріостановки, — Смарагдъ не обнаруживалъ упорства и подчинялся ²⁹⁶). Наряду съ этимъ, нигдѣ не усматривалось иного законченнаго плана, огражденнаго теоретическою стройностію и практическою приспособленностію. ибо — при отсутствіи «единосистемія» — царило «безсистеміе» ²⁹⁷). Исторически даже неизбѣжно, что Смарагдъ избралъ курсъ частныхъ обращеній и находилъ всѣ данныя считать и провозглашать его наиболѣе плодотворнымъ. Ему естественно «казалось, что этотъ способъ присоединенія, по причинѣ своей рѣшительности, есть самый надежный, хотя, безъ сомнѣнія, имѣетъ свои невыгоды и влечетъ за собою немалыя клеветы со стороны поляковъ и католиковъ» ²⁹⁸).

Въ общемъ итогѣ, политика Смарагда въ униатскомъ вопросѣ является исторически понятною и достаточно оправданою. Остается разсмотрѣть относительно ея нѣкоторыя частныя недоумѣнія и возраженія. Говорятъ, что Смарагдъ слиш-

²⁹⁵) См. и у † проф. *И. Н. Корсунскаго* въ „Прибавленіяхъ къ Твореніямъ св. отцевъ“ ч. XLIV (1889 г.), стр. 119 сл. Этотъ авторъ заявляетъ (стр. 124), будто митр. Филаретъ давалъ Смарагду предупредяющій „тонкій намекъ на его торопливость“ въ дѣлѣ частныхъ присоединеній, но и тогда и теперь трудно усмотрѣть это въ словахъ перваго второму отъ 11 сентября 1833 г.: „вы исполняете ваше назначеніе скорѣе, нежели ожидать можно было“ (см. „Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія“ 1870 г., кн. XII, стр. 28); тутъ видно больше похвалы и поощренія, а никакъ не упрековъ или предостереженій. Вѣдь даже 5 февраля 1838 г. митр. Филаретъ писалъ Смарагду (*ibid.*, стр. 34): „Но и тѣ, о мнѣніи которыхъ вы сомнѣваетесь, отдають справедливость тому, что вы много пріобрѣли Церкви въ Полоцкой епархіи. Дѣло сіе само о себѣ говоритъ. Мнѣ кажется, надобно взять въ разсужденіе Вамъ то, что въ Полоцкѣ стали заботливѣе теперь, именно о томъ, чтобы дѣло Вами сдѣланное не стало повреждаться. Теперь же, что сдѣлано, то принадлежитъ Вамъ неотъемлемо; а забота и отвѣтственность о сохраненіи сдѣланнаго уже не на васъ лежитъ. Успѣхъ системы, которую такъ исключительно волюбилн нѣкоторые, находится еще впереди“...

²⁹⁶) Такъ, за всѣ полтора года послѣ февраля 1836 г. Смарагдъ присоединилъ только одинъ Дворецкій приходъ въ 229 человекъ: см. у о. *Г. И. Шавельскаго*, Последнее возсоединеніе съ православною церковію униатовъ Бѣлорусской епархіи, стр. 191.

²⁹⁷) См. у † графа *Д. А. Толстого* въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“, ч. CXLV (1869 г.), № 9, стр. 20, 13.

²⁹⁸) См. у о. *Г. И. Шавельскаго*, Последнее возсоединеніе съ православною церковію униатовъ Бѣлорусской епархіи, стр. 39.

комъ легкомысленно думаль и убѣждалъ другихъ, будто чуть не всѣхъ униатовъ можно обратить просто и скоро ²⁹⁹). Но у него разумѣлись собственно народныя массы съ отстраненіемъ католиковъ—помѣщиковъ и упорствовавшего или бравнировавшего униатскаго духовенства, для котораго онъ не закрываль дверей католичества, хотя едва ли желаль этого и направляль туда ³⁰⁰). А о народѣ безспорно, что онъ—даже по своему интерконфессиональному безразличію—способенъ былъ поддаться общему воссоединительному захвату. Не даромъ сами антагонисты Смарагдовой дѣятельности свидѣтельствуя, что безъ возбужденій и подтускиваній униатскихъ іереевъ и пановъ воссоединеніе крестьянъ вездѣ могло бы совершаться по одному слову ³⁰¹), грубо рассуждая въ лицѣ И. С. Жиркевича, что «витебскій крестьянинъ—не человекъ. Онъ ни чувствъ, ни религіи не имѣеть. Слушаетъ всякаго, кто предъ его глазами. Ксендзь, чиновникъ, помѣщикъ, дѣйствуютъ имъ, какъ машиною... и въ теперешнемъ положеніи крестьянина, прикажи ему не только перейти въ православіе, но и въ магометанство, онъ и это безпрекословно сдѣлаеть, и опомнится въ новомъ законѣ только тогда, когда его накормятъ. Не было примѣровъ, чтобы занимались религіозными вопросами, когда въ животѣ вмѣсто хлѣба—древесная кора и мохъ, какъ у витебскаго крестьянина. Накормятъ его,—и онъ сочтеть это благимъ послѣдствіемъ перемѣны и навсегда подчинится оной». И Жиркевичъ «не зналь и не понималь, что такъ много церемонятся съ пими», предполагая докончить присоединеніе униатовъ «всѣхъ вдругъ, однимъ разомъ и рѣшительно безъ всякихъ колебаній» ³⁰²). Населеніе часто было вполне готово для православія ³⁰³) и пуждалось лишь въ малѣйшемъ начальственномъ распоряженіи или краткомъ вразумительномъ распоряженіи священника, чтобы без-

²⁹⁹) См. у о. Г. И. Шавельскаго, Последнее воссоединеніе съ православною церковію униатовъ Бѣлорусской епархіи, стр. 95.

³⁰⁰) См. у о. Г. И. Шавельскаго *ibid.*, стр. 133, но тутъ Іосифъ Съмашко усвоеть крайнія свои толкованія Смарагду, который никогда не поддерживаль слуховъ, что всѣ упорные униаты получаютъ свободное разрѣшеніе на католичество. Это совсѣмъ неестественно, ибо подрывало всѣ расчеты Смарагдовой политики въ самомъ зачаткѣ...

³⁰¹) См. у о. Г. И. Шавельскаго *ibid.*, стр. 39.

³⁰²) См. въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1892 г., № 4, стр. 151—152. Ср. выше стр. 365, 268.

³⁰³) См. у о. Г. И. Шавельскаго, Последнее воссоединеніе, стр. 38.

прекословно повиноваться ³⁰⁴⁾ твердому приказу ³⁰⁵⁾. Тутъ мнительная осторожность только путала дѣло. Напротивъ, казалось, что «еслибъ объявлено было, что одинажды послѣдовавшее присоединеніе есть твердо, что прежніе разнесенные слухи о присоединеніи ихъ (обращенныхъ) паки къ униі— нелѣпы, и что никто не можетъ на то надѣяться, то можно было бы ожидать возстановленія совершеннаго по сей части спокойствія» ³⁰⁶⁾. Вѣдь «съ несчастнымъ бѣлоруссомъ въ концѣ-концовъ можно было сдѣлать все, что угодно, и подчинить какому угодно правленію. Вся его національная самобытность, всѣ его надежды и упованія, защита и утѣшеніе въ земной, скорбной юдоли сосредоточивались около убогой деревенской церкви, гдѣ еще теплился свѣтильничекъ православія» ³⁰⁷⁾. Въ такомъ случаѣ нуженъ былъ именно рѣшительный взмахъ ³⁰⁸⁾, а за это всегда ратовалъ Смарагдъ всѣми способами, думая окончательно поколебать и даже сокрушить все униатство. И его расчеты были тѣмъ законнѣе и основательнѣе, что по «всей совокупности наличныхъ условій тогдашней русской государственной и національной жизни» польская униа была «страннымъ анахронизмомъ» ³⁰⁹⁾. Вопреку сему, воссоединеніе представлялось и нормальнымъ и неизбѣжнымъ, какъ подготовленное всѣмъ предшествующимъ ходомъ событій. Уже «возвращеніе сѣверо-западной нашей окраины при Императрицѣ Екатеринѣ II подъ скипетръ русскихъ государей дало сильный толчекъ православному направленію въ униі» и вызвало значительныя обращенія ³¹⁰⁾, которыя развивались по всей Бѣлоруссіи, не смотря на отсут-

³⁰⁴⁾ Таково было мнѣніе Скрипицына; см. у о. Г. И. Шавельскаго, Послѣднее воссоединеніе съ православною церковію униатовъ Бѣлорусской епархіи, стр. 277.

³⁰⁵⁾ См. у о. Г. И. Шавельскаго *ibid.*, стр. 322.

³⁰⁶⁾ См. у Д. И. Довгялло, Лепель, уѣздный городъ Витебской губерніи (Витебскъ 1905), стр. 59—60.

³⁰⁷⁾ См. у К. А. Военскаго, Акты, документы и матеріалы для политической и бытовой исторіи 1812 года, т. III въ „Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“ т. СXXXIX (Спб. 1912), стр. XVI.

³⁰⁸⁾ См. у Г. И. Шавельскаго, Послѣднее воссоединеніе, стр. 278.

³⁰⁹⁾ См. у проф. П. Н. Жуковича, Объ основаніи и устройствѣ главной духовной семинаріи при Виленскомъ университетѣ (1803—1832 г.г.) въ „Христіанскомъ Читеніи“ 1887 г., № 3—4, стр. 277.

³¹⁰⁾ См. у † Ю. Ѳ. Крачковскаго, Отзывъ о сочиненіи пресвитера Иавѣкова, стр. 5.

ствіе планоуѣрности и неуѣлоусть или антагонизмъ мѣстныхъ властей ³¹¹). Церковная жизнь уніатовъ преемственно и неуклонно должна была устремляться въ сторону православія, почему и «въ эпоху возсоединенія она текла не по новому руслу, искусственно для нея созданному дѣятелями возсоединенія, а по прежнему, только расширенному и очищенному отъ камней, препятствовавшихъ теченію» ³¹²). И если Смарагдъ направлялъ туда всѣ чистыя ручейки, то не было ли это исторически натуральнымъ и благотворнымъ?

Подчеркиваютъ еще, что Полоцкій владыка дѣйствовалъ случайно, безъ принципиальной обдуманности и уже этимъ самымъ вносить нѣкоторую сумбуурность въ планоуѣрную работу другихъ, отвергая всѣ попытки обратить его на истинный путь ³¹³). Онъ просто бралъ наскокомъ, намѣчая заранѣе извѣстные приходы къ присоединенію ³¹⁴) и пуская въ ходъ всякія средства, не исключая водки ³¹⁵). Оставимъ частности, близкія къ инсинуаціямъ. Не доказано здѣсь самое главное и, конечно, потому, что фактически было совсѣмъ иначе. Мы видѣли, что у Смарагда были опредѣленные руководящія начала съ ясно поставленною цѣлю, которую предполагалось осуществлять послѣдовательно и энергично. Въ этомъ смыслѣ не разъ испрашивались имъ общія правительственныя распоряженія, чтобы водворить легализованную упорядоченность. Сверху слышались на это одни отказы или разнорѣчивые отвѣты, но тѣмъ не менѣе Смарагдъ стремился къ отчетливости и помогаль установкѣ направляющихъ точекъ зрѣнія. Несомнѣнно, что онъ—хотя бы косвенно—способствовалъ выработкѣ мыслей и совѣтовъ для руководства по возсоединенію уніатовъ въ первоначальной редакціи 1834 г. митр. Филарета ³¹⁶), не столь сильно измѣненной по суще-

³¹¹) Ср. у проф. *И. М. Покровскаго*, Русскія епархіи въ XVI—XIX вв., ихъ открытіе, составъ и предѣлы, т. II (XVIII-й вѣкъ), Казань 1913, стр. 777 слл.

³¹²) См. у *Л. Ѳ. Свидерскаго* въ рѣчи предъ защитоу магистерской диссертации объ Иоаннѣ Красовскомъ въ „Христіанскомъ Читеніи“ 1913 г. № 12, стр. 1489.

³¹³) См. у о. *Г. И. Шавельскаго*, Послѣднее возсоединеніе съ православною церковію уніатовъ Бѣлорусской епархіи, стр. 238.

³¹⁴) См. у о. *Г. И. Шавельскаго* *ibid.*, стр. 101.

³¹⁵) См. у о. *Г. И. Шавельскаго* *ibid.*, стр. 102.

³¹⁶) См. Мнѣнія, отзывы и письма *Филарета*, Митрополита Московскаго и Коломенскаго, по разнымъ вопросамъ за 1821—1867 гг., собран-

ству къ 13 апрѣля 1835 ³¹⁷). Воля Государя была такова, чтобы «дѣйствовать осторожно, неторопливо, но съ должною твердостью», а графъ Блудовъ рекомендовалъ «сначала склонять постепенно духовенство униатское и потомъ чрезъ оное покорять умы прихожанъ для воспріятія чистаго православія». Въ свою очередь митр. Филаретъ желалъ, чтобы миролюбивая уступчивость не обращалась во вредъ православія, и начертывалъ такой *modus agendi*. «Труднѣе воссоединеніе Униатскаго Духовенства, нежели мірянъ: но за то цѣльное воссоединеніе Духовенства и мірянъ было бы рѣшительнѣе, потому что сдѣлало бы охранителями единства тѣхъ, которые, оставаясь внѣ воссоединенія, имѣютъ всѣ побужденія колебать и отвлекать воссоединенныхъ. Посему не должно пренебрегать частныхъ присоединеній къ Православной Церкви: но также должно, съ молитвою и упованіемъ на Бога, помышлять о воссоединеніи общемъ». При этомъ совѣтовалось внушать, что «прежнія выгоды останутся ненарушими и по присоединенія» и что «Православное Духовное Начальство... не будетъ принудительно требовать перемѣны привычекъ, нравственности не противныхъ, хотя впрочемъ для новопосвящаемыхъ, вѣроятно, предпочтено будетъ правило единообразія съ обычаемъ господствующимъ» ³¹⁸). Митр. Филаретъ собственно примиряетъ два теченія, наклоняя рѣшеніе въ сторону Смарагдовой практики, по сравненію съ которой другой методъ и послѣ казался ему не безспорнымъ ³¹⁹). Идти отъ частнаго къ общему—вотъ принципъ, одинаково принимавшійся обоими іерархами. И разъ у митр. Филарета этимъ обезпечивалась систематичность, мы должны признать ее и у Смарагда. Второй не менѣе перваго искалъ планомѣрности и почитался сторонникомъ ея, коль скоро Оберъ-Прокуроръ С. Д. Нечаевъ 10 апрѣля 1834 г. секретнѣйше просилъ его высказаться откровенно по вопросу объ обращеніи униатовъ, не

ныя и снабженныя пояснительными примѣчаніями Л. Кл. Бродскимъ (Москва 1905), стр. 22 сл.

³¹⁷) См. о семъ у о. Г. И. Шавельскаго, Последнее воссоединеніе съ православною церковію униатовъ Вѣлорусской епархіи, стр. 164 сл.

³¹⁸) См. Мнѣнія, отзывы и письма митроп. Филарета у Л. Кл. Бродскаго, стр. 25, 27, 29.

³¹⁹) См. выше на стр. 629, 295.

слѣдуетъ ли подготовить однѣ общія мѣры повесмѣстно ³²⁰). Отвѣта не сохранилось, но по всѣмъ даннымъ ясно, что Смарагдъ старался своими частными успѣхами способствовать окончательному торжеству и въ этомъ отношеніи держалъ курсъ на встрѣчу Сѣмашкѣ. Если оба они въ свое время не умѣли постигнуть этого и солидарно объединиться, то намъ уже вполне непозволительно защищать, будто у нихъ были взаимно исключаяющія системы ³²¹), и будто Смарагдова политика «шла въ разрѣзъ съ принятымъ (?!) планомъ воссоединенія» ³²²). Теоретически это невѣрно и фактически преувеличено. Имѣлось лишь замѣтное несходство на практикѣ, и едва ли во всѣхъ обостреніяхъ былъ виновенъ только Смарагдъ.

Последняго упрекаютъ, что онъ, не обращая вниманія на интересы уніатства, вызывалъ конфликты недовольства съ уніатскимъ духовенствомъ ³²³), сваливая на интриги послѣдняго всѣ свои бѣды ³²⁴) и грубо отталкивая его выживаніемъ изъ обращенныхъ приходоѡ, когда требовалось удерживать и привлекать ³²⁵). Въ своемъ уніатскомъ погромѣ Смарагдъ, яко бы, не хотѣлъ понять и примириться, что Василій Лузинскій не могъ оставлять уніатскія паствы безъ церквей и священниковъ ³²⁶). По контрасту выходитъ, что Смарагдъ какъ будто долженъ былъ всецѣло сообразоваться съ уніатствомъ и во всемъ нормироваться его нуждами... Достаточно констатировать этотъ скрытый, но неизбѣжный тезисъ, чтобы видѣть всю сомнительность даннаго взгляда. Фактически обстоятельства слагались съ неумолимостію, что кто-

³²⁰) См. дѣло Полоцкой Духовной Консистоіи 1834 г., № 7, стр. 1, гдѣ на отношеніи С. Д. Нечаева имѣется лишь помѣтка рукою Смарагда: „Получ. 17 апр. 1834 г.“.

³²¹) См. у о. Г. И. Шавельскаго, Последнее воссоединеніе съ православною церковію уніатовъ Бѣлорусской епархіи, стр. 110—111.

³²²) См. у о. Г. И. Шавельскаго *ibid.*, стр. 107. Ср. письмо Смарагда кн. Н. Н. Хованскому отъ 13 октября 1833 г. (въ Витебскомъ Губернскомъ Архивѣ 1833 г., связка 21, дѣло 48): „Сей часъ получилъ я извѣстіе, что Государь Императоръ крайне утѣшается присоединеніемъ уніатовъ, и что Синодъ и прочія Правительства никакихъ издержекъ не пожелаютъ на устройство приходоѡ“.

³²³) См. у о. Г. И. Шавельскаго, Последнее воссоединеніе съ православною церковію уніатовъ Бѣлорусской епархіи, стр. 103.

³²⁴) См. у о. Г. И. Шавельскаго *ibid.*, стр. 98.

³²⁵) См. у о. Г. И. Шавельскаго *ibid.*, стр. 133.

³²⁶) См. у о. Г. И. Шавельскаго *ibid.*, стр. 184.

нибудь изъ двухъ вынуждался жертвовать и уступать. Думаемъ, что это не было ни обязанностію, ни миссіею православнаго іерарха, а являлось повелительнымъ долгомъ для уніатскаго архіерея, посланнаго въ «пособники для дѣйствій Синода»³²⁷⁾... Пристрастно и то, будто Смарагдъ лишь отталкивалъ уніатскихъ іереевъ. Напротивъ, покорныхъ онъ охотно принималъ и устраивалъ, упорныхъ же устранялъ изъ воссоединенныхъ приходоу въполнѣ резонно, если они занимались тамъ агитаціею и совращеніями. Потребности уніатства, какъ независимаго отъ православія, не могли входить въ кругозоръ Смарагда и вызывать его сочувствіе къ тѣмъ, кто ихъ патронировалъ. И поскольку эта черта предполагалась у Василя, — Смарагдъ оказывалъ ему оппозицію по принципиальнымъ мотивамъ. Но возражаютъ, что ничего подобнаго не было, ибо не существовало фактическихъ поводовъ для столкновенія, между тѣмъ съ преувеличенностію расписывается великая архіерейская смута³²⁸⁾ съ мятежомъ въ Полоцкомъ святительствѣ³²⁹⁾. Смарагдъ рисуется чуть не безпокойнымъ самодуромъ, тиранившимъ своего сотрудника³³⁰⁾, враждовавшимъ безъ всякихъ основаній и тѣмъ разстраивавшимъ православное воссоединеніе въ Бѣлорусскомъ краѣ. Эта сторона воссоединительной работы Смарагдовой освѣщается искусственно и комментируется пристрастно, а мы имѣемъ случай выяснитъ тутъ нѣкоторыя фактическія ея условія. Іосифъ Сѣмашко писалъ въ 1833 г. о Василя Лужинскомъ: «онъ дѣятеленъ, живетъ въ гармоніи съ преосв. Смарагдомъ и по своему характеру скорѣе обратитъ сердца грекоуніатскаго духовенства къ сему преосвященному»³³¹⁾. Въ этомъ направленіи Смарагдъ всегда поддерживалъ Василя съ готовностію³³²⁾ и нимало не обнаруживалъ какого-либо не-

³²⁷⁾ См. у *Г. Я. Киріановича*, Жизнь Іосифа Сѣмашки, стр. 2115.

³²⁸⁾ Такъ о *Г. И. Шавельскій*, Последнее воссоединеніе съ православною церковію уніатовъ Бѣлорусской епархіи, стр. 42.

³²⁹⁾ *О. Г. И. Шавельскій* *ibid.*, стр. 111.

³³⁰⁾ *И. С. Жиркевичъ* даже докладывалъ графу Д. Н. Блудову, будто «Смарагдъ только что не билъ Лужинскаго, а ругалъ и въ глаза, и за глаза нестерпимо», почему и рекомендовалось особо наградить Василя: см. въ «Историческомъ Вѣстникѣ» 1892 г., № 4, стр. 153.

³³¹⁾ Записки митр. *Іосифа Сѣмашки* I, стр. 656.

³³²⁾ *О. Г. И. Шавельскій*, Последнее воссоединеніе съ православною церковію уніатовъ Бѣлорусской епархіи, стр. 216, о томъ, что Смарагдъ просилъ кн. Н. Н. Хованскаго поддерживать Лужинскаго въ дѣлѣ устроенія иконостасовъ въ уніатскихъ церквахъ.

дружелюбія, почему не могъ измѣнять своего обращенія къ нему безъ достаточной причины. Однако заявляютъ, что «Лу-
жинскій никогда не ставилъ преградъ начинающимъ пр. Сма-
рагда и соглашался на всѣ его требованія, иногда крайнія,
относительно возсоединяемыхъ приходоѡ и уніатскаго духо-
веоства»³³³). Это категорическое сужденіе не покрываетъ
всѣхъ фактоѡ, среди которыхъ немало противныхъ ему. Въ
уніатскомъ лагерѣ вовсе не было такой миролюбивой послуш-
ности. Уніатская Консистерія со всѣми членами была на-
строена враждебно³³⁴), всегда защищала и поощряла уніат-
скихъ агитатороѡ³³⁵) и шла противъ Смарагда и даже Лу-
жинскаго³³⁶). Непокорные уніаты были убѣждены, что за
нихъ Консистерія и митр. Булгакъ³³⁷), о которомъ распро-
странялось, яко бы—по его указу—присоединенные оиѡть воз-
вращаются въ унію³³⁸). Уніатскіе іереи въ своемъ упорствѣ
ограждались авторитетомъ и разрѣшеніями Уніатской Конси-
стеріи³³⁹), въ виду оппозиціи и попустительства которой при-
ходилось «принимать сильнѣйшія мѣры къ достиженію цѣли
обращенія заблудшихъ», дабы показать вообще, что «не все-
гда-то можно профанировать намѣреніями правительства»³⁴⁰).
Лужинскій вовсе не являлся тутъ лишь индифферентнымъ зри-
телемъ или страдательною величиной. Помимо того, что онъ не
былъ энергиченъ въ обузданіи Консистеріи,—у него обнаружи-
валась и активная оппозиціонность. Извѣстно, что безмѣстные
и удаленные уніатскіе священники служили опаснымъ зломъ
смуты и противленія^{340а}), а Василій обыкновенно выгораживалъ,
рекомендуя ихъ людьми примѣрнѣйшаго поведенія и прекрас-
ныхъ правилъ³⁴¹). Безчинствовавшего и будировавшего Сели-
щенскаго уніатскаго іерея Яновича онъ не спасъ отъ заслу-

³³³) О. Г. И. Шавельскій, Последнее возсоединеніе съ православною церковію уніатовъ, Бѣлорусской епархіи, стр. 108.

³³⁴) О. Г. И. Шавельскій *ibid.*, стр. 202.

³³⁵) О. Г. И. Шавельскій *ibid.*, стр. 88.

³³⁶) О. Г. И. Шавельскій *ibid.*, стр. 108.

³³⁷) О. Г. И. Шавельскій *ibid.*, стр. 190.

³³⁸) О. Г. И. Шавельскій *ibid.*, стр. 186 сл. и стр. 206.

³³⁹) Такъ уніатскій свящ. Скорино въ с. Порѣчьѣ: см. въ Витебскомъ Губернскомъ Архивѣ 1837 г., связка 2, дѣло 149.

³⁴⁰) *Ibid.* 1833 г., св. 21, д. 61 въ письмѣ Смарагда кн. Н. Н. Хованскому отъ 18 декабря 1833 г.

^{340а}) Для позднѣйшаго времени ср. у † митр. Леонтія въ „Богослосскомъ Вѣстникѣ“ 1914 г., № 3, стр. 551.

³⁴¹) См. у о. Г. И. Шавельскаго, Последнее возсоединеніе, стр. 142.

женной эпитиміи, но своимъ вмѣшательствомъ далъ ему смѣлость отказаться отъ извиненія предъ прот. Ремезовымъ ³⁴²). Василій старался снова пристроить осужденныхъ и отрѣшенныхъ, какъ «добраго поведенія священниковъ» ³⁴³), и выдвигалъ въ настоятели челоуѣка (Іоанна Игнатовича), «извѣстнаго Смарагду по своей неблагонамѣренности въ отношеніи къ Православной Церкви» ³⁴⁴). Иногда Василій прямо мѣшалъ православному архіерею дѣйствовать чрезъ членовъ уніатскаго духовенства. Такъ. Юровичскій (Полоцкаго уѣзда) іерей Исидоръ Кнышевскій, изъявляя готовность на присоединеніе, предлагаетъ свои услуги по обращенію всѣхъ прихожанъ (до 5.000 душъ). Вчиняются соответствующіе акты, но той порой «унитское духовное начальство, будто ничего не зная, рассчитало перевести изъ Юровичъ» Кнышевскаго, между тѣмъ Смарагдъ рѣшилъ пока оставить его въ уніатствѣ, ибо «въ унитской формѣ онъ можетъ быть гораздо полезнѣйшимъ Православной Церкви». Когда же возникъ вопросъ о поощреніи Кнышевскаго, Лужинскій своею рукою внесъ въ формуляръ его для генераль-губернатора сквернѣйшія свѣдѣнія, которыя Смарагдъ находилъ «безосновательнымъ ругательствомъ, составленнымъ въ намѣреніи повредить» награждаемому ³⁴⁵). Въ с. Песчанкѣ, Невельскаго у., совершенно противозаконно выстроили убогую и неприличную каплицу, а Лужинскій оправдывалъ подобные случаи религіозными нуждами и матеріальными скудостями—вопреки ходатайствамъ Смарагда ³⁴⁶).

Фактовъ даннаго рода было слишкомъ довольно, и они доставляли обильный матеріалъ для подозрѣній, что Василій Лужинскій—вопреки «ручательствамъ» за него Смарагдова недруга, И. С. Жяркевича ³⁴⁷),—вовсе не столь ревностенъ касательно православія и не протъ тормозитъ его успѣхи ³⁴⁸). Это создавало почву для взаимныхъ осложненій, которыя были тѣмъ чаще и интенсивнѣе, что политика уніатскихъ возсоединителей

³⁴²) См. въ Витебскомъ Губернекомъ Архивѣ 1833 г., связка 21, дѣло 48, л. 1—64.

³⁴³) См. *ibid.* 1834 г., св. 3, д. 3 въ отношеніи прот. В. Лужинскаго кн. Н. Н. Хованскому отъ 28 поября 1833 г.

³⁴⁴) См. *ibid.* 1834 г., св. 3, д. 3 въ письмѣ Смарагда кн. Н. Н. Хованскому отъ 3 ноябра 1835 г.

³⁴⁵) См. *ibid.* 1834 г., св. 14, д. 107, л. 1—120.

³⁴⁶) См. *ibid.* 1834 г., св. 14, д. 88.

³⁴⁷) См. въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ 1892 г., № 4, стр. 153.

³⁴⁸) Ср. и выше „Христ. Чтеніе“ 1912 г., № 5, стр. 549.

тщательно скрывалась и сама вызывала справедливыя сомнѣнія относительно конечныхъ цѣлей. Разумѣется, всѣ эти неудобства можно было устранить или ослабить при искренности и миролюбіи, но ихъ-то и не оказывалось въ наличности. Обыкновенно въ этомъ наиболѣе обвиняють Смарагда, усвоивъ ему неблаговидное надувательство, яко бы онъ, обѣщая одно, въ то же время думалъ другое ³⁴⁹). Нѣтъ надобности опровергать такой недостойный упрекъ, разъ констатируется, что—наоборотъ—у Смарагда было все ясно и открыто даже для враговъ ³⁵⁰). Вообще, лукавство было несвойственно его пылкой натурѣ и противорѣчило существу характера. Послѣдній былъ, конечно, не изъ легкихъ и много препятствовалъ мирному теченію жизни. Частію здѣсь была причина и Полоцкихъ конфликтовъ между святителями. Однако нельзя все сваливать на Смарагда, если со свѣтскимъ начальствомъ онъ умѣлъ ладить удачно. И другая сторона не отличалась ни мягкостію, ни смиреніемъ и имѣла много возбуждающихъ качествъ. Сѣмашко и Лужинскій—оба были съ хорошимъ запасомъ человѣческихъ страстей, способныхъ захватывать ихъ въ наиважнѣйшія моменты церковнаго дѣланія. Конфликты между ними доходили до того, что опасались, какъ бы они даже при торжественномъ актѣ окончательнаго воссоединенія не стали сводить личные счеты, почему Скрипицынъ боялся оставлять ихъ вмѣстѣ хотя бы на часъ ³⁵¹). Послѣ опять надо было снова мирить этихъ воссоединенныхъ іерарховъ, а о проектѣ служенія Іосифа въ Витебскѣ въ 1839 г. Скрипицынъ вынужденъ былъ доносить, что это «новое событіе рождаетъ новые толки, за которые не всегда можно ручаться, особенно когда участвуетъ лицо (Іосифъ) слишкомъ всѣмъ извѣстное и не всѣми любимое, чтобы не сказать болѣе; при томъ же самъ епархіальный начальникъ (Василій) къ первому (митр. Кіевскому Филарету) питалъ искреннее радушное уваженіе, а къ послѣднему (Іосифу) онъ можетъ съ усиленіемъ только оказать непріязненную покорность, потому что слишкомъ много былъ имъ оскорбляемъ» ³⁵²). Строптивость Василя

³⁴⁹) См. у о. Г. И. Шавельскаго, Последнее воссоединеніе съ православною церковію униатовъ Бѣлорусской епархіи, стр. 238.

³⁵⁰) См. у о. Г. И. Шавельскаго *ibid.*, стр. 110.

³⁵¹) См. у о. Г. И. Шавельскаго *ibid.*, стр. 310—311.

³⁵²) См. у о. Г. И. Шавельскаго *ibid.*, стр. 338.

тоже была не маленькая, и онъ не могъ спокойно уживаться даже съ благодушнымъ преосвящ. Исидоромъ (Никольскимъ)³⁵³). Понятно, что тутъ Смарагдъ не былъ единственнымъ виновникомъ...

Деталими личнаго свойства исчерпывается нашъ обзоръ Полоцкаго періода, который мы старались поставить въ реальные историческія условія, чтобы по нимъ опредѣлить фактическую его значимость. Последняя была относительною, но не должна комментироваться исключительно въ отрицательномъ смыслѣ,—точно тамъ были сплошныя темныя тѣни безъ всякихъ проблесковъ. Въ эту именно сторону былъ большой наклонъ по вліянію и примѣру Іосифа Сѣмашки. Не прочь видѣть во всей энергіи Смарагда лишь случайный, порывистый наскокъ, ничтожный по ближайшему результату³⁵⁴) и только разстраивавшій истинную воссоединительную работу анархическими вторженіями³⁵⁵). Укоряется Смарагдъ даже за то, что былъ «слишкомъ ревностенъ»³⁵⁶) и обнаруживалъ бурную, кипучую дѣятельность, которая характеризуется крайне неблагоприятно³⁵⁷), какъ это констатируютъ и при формальной готовности признать заслуги настойчивости Смарагдовой касательно уніатскихъ преобразованій³⁵⁸). Есть усиленная тенденція убѣдить, что отъ Полоцкаго святительства Смарагдова было, пожалуй, больше вреда³⁵⁹). Эта крайность прискорбна не потому собственно, что несправедлива въ отношеніи къ Смарагду, а по болѣе принципиальнымъ интересамъ, что она препятствуетъ вѣрному пониманію и объективной оцѣнкѣ всего воссоединительнаго дѣла въ уніатствѣ. Для реабилитаціи Смарагда достаточно лишь напомнить, что всѣ главнѣйшія особенности его политики по уніатскому вопросу мотивировались фактическимъ положеніемъ вещей и были то неизбежны и законны, то исторически извинительны въ са-

³⁵³) См. у о. *Г. И. Шавельскаго*, Последнее воссоединеніе съ православною церковію уніатовъ Бѣлорусской епархіи, стр. 359.

³⁵⁴) См. у † графа *Д. А. Толстого* въ „Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія“ ч. CXLV (1869 г.), № 9, стр. 10.

³⁵⁵) См. *Г. Я. Кипріяновичъ*, Жизнь Іосифа Сѣмашки, стр. 109, 146, 94, 107, 155.

³⁵⁶) См. у о. *Г. И. Шавельскаго*, Последнее воссоединеніе, стр. 75.

³⁵⁷) См. у о. *Г. И. Шавельскаго* *ibid.*, стр. 235, 236—237.

³⁵⁸) См. у о. *Г. И. Шавельскаго* *ibid.*, стр. 131.

³⁵⁹) См. у о. *Г. И. Шавельскаго* *ibid.*, стр. 241.

мыхъ своихъ дефектахъ, а самъ онъ всецѣло преданъ былъ православію и служилъ ему съ великимъ самоотверженіемъ, находясь въ самомъ «гнѣздѣ іезуитовъ» — Полоцкѣ ³⁶⁰⁾ и не имѣя вполнѣ подготовленныхъ сотрудниковъ ни внизу, ни вверху ³⁶¹⁾. Эта личная апологетика помогаетъ и болѣе широкому историческому прозрѣнію. Необходимое по историческому ходу событій непременно бываетъ и полезнымъ для историческаго прогресса, котораго не совершается безъ извѣстныхъ посредствующихъ и предваряющихъ стадій. Въ числѣ такихъ была въ уніатскомъ процессѣ и Полоцкая эпоха жизни Смарагда, существенно послужившая воссоединительному движенію. Это отрицаютъ съ нѣсколько тенденціознымъ пристрастіемъ или недоразумѣніемъ, допуская принципиальную разность его системы съ Сѣмашкиной. Но фактически этого не было, и обѣ онѣ были лишь разными сторонами гармоническаго дѣйствія, объединяемаго общою цѣлію. Съ такой точки зрѣнія, кажется, довольно безспорно, что Смарагдъ своими частными присоединеніями успѣшно подготовлялъ окончательное торжество, ибо распатывалъ основы уніатской самобытности и для обращаемаго уніатскаго клира собиралъ обращенную уніатскую паству, чтобы въ результатѣ образовалась

³⁶⁰⁾ Такимъ издавна сталъ отвятый у Россіи Полоцкъ, гдѣ содѣйствовала и получившая права университетовъ іезуитская академія (см. у *К. А. Военскаго* въ „Сборникѣ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества“, т. СXXXIX, стр. VII, XV), почему тоже была необходимость перенести архіерейскую кафедру въ Витебскъ, что прямо выражалось Смарагдомъ (см. выше „Христ. Чтеніе“ 1912 г., № 3, стр. 308, 56), но осуществилось позднѣе (ср. и у † архіеп. *Саввы*, Хроника моей жизни III, стр. 509).

³⁶¹⁾ Даже и теперь жалуются на неподготовленность и „несоответствіе“ псаломщиковъ въ Полоцкой епархіи: см. „Полоцкія Епархіальныя Вѣдомости“ 1913 г., № 44—45, стр. 483—484, и „Прибавленія къ Церковнымъ Вѣдомостямъ“ 1914 г., № 7, стр. 412а. А что касается высшаго духовенства, то весьма знаменательно, что, защищая проектъ объ открытіи пятой Духовной Академіи въ Вильнѣ, *И. И. Недумовъ* категорически утверждаетъ, что „для выполненія ея (широкихъ національно-православныхъ) задачъ не всѣ мѣстные уроженцы представляютъ достаточную гарантію“, ибо „среди воспитанниковъ западныхъ духовныхъ семинарій, какъ намъ близко извѣстно, встрѣчается нерѣдко элементъ неопредѣленный, не имѣющій надлежащей прочной устойчивости по своимъ убѣжденіямъ и взглядамъ, элементъ имѣющій иногда даже нѣкоторое тяготѣніе къ Польшѣ“.. См. еженедѣльный „Вѣстникъ Школы“ 1914 г., № 8 за 22 февраля (Спб.), стр. 1666.

полночленная церковь. Не менѣе сего важно, что именно Смарагдъ—при трудныхъ условіяхъ служенія ³⁶²⁾ даль твердое, строго православное направленіе уніатскому воссоединительному дѣлу и обезпечилъ истинное завершеніе. Во всемъ этомъ должно видѣть положительное участіе, помогавшее нормальному теченію даже тѣмъ, что умѣряло одно-сторонности другихъ и сообщало отвлеченностямъ практическую пригодность. Была въ этомъ внутренняя солидарность, независимая отъ фактическихъ коллизій и оставлявшая свое мѣсто для всѣхъ дѣятелей ³⁶³⁾. Въ этомъ смыслѣ о Полоцкомъ періодѣ отъ имени Смарагда можно сказать словами Апостола (1 Кор. III, 6, 8): *Азъ насадихъ, Аполлосъ напои, Богъ же возрасти... Насаждаяй же и напаяй едино суть: кійждо же свою мзду приметъ по своему труду.*

Н. Глубоковскій.

³⁶²⁾ Впрочемъ, тоже было и послѣ, когда предъявляли большія требованія, а содѣйствія оказывали мало и держали православнаго архіепископа въ Варшавѣ весьма непривлекательно, о чемъ см. у † митр. Леонтія въ „Богословскомъ Вѣстникѣ“ 1914 г., № 3, стр. 559—560.

³⁶³⁾ Поэтому и *И. И. Недумовъ* поставляетъ Смарагда въ рядъ лучшихъ архипастырей и носителей апостольскаго служенія, стоявшихъ на стражѣ православія въ Литвѣ и Польшѣ, каковы митрополиты Макарій Булгаковъ и Леонтія Лебединскій, архіепископы Іоанникій Горскій, Алексій Лавровъ съ ихъ достойными сподвижниками: см. „Вѣстникъ Школы“ 1914 г., № 8 за 22 февраля, стр. 166а.

Современныя открытія въ области папирусовъ и надписей въ ихъ отношеніи къ Новому Завѣту *).

II.

Значеніе современныхъ открытій для болѣе конкретнаго представленія бытовой и вообще внѣшней рамки первохристіанской исторіи.—Параллели въ папирусныхъ текстахъ къ нѣкоторымъ притчамъ Спасителя.—*Σαῦλος ὁ καὶ Παῦλος*.—Повѣствованіе св. Луки о квиніевой переписи по связи съ событіями рождества Христова при свѣтѣ папирусовъ.—Дельфійская надпись.—*Ἀπέχουσι τὸν μισθόν*.—*Πῆρα*.—*Εὐεργέται*.—Древняя магическая литература (ср. Дѣян. XIX, 19).—Вопросъ о яденіи идоло-жертвеннаго.—*Ἀπὸ προγόνων* и др.—Крайности въ утвержденіяхъ Дейсмана касательно близости новозавѣтныхъ понятій къ понятіямъ современной первоначальному христіанству эллинистической среды.—Примѣръ: *καταπέτασμα* и др.—Замѣчанія относительно такъ наз. *ἀπαξ λεγόμενα*.—*Ἀγάπη* не найдено на папирусахъ въ христіанскомъ значеніи этого понятія.—*Διὰ Χριστοῦ* и *ἐν Χριστῷ*.—Значеніе понятій *σωτήρ*, *κύριος*, *υἱὸς θεοῦ* *εὐαγγέλιον*, *παρουσία* и *ἐπιφάνεια* въ языческомъ мірѣ и въ христіанствѣ.—*Τὴν πίστιν τετήρηκα* 2 Тим. IV. 7. 8.—*ὑπὲρ τούτου τρίς τὸν Κύριον παρεχάλεσα*.—*Διαθήκη* въ новозавѣтное употребленіе означаетъ ли исключительно „завѣщаніе“? — Изображеніе освобожденія Господомъ Иисусомъ Христомъ людей отъ рабства у ап. Павла напоминаетъ ли формулы античнаго сакрального освобожденія рабовъ.—*Ἀρχιποιμπην* 1 Петр. V, 4 и его предполагаемые прецеденты.—Сближеніе нравственныхъ понятій христіанства съ языческими въ его тенденціозномъ освѣщеніи и дѣйствительномъ значеніи.—Религиозно-нравственное состояніе языческаго міра въ эпоху возникновенія христіанства.—*Ἄγνωστος θεός*.—Языческая молитва.—Язычники „не имѣли упованія“ въ отношеніи къ будущей жизни.—Приглашеніе „пить“, въ виду предстоящей смерти.

БЛАГОДАРЯ современнымъ открытіямъ, мы получили возможность представить бытовую и вообще внѣшнюю рамку первохристіанской исторіи съ болѣею полнотою, опредѣленностью и яркостью, чѣмъ это было доселѣ ¹⁾.
Надписи и папирусы по временамъ даютъ важные на-

*) Продолженіе. См. апрѣль.

¹⁾ H. Windisch, Das Neue Testament, S. 203.

меки и разъясненія въ хронологическомъ и топографическомъ отношеніяхъ, небезразличныя для болѣе яснаго представленія отдѣльныхъ пунктовъ и общаго хода апостольской исторіи. И это совершенно понятно. Въ новозавѣтныхъ священныхъ памятникахъ даются лишь общія и суммарныя указанія касательно топографіи и—особенно—хронологіи, для людей послѣдующей эпохи не совсѣмъ ясныя по соотношенію ихъ съ установившимся лишь позже лѣточисленіемъ.

Изъ сходства культурныхъ условій жизни Палестины и Египта объясняются нѣкоторыя параллели въ папирусныхъ текстахъ къ притчамъ о зломъ рабѣ (Мѡ. XVIII, 30), о милосердномъ самарянинѣ (Лк. X, 30—37), о просящей вдовѣ (Лк. XVIII, 1 слѣд.), о блудномъ сынѣ (Лк. XV, 11—32)¹⁾ и под. Однако преувеличивать значенія этихъ параллелей не слѣдуетъ, ибо приточныя картины изъ жизни людей имѣютъ не какой-либо узко мѣстный, а болѣе широкій и глубокій, типическій характеръ, почему такъ близки и понятны людямъ самыхъ различныхъ странъ и временъ. Параллели простираются не только на культурно-бытовыя частности, когда, напр., выясняется, что къ сборщикамъ податей—мытарямъ—относились съ той же нелюбовью въ Египтѣ, какъ—и въ Палестинѣ, но въ нѣкоторыхъ документахъ также отражаются особенности жизни въ правовомъ отношеніи²⁾. Мы имѣемъ въ большомъ количествѣ оффиціальныя, юридическія и профессиональныя формулы, включая сюда рапорты отъ одного должностнаго лица къ другому,—имѣющіе сходство съ тѣмъ донесеніемъ, какое было послано Клавдіемъ Лисіемъ Феликсу (Дѣян. XXIII, 26—30). Сохранились протоколы судебныхъ процессовъ предъ должностными лицами, включая краткое изложеніе рѣчей консула, которыя напоминаютъ передачу рѣчи Тертулла въ Дѣян. XXIV, 2 слѣд.³⁾ Списки по народной переписи и другіе папирусныя документы, въ связи съ историко-литературными свидѣтельствами (1 и 2-ая книги Маккавейская, Іосифъ Флавій),—предлагаютъ многочисленныя аналогіи къ двойному имени Апостола Павла въ Дѣян. XIII. 9 *Σαῦλος ὁ καὶ Παῦλος* (*Савлъ, иже и Павелъ*; Савлъ, онъ же Павелъ). Такое соединеніе, выпадающее исключительно въ данномъ мѣстѣ, между тѣмъ

¹⁾ А. Deissmann, Licht vom Osten, S. 202.

²⁾ А. Deissmann, Licht vom Osten, SS. 199—201.

³⁾ F. G. Kenyon, Papyri, p. 356.

какъ въ предшествовавшемъ повѣствованіи Апостоль всегда именовался Σαῦλος, а въ дальнѣйшемъ неизмѣнно именуется Παῦλος — возбуждало недоумѣніе экзегетовъ, иногда находившее свое разрѣшеніе въ предположеніи, что дѣписатель выраженіемъ ὁ καὶ Παῦλος обозначилъ происшедшую именно въ ту пору перемену имени, стоявшую въ связи съ обращеніемъ проконсула Сергія Павла, описаннымъ непосредственно предъ тѣмъ. При свѣтѣ многочисленныхъ филологическихъ данныхъ вновь открытыхъ источниковъ, становится очевиднымъ, что указанное выраженіе ни въ коемъ случаѣ не можетъ означать «Савль, который *отсель* сталъ называться также Павломъ», но можетъ означать только: «Савль, который *также* назывался уже Павломъ». Выраженіе ὁ καὶ не допускаетъ никакого другого предположенія, кромѣ того, что Апостоль назывался уже двойнымъ именемъ, прежде чѣмъ онъ пришелъ на островъ Кипръ. Подобно многимъ уроженцамъ Малой Азіи, многимъ іудеямъ и египтянамъ—своимъ современникамъ, Апостоль, повидимому, отъ самаго рожденія получилъ двойное имя: одно священное, древне-іудейское знаменитое имя Саулъ, въ грецизованномъ видѣ Савль,—другое мірское, латинское, созвучное первому и также грецизованное имя—Павель. Вопросъ же,—почему дѣписатель называетъ Апостола Σαῦλος до Дѣян. XIII, 9 и Παῦλος въ дальнѣйшемъ повѣствованіи, удовлетворительно объясняется изъ того историческаго обстоятельства, что съ названнаго момента Апостоль выступаетъ на всемірную проповѣдь. Грекамъ онъ долженъ былъ предстать съ такимъ именемъ, въ коемъ они не могли видѣть ничего «варварскаго», но которое уже съ рожденія принадлежало Апостолу въ дѣйствительности ¹⁾.

Многимъ протестантскимъ ученымъ критическаго направленія представляется, что повѣствованіе св. Луки о томъ, что, во исполненіе повелѣнія о переписи, всѣ шли записываться, каждый въ свой городъ (Лк. II, 2), «страдаетъ величайшею внутреннею невѣроятностью. Какое невыносимое состояніе замѣшательства,—говорятъ,—возникло бы, еслибы всѣ семейства изъ-за переписи направились туда, гдѣ находилась родина ихъ предковъ! Да и могли ли большинство,—не говоря

¹⁾ A. Deismann, Bible Studies, 2 edit. Edinburgh, 1909, p. 313—317; Ego же Paulus. Tübingen, 1911, S. 62—64; G. Thieme, Die Inschriften von Magnesia am Mäander. Göttingen, 1906, S. 23—24.

уже обо всѣхъ,—знать свое колѣно и мѣсто родины своихъ предковъ, жившихъ за тысячу лѣтъ»¹⁾...

Но что евреи помнили и въ ту эпоху, изъ какого колѣна кто происходитъ, — ясное доказательство представляетъ и Ап. Павелъ, двукратно (Римл. XI, 1; Филипп. III, 5) съ нарочитою выразительностью подчеркивающей свое происхождение изъ колѣна Веніаминава. Что предки Давида естественно помнили свое происхождение и считали «своимъ» городомъ Виѳлеемъ, — тѣмъ болѣе безспорно. Однако, все же не совсѣмъ ясно, что именно разумѣется у евангелиста подъ «своимъ» городомъ²⁾ для каждаго. Евангелистъ разумѣетъ передвиженіе въ предѣлахъ Палестины и предполагаетъ определенную связь съ «своимъ» городомъ всѣхъ тѣхъ, кто отправились записываться...

Что передвиженія для выполненія переписи совершались и въ другихъ странахъ подъ римскимъ владычествомъ въ ту эпоху, — ясное свидѣтельство и прекрасную иллюстрацію даютъ папирусныя открытія. Оказывается, что въ Египтѣ подъ римскимъ владычествомъ особыми указами префектовъ предписывалось возвращаться къ своимъ домамъ всѣмъ тѣмъ, кто по тѣмъ или инымъ причинамъ жплъ внѣ своихъ округовъ — чтобы дать обычныя показанія по части переписи, а затѣмъ — заняться обработкой своего участка³⁾. Быть можетъ, въ Палестинѣ перепись осуществлялась нѣсколько иначе, чѣмъ въ Египтѣ, при обычной для римской политики приспособляемости къ мѣстнымъ условіямъ, однако, весьма естественно, что и въ Палестинѣ въ основу экономическихъ предпріятій римскаго правительства было положено начало собственности (*idia*), обычно находившейся въ мѣстѣ происхожденія (*forum originis*) того или иного лица. Нельзя ли понимать и выраженіе евангелиста «свой градъ» въ томъ смыслѣ, что слѣдовало отправляться каждому въ свой родной городъ лишь въ томъ случаѣ, если тамъ же находилась и его родовая осѣдлость? Если же еврей таковою собственностью не владѣлъ, а успѣлъ

¹⁾ Prof. W. Soltan, Die Geburtsgeschichte Jesu Christi. Lpz. 1902, S. 15.

²⁾ Text. recept. имѣетъ εἰς τὴν ἰδία ν πόλιν; критическія изданія (также и v. Soden'a) — εἰς τὴν ἑαυτοῦ πόλιν. Но энергія обоихъ выраженій одинакова. См. и у проф. Н. Н. Глубоковскаго, о Квириніевой переписи по связи ея съ Рождествомъ Христовымъ. Кіевъ, 1913, стр. 40, примѣч. 4.

³⁾ Такого содержанія, напр., указъ префекта Египта С. Vibius Maximus'a отъ 104 г. по Р. Хр. А. Deissmann, Licht vom Osten, S. 201 — 202. Проф. Н. Н. Глубоковскій, О Квириніевой переписи, стр. 38.

приобрѣсти себѣ имущественную осѣдлость въ другомъ городѣ, то въ этомъ послѣднемъ онъ и долженъ былъ—вѣроятно—выполнить обязательства по части переписи. Повидимому, и Иосифу принадлежала въ Виолеемѣ недвижимая собственность, каковою онъ владѣлъ или одинъ или совмѣстно съ кѣмъ-либо другимъ изъ своихъ сородичей¹⁾. Нѣкоторое подтвержденіе такому предположенію можно находить и въ повѣствованіи евангелистовъ о дальнѣйшихъ событіяхъ евангельской исторіи, въ связи съ коими отношеніе Иосифа къ городу Виолеему представляется такимъ образомъ. Иосифъ, побуждаемый обязательствами, связанными съ наступленіемъ переписи, долженъ былъ идти въ Виолеемъ, гдѣ и предпологалъ потомъ остаться, почему и идетъ съ Пресвятою Дѣвою, не смотря на трудность для нея путешествія въ это время. И въ послѣдствіи изъ Египта Иосифъ намѣревался возвратиться снова въ Виолеемъ (ср. Мѡ. II, 21—22), но изъ боязни Архелая и по особому откровенію поселяется въ Назаретѣ (ст. 23); съ коимъ у праведнаго старца и раньше были связи (вѣроятно, по ремеслу) и гдѣ онъ уже жилъ нѣкоторое время раньше—до переписи. Въ 26—27 стихахъ 1-ой гл. ев. Луки говорится, что въ городѣ Назаретѣ имѣла жилище Пресв. Дѣва, въ 39 ст. II-ой главы Назаретъ называется городомъ какъ Иосифа, такъ и Маріи: εἰς τὴν πόλιν αὐτῶν²⁾ Ναζαρέτ. Но это выраженіе—само по себѣ—означаетъ не болѣе того, что Иосифъ и Марія въ разумѣемое евангелистомъ время имѣли пребываніе въ Назаретѣ,—подобно тому, какъ и у Мѡ. IX, 1 Капернаумъ называется собственнымъ городомъ (ἦλθεν εἰς τὴν ἰδίαν πόλιν; здѣсь ἰδίαν=αὐτοῦ=ἑαυτοῦ), хотя самъ евангелистъ Матѳей незадолго предъ тѣмъ повѣствовалъ, что Господь родился въ Виолеемѣ и возросъ въ Назаретѣ (Мѡ. II, 1. 23). Если же ст. 3 и 4 II-ой гл. въ своей связи характеризуетъ Виолеемъ какъ свой и собственный городъ для Иосифа, но не для Маріи въ то же самое время,—то этимъ именно дается указаніе, что Виолеемъ былъ *родной* Иосифа, въ отличіе отъ Назарета, гдѣ Иосифъ имѣлъ въ то время свое пребываніе съ Пресв. Дѣвой. Кратко, но ясно и точно перефразируетъ показаніе св. Луки св. Іустинъ (Діал. 78): Иосифъ направился изъ Назарета, гдѣ онъ жилъ,

¹⁾ Такъ и Th. Zahn, Das Evangelium des Lukas. Erste Hälfte. Lpz. 1913, S. 126.

²⁾ LTTΓWHVS читаютъ ἑαυτῶν.

въ Виѳлеемъ, откуда онъ происходилъ (*ἀνεληλύθει ἀπὸ Ναζαρέτ, ἔνθα ᾤκει, εἰς Βηθλεὲμ, ὅθεν ἦν* ¹⁾). По всему видно, что у Іосифа съ Виѳлеемомъ были болѣе тѣсныя связи, и—скорѣе всего—не ради однихъ лишь историческихъ священныхъ воспоминаній, но и потому, что онъ имѣлъ здѣсь нѣкоторую родовую земельную собственность ²⁾).

Свидѣтельство евангелиста о томъ, что Іосифъ, по случаю переписи, долженъ былъ предпринять путешествіе въ Виѳлеемъ, такъ какъ принадлежалъ къ роду Давида,—находится—замѣтимъ—въ полномъ соотвѣтствіи и съ нѣкоторыми историческими подтвержденіями того факта, что представители рода Давида или—по крайней мѣрѣ—ихъ значительная часть—до разрушенія Іерусалима дѣйствительно проживали близъ Іерусалима (ср. Мѡ. II, 5; Іоан. VII, 42),—подобно тому, какъ и семейства священниковъ, по возвращеніи изъ плѣна, слѣдуя традиціи—спова охотно поселялись въ древнихъ городахъ священниковъ. Если обязанность приношенія дровъ для жертвенника всесоженной до разрушенія храма была возложена, между прочимъ, и на «домъ Давида» изъ колѣна Іудина (ср. Ездр. VIII, 2) и выполнялась имъ въ одинъ изъ девяти специально для того назначенныхъ дней (20-го Таммуза; *Mischna Taanith IV, 5*) ³⁾,—то естественно предполагать, что «домъ Давида»,—хотя, конечно, и не весь безъ исключенія, но все же въ значительной своей части,—сосредоточивался именно по близости Іерусалима. На Виѳлеемъ, какъ на наслѣдственное мѣсто обитанія потомковъ Давида, съ особеннымъ удареніемъ указываетъ и талмудическое преданіе о совершившемся якобы въ Виѳлеемѣ въ донь разрушенія храма рожденіи Мессіи, по имени Менахемъ. Если Іосифъ принадлежалъ къ потомкамъ Давида, имѣвшимъ въ то время по-преимуществу пребываніе въ Виѳлеемѣ, и только временно, быть можетъ, въ связи со своимъ ремесломъ, проживалъ въ Назаретѣ, то естественно, что праведный старецъ ради переписи, которая—по всѣмъ извѣстіямъ—

¹⁾ *Th. Zahn, Das Evangelium des Lukas, SS. 125—126.*

²⁾ Переводъ К. П. Побѣдоносцева: „эта перепись была первая, и въ правленіе Квиринія Сиріею“,—неточенъ, ибо, по строенію фразы и по мысли писателя, разумѣемая перепись отличается какъ первая изъ квириніевыхъ, о томъ же, что она подъ Римскимъ управленіемъ была первою для Палестины, уже сказано фразою: „въ тѣ дни вышло отъ кесаря Августа повелѣніе сдѣлать перепись по всей имперіи“.

³⁾ *E. Schürer, Geschichte des Jüdischen Volkes, Bd. II, S. 316.*

должна была служить главнымъ образомъ цѣлямъ податного обложенія, вынужденъ былъ путешествовать въ Вилеюсъ¹⁾.

Изъ тѣхъ же папирусныхъ документовъ мы узнаемъ, что подомовыя переписи производились въ Египтѣ чрезъ каждыя 14 лѣтъ. Повидимому, римская власть нашла этотъ порядокъ цѣлесообразнымъ и распространила его и на другія провинціи. Быть можетъ, объ этомъ «повелѣніи» (δῶμα) императора Августа и говорить евангелистъ въ I ст. II-ой гл.,—ибо оно впервые коснулось тогда и Палестины, установивъ опредѣленный порядокъ и на будущее время²⁾. По крайней мѣрѣ, тотъ же евангелистъ Лука упоминаетъ—очевидно—о другой переписи, которая вызвала возстаніе Иуды Галилеянина (Дѣян. V, 36). Эта перепись была также связана съ именемъ Квиринія, который, по свидѣтельству Иосифа Флавія, былъ посланъ Кесаремъ для описи по всей Сиріи и для оцѣнки наслѣдія Архелая (Antiqu. XVII, 13)³⁾. Послѣднее было специальнымъ порученіемъ, лишь приуроченнымъ—ради политическаго удобства—къ общему мѣропріятію. Но это было въ 6-мъ году нашей эры. Тогда предшествовавшее падаетъ на 8—9 годъ до начала нашего лѣтосчисленія, т. е.—приблизительно—совпадаетъ съ предполагаемымъ годомъ Р. X. Подобное совпаденіе, конечно, не имѣетъ рѣшающей силы, но оно все же весьма знаменательно. Во всякомъ случаѣ, мы приобрѣтаемъ новыя данныя, не безразличныя для болѣе яснаго и нагляднаго представленія начальныхъ событій евангельской исторіи по соотношенію съ событіями исторіи общей.

Какъ на примѣръ и иллюстрацію значенія новооткрытыхъ

¹⁾ *Th. Zahn*, Das Evangelium des Lukas, S. 126—127.

²⁾ Лишь въ результатъ планомерной и настойчиво проведенной въ царствованіе Августа цензовой системы могли получиться тѣ обстоятельныя статистическія свѣдѣнія, коими располагалъ къ концу своего царствованія этотъ императоръ. По крайней мѣрѣ, по свидѣтельству историка Тацита, преемникъ Августа Тиверій, лишь только вступилъ на престолъ, въ первое же свое засѣданіе въ сенатъ прочиталъ собственноручную записку Августа, которая содержала сводъ свѣдѣній о средствахъ государства. Въ ней было указано число гражданъ и союзниковъ, способныхъ носить оружіе, перечислялись провинціи, корабли а также—получаемыя подати и пошлины; а съ другой стороны, указывались нужды государства и расходы. *Tacitus Ann. I, II. Sueton. Aug. 28; Dio Cassius 53, 30.* См. *H. Kellner*, Jesus von Nazareth und seine Apostel im Rahmen der Zeitgeschichte, 1908, SS. 203—204.

³⁾ Проф. *Н. Н. Глубоковскій*, стр. 35.

текстовъ для нѣкотораго уясненія спорныхъ вопросовъ, относящихся къ хронологіи апостольской исторіи, можно указать на небольшую по размѣрамъ и сохранившуюся не въ цѣломъ видѣ такъ наз. «Дельфійскую надпись». Последняя, — какъ предполагаютъ, — представляетъ собой воспроизведеніе письма императора Клавдія къ городу Дельфамъ, въ коемъ императоръ вновь подтверждаетъ преимущества этого «святого города» — подобно тому, какъ онъ письмомъ же подтвердилъ александрійскимъ іудеямъ ихъ древнія привиллегіи, а въ письмѣ къ іерусалимскимъ властямъ благожелательно разрѣшилъ нѣкоторые вопросы, сильно затрогивавшіе религиозное чувство іудеевъ. Письмо написано въ тотъ годъ, когда проконсуломъ Ахаіи былъ Юній Галліонъ (Δούκιος Ἰούνιος Γαλλίων ὁ φίλος μου καὶ ἀνθύπατος τῆς Ἀχαΐας ἔγραψε), — послѣ провозглашенія его императоромъ (αὐτοκράτωρ) въ 26-й разъ. Слѣдовательно, письмо Клавдія къ Дельфамъ было написано въ періодъ времени съ конца 51 или — вѣроятнѣе — съ начала 52-го года до августа того же года, — скорѣе въ первую половину этого года. Но Галліонъ, проконсулъ Ахаіи, упоминается въ XVIII гл. кн. Дѣяній Апостольскихъ. Къ его именно суду привлекли іудеи Апостола Павла въ Коринѣхъ, послѣ того, какъ Апостольскій оставался въ этомъ городѣ годъ и шесть мѣсяцевъ, поучая слову Божию. А послѣ суда, скончившагося для противниковъ Апостола полнымъ посрамленіемъ и рѣзительной неудачей, Апостольскій пребылъ еще «довольно дней» и отплылъ въ Сирію, направляясь въ Іерусалимъ. По всей вѣроятности, Галліонъ вступилъ на проконсульство Ахаіи весною или даже лѣтомъ 51 г. послѣ Р. X. и пребылъ до весны или лѣта 52 года, и въ это послѣднее полугодіе было написано и письмо императора, адресованное городу Дельфамъ. Въ началѣ этого года совершилось — надо полагать — и описанное въ кн. Дѣяній нападеніе іудеевъ на Апостола и привлеченіе его къ трибуналу Галліона. Съ этимъ предположеніемъ согласуется, подтверждая его достовѣрность, и указаніе кн. Дѣяній на обстоятельства прибытія Апостола въ Коринѣхъ. Прибывши изъ Аѳинъ въ Коринѣхъ, Апостольскій нашель тамъ іудея Акилу, недавно (προσφάτως) пришедшаго изъ Италіи, со своею женою Прискиллою, — потому что Клавдій издалъ распоряженіе объ удаленіи іудеевъ изъ Рима (Дѣян. XVIII, 1). По свидѣтельству Орозія, это совершилось въ девятый годъ царствованія Клавдія, т. е. въ періодъ времени съ 25 января 49 г. по 25 января 50 г. Однако, по наблюденію ученаго Ramsay,

Орозій въ своей хронологіи Клавдія всегда отстаётъ на одинъ годъ, и годомъ изгнанія іудеевъ изъ Рима приходится считать 50-ый. Въ этомъ именно году (въ срединѣ или—скорѣе—въ концѣ его) прибылъ въ Коринѣхъ Апостоль. Принятіе болѣе ранней даты—49 или начала 50-го года (Deissmann)—не соотвѣтствуетъ тому показанію кн. Дѣяній, что, когда Апостоль пробылъ въ Коринѣхъ 1½ года, Галліонъ уже *былъ* консуломъ Ахайа (Γαλλίωνος δὲ ἀνθυπάτου ἔντος τῆς Ἀχαΐας), а не вступилъ только что въ исправленіе этой должности (ср. Дѣян. XXIV, 27 — XXV, 2). Слѣдовательно, привлеченіе Апостола на судъ Галліона могло совершиться—самое раннее—въ концѣ 51 года, а правдоподобнѣе—по ходу событій—въ началѣ 52 года. Отнесеніе же событія нападенія іудеевъ на Ап. Павла на *осень* 52 года ¹⁾ предполагаетъ прибытіе Апостола въ Коринѣхъ лишь около половины 51 года. Но тогда едва ли дѣяисатель употребилъ бы выраженіе *προσφάτως* въ отношеніи къ поселенію Акиллы и Прискиллы въ Коринѣхъ, которое, въ свою очередь, ставится въ непосредственную связь съ декретомъ императора Клавдія. Да и оставался ли еще осенью 52 года Галліонъ проконсуломъ? Весьма сомнительно! ²⁾.—Что же цѣннаго внесла въ науку такъ наз. «дельфійская надпись»? До открытія и выясненія содержанія этой надписи прибытіе Ап. Павла въ Коринѣхъ приурочивалось А. Гарнакомъ—къ 48 г.; К. Г. Тэрперомъ—къ 50 г.; Рэмсесемъ—къ 51 году; Ляйтфуттомъ—къ 52 году. Въ общемъ почти оправдалось предположеніе Тэрнера, что «дата Гарнака—слишкомъ ранняя, а дата Ляйтфута—во всякомъ слу-

¹⁾ Епископъ Анатолій.

²⁾ А. Deissmann, Paulus. Beilage I, SS. 159—177; Архимандритъ (нынѣ епископъ) Анатолій. Дельфійская надпись и ея значеніе для хронологіи Ап. Павла. Труды Кіевской Духовной Академіи. 1913 г. Т. I, стр. 49—55; А. Brassac, Une inscription de Delphes et la chronologie de saint Paul. Revue Biblique. 1913, № 1, 36—53; № 2, p. 207—217; см. особенно стр. 53; проф. Н. Д. Протасовъ заявляетъ, что «пока точно не определено, принадлежать ли къ одной стеллѣ изъ южной стѣны Дельфійскаго храма Аполлона найденные сначала четыре и затѣмъ три куска, реконструировать всю стеллу и дешифровать ея графику, какъ это дѣлаетъ Deissmann, я считаю преждевременнымъ» (Богословскій Вѣстникъ, 1914 г., Январь, стр. 198). Напротивъ, восстановленіе надписи считаетъ вполне достовернымъ, напр., Walentin Weber въ своемъ отзывѣ о книги Pözl'я—„Die Mitarbeiter des Weltapostels Paulus. Manz, 1911“ (см. Theologische Bevue 1914, № 3, SS. 73—74).

чаѣ, вѣроятно также и дата Рэмсея—слишкомъ позднія»¹⁾. Не вызвавъ въ наукѣ никакого переворота въ отношеніи къ хронологіи апостольской исторіи, показанія дельфійской надписи даютъ нѣкоторые опорные пункты, способствующие болѣе точному и болѣе увѣренному опредѣленію хронологіи одного изъ важнѣйшихъ событій въ жизни и дѣятельности Ап. Павла,—для опредѣленія времени его второго благовѣстническаго путешествія и пребыванія въ Коринѣ. Большая же увѣренность и опредѣленность науки въ этомъ пунктѣ должны способствовать болѣе хронологической точности и увѣренности относительно другихъ моментовъ, раннѣйшихъ и позднѣйшихъ, апостольской исторіи.

Знаніе тѣхъ особыхъ отбѣнокъ, какіе тѣ или иныя слова или цѣлыя выраженія, встрѣчающіяся въ Св. Писаніи, имѣли въ современномъ имъ употребленіи,—въ нѣкоторыхъ случаяхъ способствуетъ болѣе наглядному, живому и образному пониманію такихъ словъ и выраженій въ Св. Писаніи. То же самое слѣдуетъ сказать и относительно значенія свѣдѣній касательно соединявшихся съ тѣми или иными предметами, упоминаемыми въ Новомъ Заветѣ, обычаевъ и представленій въ ту эпоху. Новооткрытые документы доставляютъ намъ достаточно интереснаго матеріала и въ этомъ отношеніи. Приведемъ нѣсколько примѣровъ въ подтвержденіе этого положенія.

Въ Нагорной Бесѣдѣ Господь говоритъ о лицемѣрахъ, что когда они трубятъ предъ собою въ синагогахъ и на улицахъ, чтобы прославляли ихъ люди; когда они на-показъ людямъ молятся въ синагогахъ и на углахъ улицъ; когда они, постясь, стараются обратить вниманіе другихъ на свой подвигъ своими унылыми, мрачными лицами,—то они *восприемлютъ мзду свою* (ἀπέχουσι τὸν μισθὸν αὐτῶν) Мо. VI, 2. 5. 16. Характерно, что въ 1-мъ стихѣ той же главы о наградѣ отъ Бога употребленъ глаголъ ἔχω, безъ приставки, придающей глаголу особый отбѣнокъ. И прежде всего, ἀπέχω имѣетъ отбѣнокъ не настоящаго, но прошедшаго времени (точнѣе—аориста). Это совершенно ясно изъ Филипп. IV, 18: *пріялъ же вся* (ἀπέχω ἕκ πάντα) *и избыточествую: исполнился* (πεπλήρωμαι), *пріемъ отъ Етафродита посланная отъ васъ*. Филиппійцы добровольно—

¹⁾ Хронологія Ветхаго и Новаго Завета. Перев. съ англ. проф. Н. Н. Глубоковскаго. Кіевъ, 1911, стр. 43.

и только они одни изъ всѣхъ церквей—пришли на помощь Апостолу въ его матеріальной нуждѣ, неоднократно посылая Апостолу вспоможеніе. Теперь Апостоль говоритъ, что онъ все это получилъ, не имѣеть ни въ чемъ недостатка, а напротивъ имѣеть избытокъ и довольство. Апостоль принялъ (δέξαμενος) посланное, какъ благовонное куреніе, жертву приятную, благоугодную Богу. Ясно и по смыслу и по строю рѣчи, что δέξαμενος соотвѣтствуетъ въ выраженіи времени и вида дѣйствія ἀπέχω. Послѣднее имѣеть оттънокъ аориста,—какъ это и выражено точно въ славянскомъ переводѣ «пріяхъ» (по-русски—«я получилъ») ¹⁾. Теперь же на основаніи наблюденія значительнаго филологическаго матеріала твердо установлено, что ἀπέχουσι въ выраженіи оттънка времени и вида дѣйствія тождественно съ ἔλαβον или ἔσχον, т. е. есть настоящее аористное ²⁾. Въ этомъ значеніи «я получилъ» ἀπέχω употреблялось какъ техническое и фиксированное выраженіе при выдачѣ квитанцій, и притомъ не въ Египтѣ лишь, но и въ другихъ странахъ эллинистическаго міра отъ начала II-го столѣтія до Р. Х., также—и въ I-мъ столѣтіи послѣ Р. Х. ³⁾. Въ эолийскомъ діалектѣ ἀπέχω имѣло указанное значеніе уже въ IV в. до Р. Х.—Αποχῆ означало точно—росписка, квитанція. Въ указанномъ техническомъ значеніи ἀπέχω было извѣстно всякому эллинисту, до послѣдняго поденщика ⁴⁾. Слова Господа въ ихъ передачѣ на греческомъ языкѣ, слѣдовательно, заключаютъ въ себѣ слѣдующій оттънокъ: лицемѣры, совершающіе добрыя дѣла и подвиги изъ тщеславія, имѣють свою награду въ людскихъ похвалахъ и почетѣ. Они получаютъ тѣ награду, къ коей сами стремились, изъ за чего трудились, подвергали себя лишеніямъ. Имѣя же такую награду, они получили уже все, на что рассчитывали сами, какъ бы выдали квитанцію людямъ въ полученіи отъ нихъ похвалъ и славѣ,—и на какую

¹⁾ Переводъ К. П. Побѣдоносцева въ данномъ случаѣ не точный: „у меня довольно всего, и свыше мѣры“...

²⁾ См. А. Thumb, Principienfragen Koine-Forschung. Neue Jahrbücher für das klassische Altertum. 1906, S. 255; I. H. Moulton, Grammar², p. 247; Mayser, Grammatik der griech. Papyri, S. 487; A. Deissmann, Licht vom Osten, S. 77 Anm. 2.

³⁾ Напр. расписка изъ Файюма отъ 29-го Декабря 44 г. до Р. Х.: καὶ ἀπέχω τὴν συνκεχωρημένην τμηὴν πᾶσαν ἐκ πλήρους и отъ 6-го сентября 57 г. до Р. Х.: ἀπέχω παρ' ὑμῶν τὸν φόρον τοῦ ἐλαιουργίου. ὧν ἔχετε μου ἐν μισθώσει.

⁴⁾ A. Deissmann, Licht vom Osten, SS. 77—79; Bible Studies, p. 229.

либо другую награду изъявлять притязаніе не имѣютъ уже никакихъ основаній и правъ. Кто говоритъ или пишетъ: ἀπέχευ μισθόν, тотъ этимъ самымъ отказывается уже отъ всякихъ дальнѣйшихъ притязаній, не можетъ рассчитывать ни на что большее въ дальнѣйшемъ. Этотъ отгѣнокъ, дѣйствительно, и переданъ въ слав. переводѣ Лк. VI, 24: *горе вамъ богатымъ, яко отстоите утѣшенія вашего* (ἀπέχετε τὴν παράκλησιν ὑμῶν). Т. е., получая свое утѣшеніе въ богатствѣ и роскошествѣ, человѣкъ тѣмъ самымъ показываетъ, что онъ этимъ и довольствуется, ни къ чему большому и другому не стремится, а потому и не можетъ рассчитывать на полученіе блаженства, радости и утѣшенія нищихъ, алчущихъ, плачущихъ, гонимыхъ за правду,—«великой награды» на небесахъ. «Утѣшеніе» же «богатыхъ» временное,—столь же непрочное, какъ и само земное богатство, на коемъ ихъ утѣшеніе утверждается. Находя «утѣшеніе» въ «богатствѣ», человѣкъ этимъ неопровержимо свидѣтельствуетъ, гдѣ его истинное сокровище, къ коему тяготѣетъ сердце его (Лк. XII, 34). Богача, мучащагося въ аду, Авраамъ приглашаетъ вспомнить, что онъ получилъ уже (ἀπέλαβες = ἀπέχεις) доброе свое въ жизни своей, а Лазарь,— злое; нынѣ же онъ здѣсь утѣшается (παρακληεῖται), богачъ же страждетъ (Лк. XVI, 25).

Въ наставленіи своемъ Апостоламъ предъ отправленіемъ ихъ на проповѣдь Господь запрещаетъ имъ обременять себя какими-либо запасами на дорогу,—не позволяетъ имъ брать ни денегъ въ свои поясы, ни пиры въ путь (μὴ πῆραν εἰς ὁδόν русск. перев.: «ни сумы на дорогу»), ни запасныхъ одеждъ и обуви. Въ евангеліи Марка (VI, 8) и Луки (IX, 3) въ числѣ предметовъ, которые Господь запретилъ брать съ собою, стоятъ рядомъ *сума* (πῆρα) и хлѣбъ. Едва ли можно предполагать тавтологію въ столь сжато выраженной заповѣди Господа, и потому едва-ли подъ πῆρα можно разумѣть суму для хлѣба и вообще для провизіи. Можно, конечно, разумѣть дорожную суму вообще (Мѳ.), но у евангелиста Луки—при всей сжатости изложенія—упоминается, кромѣ и раньше сумы (πῆρα)—еще влагалище (русск. «мѣшокъ»), и притомъ двукратно (X, 4 и XXII, 35). Это наводитъ на мысль, что πῆρα содержитъ въ себѣ какой-либо особый отгѣнокъ, и быть можетъ, означаетъ суму, предназначенную для сбора приношеній въ знакъ благодарности Апостоламъ за исцѣленія и проповѣдь. а также предназначенныхъ для самого ихъ Божественнаго

Наставника. Связь и послѣдовательность рѣчи не препятствуетъ такому пониманію. Отъ облагодѣтельствованныхъ ими Апостолы не должны брать денегъ—ни золота, ни серебра, ни мѣди,—но приношенія могли выразиться въ дарахъ другого рода.—въ пожертвованіяхъ различными вещами, продуктами и т. под. Указанное специальное значеніе *πῆρα* особенно хорошо подходитъ къ контексту рѣчи въ евангеліи Маттея: Апостолы во время проповѣдническаго путешествія не должны собирать запасовъ золота и другихъ предметовъ—одежды и обуви, но они, съ другой стороны, не должны и не будутъ нищенствовать, «ибо трудящійся достоинъ пропитанія»¹⁾; необходимое для жизни Апостоламъ обезпечено, и они получаютъ его по праву, а не какъ даяніе и милостыню. Проповѣдники Христова Евангелія не должны подавать никакого, даже самаго отдаленнаго, повода подозрѣвать ихъ въ томъ, что они предприняли миссіонерскій трудъ съ цѣлью собрать себѣ или ихъ Божественному Наставнику пожертвованія²⁾. Господь запрещаетъ въ миссіонерскомъ путешествіи имѣть суму для ношенія подобныхъ пожертвованій и, тѣмъ самымъ, запрещаетъ совершенно принимать ихъ. Это наставленіе Господа получаетъ особое значеніе при сопоставленіи его съ современными Христу Спасителю правами служителей языческаго культа сосѣдней съ Палестиною Сиріи. Здѣсь въ Кефръ—Хаварѣ открыта греческая надпись эпохи римскихъ императоровъ, принадлежащая «рабу» сирійской богини. Надпись рассказываетъ о совершенныхъ «работъ»—авторомъ этой надписи—путешествіяхъ для сбора пожертвованій въ пользу богини. Съ похвалой повѣствуетъ этотъ «посланецъ богини» (какъ онъ самъ себя называетъ), что всякое его путешествіе приносило семьдесятъ сумокъ (*ἀποφόρησ ἐκάστη ἡμέρη πῆρας ὅ*). Итакъ (рисуетъ картину А. Deissmann) чрезъ сирійскую страну въ пору возникновенія христіанства пробирается—для сбора пожертвованій—служитель языческой богини. Все болѣе и болѣе увеличивается—по мѣрѣ его шествія—число выючныхъ животныхъ, которыя влекутъ его добычу къ капищу богини, гдѣ не будетъ забытъ и самъ счастливый сборщикъ. Въ той же странѣ

¹⁾ А. Deissmann, Licht vom Osten, S. 77.

²⁾ P. M.—J. Lagrange, Evangile selon saint Marc. Paris, 1911, p. 146
Лягранжъ, со своей стороны, присоединяется къ пониманію *πῆρα*, данному у Дейсмана.

и въ то же время Божественный Наставникъ, не имѣвшій, гдѣ главу приклонить, заповѣдуетъ своимъ посланникамъ: «не стяжите злата, ни сребра, ни мѣди при поясъхъ вашихъ, ни пиры въ путь... Лишь пропитаніе и все необходимое будутъ получать они по мѣрѣ нужды отъ тѣхъ, для кого несутъ они безкорыстно спасительный подвигъ апостольскаго служенія ¹⁾).

На Тайной Вечери, когда среди Апостоловъ возникъ споръ о томъ, кто изъ нихъ долженъ почитаться большимъ,—Господь заповѣдалъ имъ и въ этомъ отношеніи отрѣшиться отъ мірской точки зрѣнія, по которой преимущество выражается во внѣшнемъ обладаніи подчиненными и въ величаніи и превозношеніи предъ ними всякаго рода пышными титулами и громкими наименованіями, характеризующими ихъ какъ «благодѣтелей» по отношенію къ тѣмъ, кто стоятъ ниже ихъ. «Онъ же сказалъ имъ: цари народовъ господствуютъ надъ ними, и владыки ихъ благодѣтелями (εὐεργέται) называются» Что цари, начальники и другіе выдающіеся мужи дѣйствительно въ то время украшались почетнымъ титуломъ «благодѣтелей»—εὐεργέται ²⁾),—безспорное доказательство этому мы находимъ теперь и въ литературныхъ свидѣтельствахъ, и въ многочисленныхъ подписяхъ и монетахъ греческаго происхожденія. Такихъ доказательствъ легко собрать сотни,—такъ широко распространенъ былъ этотъ обычай. Собесѣдники Господа могли имѣть наглядное представленіе объ этомъ обычаѣ изъ сирійскихъ и финикійскихъ монетъ, которыя циркулировали въ Палестинѣ, причѣмъ—по всей вѣроятности—и въ арамейскій языкъ пере-

¹⁾ А. Deissmann, Licht vom Osten, SS. 76—77.

²⁾ Таковой титулъ тѣмъ болѣе носилъ въ ту эпоху отънюдь превозношенія, что онъ имѣлъ религіозную окраску и въ нѣкоторыхъ случаяхъ являлся прямо синонимомъ θεός, хотя это послѣднее понятіе и было довольно бѣдно содержаніемъ. Напр., въ составленныхъ около 150—180 г. по Р. X. „Актахъ Іоанна“ содержится такая фраза, приписанная Ликомеду, главнокомандующему Ефеса, стоявшему пока на чисто языческой точкѣ зрѣнія: „людей, нашихъ благодѣтелей, слѣдуетъ называть богами (θεός). Acta apost. apocr. edd. Lipsius et Bonnet II, 166, 3—4. Ср. E. Henneke, Neutestamentliche Apokryphen. Tübingen 1904. S. 436. Fr. I. Dölger, Ixθός, S. 421. На императора Августа выражали такой взглядъ, что онъ, посланный божественнымъ Провидѣніемъ человечеству какъ σωτήρ и εὐεργέτης, сообщилъ міру новый обликъ, исполненіе завѣтныхъ надеждъ, счастье въ настоящемъ, радужный взглядъ на будущее. P. Wendland, Die Hellenist.-Römisch. Kultur, S. 92.

шло самое греческое слово εὐαγγέλιον. Возможно, что именно это слово употреблялъ въ бесѣдѣ и Самъ Господь ¹⁾.

Проповѣдью Апостола въ Ефесѣ были обращены ко Христу много іудеевъ и язычниковъ, и многіе изъ нихъ, доселѣ занимавшіеся магіей, припесли, въ знакъ искренности своего обращенія, относившіяся къ магіи книги и публично сожгли ихъ.—въ такомъ громадномъ количествѣ, что св. Лука общую цѣнность ихъ опредѣляетъ въ 50.000 серебряныхъ драхмъ (Дѣян. XIX, 19). Новыя открытія даютъ наглядное представленіе о формѣ и содержаніи такихъ книгъ. Въ европейскихъ музеяхъ находятся многочисленныя, иногда очень значительныя, фрагменты древнихъ книгъ по магіи, опубликованіемъ и объясненіемъ коихъ важную услугу наукамъ оказали Карлъ Вессели, Альбрехтъ Дитерихъ и Фр. Кеніонъ. Сохранившіеся самые большіе фрагменты относятся, правда, къ позднѣйшему времени и содержатъ въ своихъ формулахъ нѣкоторыя заимствованія изъ христіанства, а не одни только языческіе и іудейскіе элементы, но въ основномъ своемъ содержаніи относятся къ весьма древнему времени, такъ что можно составить себѣ приблизительное представленіе и о древней магической литературѣ времени Ап. Павла ²⁾.

Св. Ап. Павелъ въ I посланіи къ Коринѳянамъ не только принципиально разъясняетъ—съ точки зрѣнія неизблѣмыхъ основъ христіанской вѣры—вопросъ о яденіи идоложертвеннаго мяса, о пищѣ и христіанской свободѣ вообще,—каковой вопросъ имѣлъ для коринѳскихъ христіанъ далеко не теоретическій лишь интересъ, но и непосредственную практическую важность и рѣзкую остроту запросовъ и конфликтовъ самой современной дѣйствительности, но и примѣрно указываетъ нѣкоторые опредѣленные случаи, смущавшіе совѣсть тогдашнихъ христіанъ, и разъясняетъ, каково должно быть поведеніе христіанъ въ подобныхъ недоумѣнныхъ случаяхъ. Среди папирусныхъ документовъ въ Египтѣ найдены пригласительныя карточки на торжественныя ритуальныя трапезы,—имѣющія—по своему содержанію—отношеніе къ тремъ различнымъ случаямъ, когда христіанинъ могъ получить приглашеніе отъ кого-либо изъ язычниковъ на подобный праздникъ (ср. X, 27) и пред-

¹⁾ A. Deissmann, Licht vom Osten, SS. 185—186; Die Urgeschichte d. Christent. S. 18.

²⁾ A. Deissmann, Licht vom Osten, S. 186.

ставляющія конкретныя иллюстраціи къ нѣкоторымъ наставленіямъ апостольскаго посланія. Одна изъ этихъ карточекъ (отъ II-го вѣка послѣ Рождества Христова) содержитъ такое приглашеніе: «Хәремонъ просить тебя пообѣдать къ столу господина Сераписа, въ храмъ Сераписа, завтра, т. е. 15-го дня къ 9 часамъ»¹⁾. Такого приглашенія христіанинъ, помнившій наставленія Апостола, приять никакъ не могъ, ибо въ данномъ случаѣ его приглашали приять участіе въ явно языческомъ религиозномъ торжествѣ, совершаемомъ въ капищѣ,—непосредственно въ актѣ идоложертвенномъ. Сюда прямо относятся апостольскія слова: «берегитесь, чтобы свобода ваша не послужила соблазномъ для немощныхъ. Ибо если кто-нибудь увидитъ, что ты... сидишь за столомъ въ капищѣ, то совѣсть его, какъ немощнаго, не расположитъ ли и его ѣсть идоложертвенное? И погибнетъ немощный братъ, за котораго умеръ Христосъ. А согрѣшая такимъ образомъ противъ братьевъ и уязвляя немощную совѣсть ихъ, вы согрѣшаете противъ Христа» (I Кор. VIII, 9—12). Такова опасность въ отношеніи къ брату. Но въ разумѣемомъ актѣ есть и чисто религиозная опасность. Ее раскрываетъ Апостоль на типическомъ примѣрѣ Израиля по плоти. Прошедши сквозь Черное море и совершивъ путешествіе подъ покровомъ свѣтлаго облака,—двойное предъизображеніе христіанскаго крещенія,—вкусивъ манну и воду, чудесно источенную изъ скалы,—образъ евхаристіи, принимаемый подъ двумя видами,—овреи приглашены были на праздникъ Вааль-Фегора,—склонились на принесеніе жертвъ богамъ моавитскимъ, «и ѣлъ народъ (жертвы ихъ) и кланялся богамъ ихъ» (Числ. XXV, 2—3).

Другое приглашеніе (того же приблизительно времени) таково: «Антоній, сынъ Птолемея, просить тебя пообѣдать у него за столомъ господина Сераписа въ помѣщеніи Клавдія, сына Серапіона, 10-го (числа), къ 9 часамъ»²⁾. И это приглашеніе христіанинъ также долженъ былъ отклонить. Правда, празднество предполагалось уже въ частномъ помѣщеніи, а не въ языческомъ храмѣ, однако носило опредѣленный языческій характеръ, устраивалось въ честь «господина Сераписа»

¹⁾ Ἐρωτᾷ σε Χαϊρήμων δεῖπνήσει εἰς κλεινὴν τοῦ κυρίου Σαρπίδος ἐν τῇ Σαραπίῳ αἵριον, ἣτις ἐστὶν ἡ ἀπὸ ὥρας θ'.

²⁾ Ερωτᾷ σε Ἀντωνίου(ς) Πτολεμαίου δεῖπνήσει παρ' αὐτῷ εἰς κλεινὴν τοῦ κυρίου Σαρπίδος ἐν τοῖς Κλαυδίου Σκραπίωνος τῇ ἰ ἀπὸ ὥρας θ'.

и столъ, за которымъ должны были сидѣть приглашенные, былъ столомъ языческаго божества. Христианинъ въ подобномъ случаѣ долженъ былъ привести себѣ на память слѣдующія слова Апостола: «язычники, принося жертвы, приносятъ бѣсамъ, а не Богу; но я не хочу, чтобы вы были въ общеніи съ бѣсами. Не можете пить чашу Господню и чашу бѣсовскую; не можете быть участниками въ трапезѣ Господней и въ трапезѣ бѣсовской» (X, 20—21). Израильтяне, вкушавшіе отъ храмовой жертвы, являлись участниками и самого жертвенника истинному Богу, принимали, такимъ образомъ, участие въ истинномъ богослуженіи и истинномъ богочитаніи... Аналогичныя отношенія устанавливаются и у тѣхъ, кто участвуетъ въ яденіи *языческой* жертвы, каковое участие вводитъ ихъ незамѣтно въ общеніе съ самими бѣсами (ст. 18—20), отторгая тѣмъ самымъ отъ общенія съ истиннымъ Богомъ.

Третье приглашеніе таково (отъ III в. по Р. X.): «Ираида просить тебя пообѣдать на брачномъ торжествѣ ея дѣтей въ собственномъ ея домѣ, завтра, т. е. въ пятый (день), къ 9 часамъ» ¹⁾. Такое приглашеніе христианинъ могъ принять, хотя бы оно исходило и отъ язычницы, если только онъ не имѣлъ основаній опасаться, что на брачномъ торжествѣ будутъ совершены языческія жертвоприношенія, и подѣ непремѣннымъ обязательствомъ воздержаться отъ тѣхъ блюдъ, относительно которыхъ будетъ опредѣленно заявлено, что это—«идоложертвенное». Яденіе такого блюда могло произвести соблазнъ въ томъ, кто объявилъ, что оно—«идоложертвенное»,—если это былъ христианинъ,—или вызвать нареканіе и глумленіе надъ христианиномъ и надъ самою его вѣрой, если это былъ язычникъ,—не говоря уже о томъ, что собственная совѣсть христианина могла смутиться, и духовное его равновѣсіе могло нарушиться (ср. Римл. XIV, 22—23). Если же никакого предупрежденія христианинъ ни отъ кого не получалъ, то все, предлагаемое ему, онъ могъ ѣсть безъ всякаго нарочитаго изслѣдованія, ни мало не смущаясь въ своей совѣсти (1 Кор. X, 27—28) ²⁾.

По поводу выраженія 2 Тим. I, 3: ϕ λατρείῳ ἀπὸ προγόνων небезынтересно отмѣтить, что ἀπὸ προγόνων не разъ встрѣчается въ магнезіанскихъ надписяхъ. *Αὐθρα... ἀπὸ προγόνων

¹⁾ Ἐρωτᾷ σε Ἡραΐς δεῖπνῆσαι εἰς γάμους τέκνων αὐτῆς ἐν τῇ οἰκίᾳ αὐρίου, ἥτις ἐστὶν πέμπτη, ἀπὸ ὥρας θ'.

²⁾ F. Prat. La théologie de saint Paul (Paris, 1908) p. 159—162. A. Deissmann, Licht vom Osten, S. 264. Anm. 7.

εὐσχημόνα καὶ ἦθει καὶ ἀγωγῇ κόσμιον... ἢ ἀπὸ προγόνων εὐγένεια. Въ качествѣ фамильныхъ добродѣтелей восхваляется εὐγένεια и εὐσχημοσύνη извѣстныхъ лицъ; въ семействѣ Ап. Павла древнимъ, священнымъ наслѣдіемъ, передававшимся изъ рода въ родъ, служилъ монотеизмъ избраннаго народа ¹⁾).

Слова Апостола Павла къ Филимону, въ коихъ онъ просить, чтобы Филимонъ считалъ за Апостоломъ причиненный, быть можетъ, послѣднему Онисимомъ убытокъ или числящійся долгъ, и что Апостолъ беретъ на себя обязательство покрыть все это,—напоминають долговья росписки того времени. Ἐν δὲ τῇ ἡδίκησέ σε ἢ ὀφείλει, τοῦτο ἔμοι ἔλλόγει. Ἐγὼ Παῦλος ἔγραψα τῇ ἐμῇ χειρὶ, ἐγὼ ἀποτίσω. Характерны здѣсь выраженія: ὀφείλει, ἐμοὶ ἔλλόγει, ἀποτίσω, а равно и слова о написаніи о семъ своею рукою,—ибо долговья обязательства дозволялось писать и другому лицу, что и отмѣчалось особо ²⁾).

Κυρία—учтивое обращеніе въ письмѣ—представляетъ аналогію и иллюстрацію къ 2 Іоан. ст. 1. 5 ³⁾).

Такихъ и подобныхъ случаевъ, когда значенію нѣкоторыхъ словъ и выраженій Писанія Завѣта выдѣляется рельефнѣе и характернѣе при сопоставленіи ихъ съ тѣмъ значеніемъ, какое эти слова и выраженія имѣли въ современномъ имъ «общемъ» языкѣ,—немало. Однако, не только въ интересахъ православнаго богословія, но и подлинной филологической науки необходимо сразу же сдѣлать существенныя замѣчанія по поводу примѣненія такого метода сравненія безъ достаточной осмотрительности, въ увлеченіи лишь видимымъ сходствомъ или даже совпадениемъ. Отъ такой крайности далеко не свободенъ и А. Deissmann, выражающій свою принципиальную точку зрѣнія на этотъ вопросъ слѣдующимъ образомъ: «извѣстныя намъ слова нерѣдко получаютъ при свѣтѣ новыхъ текстовъ другой смыслъ; намъ на выборъ, предлагаются новыя значенія словъ; интимный смыслъ священнаго текста измѣняется легче или сильнѣе; открываются разнообразныя возможности пониманія Евангелія древнимъ человѣкомъ» ⁴⁾).

¹⁾ G. Thieme, Die Inschriften von Magnesia am Mäander, S. 21.

²⁾ Напр., въ роспискѣ изъ Файюма отъ 1-го столѣтія послѣ Р. Х.: „Πάρος ἔγραψα ὑπὲρ αὐτοῦ ἀγραμμάτου (т. е. я, Палосъ, написалъ за него (берущаго на себя долговое обязательство) неграмотнаго. А. Deissmann, Licht vom Osten, SS. 248—249. Cp. S. 55.

³⁾ A. Deissmann, Licht vom Osten, S. 109.

⁴⁾ A. Deissmann, Licht vom Osten, SS. 75—76.

тельно являются общими какъ библейскому, такъ и современному имъ «общему» греческому, однако въ своемъ библейскомъ употребленіи они выражаютъ понятія, проникнутыя другимъ духомъ, перѣдко преобразованныя въ своемъ значеніи до полной противоположности. Это, конечно, особенно слѣдуетъ сказать о такихъ словахъ, кои выражаютъ событія и ученіе, свойственныя христіанству, какъ богооткровенной религіи. Даже одно и то же слово въ различныхъ мѣстахъ Новаго Завета употребляется въ различныхъ смыслахъ,—въ смыслѣ, одинаковомъ съ «общимъ» греческимъ языкомъ и въ другомъ—свойственномъ исключительно библейскому языку¹⁾. Слѣдовательно, такія понятія должны быть изучаемы прежде всего при свѣтѣ родственныхъ документовъ, какими являются переводъ LXX и памятники самого Новаго Завета²⁾. Правильность такого метода должна считаться научной аксіомой³⁾. Не слѣдуетъ также забывать, что особый оттѣнокъ получили нѣкоторыя слова уже въ «общемъ» языкѣ, благодаря именно вліянію семитической стихіи чрезъ іудеевъ разсѣянія, сближающій ихъ съ библейскимъ значеніемъ этихъ словъ, имѣвшихъ и дальнѣйшее развитіе. Самъ Deissmann вынуждается допустить это относительно, напр., ἀνάθεμα⁴⁾, ἐπιχαιράτος⁵⁾, προσχαίρεταις⁶⁾ и под. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, хотя извѣстное слово имѣется и въ библейскомъ и въ «общемъ» языкѣ, но въ первомъ оно получаетъ специальное значеніе и даже—по всей вѣроятности—произведено самостоятельно, по общимъ законамъ

¹⁾ Hatch, Essay, p. 7.

²⁾ Сверхъ богооткровеннаго содержанія, придававшего понятіямъ самимъ по себѣ и особенно въ ихъ сочетаніи съ другими—совершенно иной смыслъ, нѣкоторый оттѣнокъ въ выраженіи мысли могли приписать и тѣ богопросвѣщенные мужи, кои являлись органами и посредниками откровенія. По справедливому въ общемъ (если устранить ихъ ненужныя преувеличенія), словамъ Hatch'я, писателями Новаго Завета были большею частію люди, мышленіе коихъ отличалось нѣкоторыми особенностями, свойственными семитамъ. Это были не только люди, говорившіе не на своемъ родномъ, а на иностранномъ языкѣ, но—люди одной расы, говорившіе на языкѣ другой расы. Даже когда они употребляли греческія слова, эти слова являлись перѣдко символами другихъ, по сравненію съ греческими, идей. Hatch, Essay in Biblical Greek, p. 11.

³⁾ Hatch, p. 10—11.

⁴⁾ A. Deissmann, Licht vom Osten, S. 63.

⁵⁾ Ibid., S. 64.

⁶⁾ Ibid., S. 69.

языка, чѣмъ и объясняется совпаденіе. Такъ, напр., Deissmann отрицаетъ, что *καταπέτασμα* представляетъ собой специально библейское или іудеохристіанское слово и образовано впервые для перевода LXX, такъ какъ въ надписи изъ Самоса отъ 345—346 г. до Р. Х., т. е. приблизительно—за цѣлое столѣтіе раньше перевода LXX,—содержащей инвентаръ капища Геры, среди другихъ его принадлежностей указывается *καταπέτασμα τῆς τραπέζης* (покрышка для стола, скатерть) ¹⁾. Но подъ *καταπέτασμα* ветхозавѣтнаго храма разумѣется завѣса, спускавшаяся снизу вверхъ и отдѣлявшая святилище отъ святого святыхъ ²⁾,—т. е. совѣршенно другой предметъ.

Этотъ примѣръ можетъ служить исходнымъ пунктомъ при обсужденіи того утвержденія А. Deissmann'a, что даже и тѣ слова, которыя впервые становятся извѣстными изъ Новаго Завѣта, еще нельзя считать специфически новозавѣтными словами. Нѣкоторыя изъ нихъ находятся у различныхъ писателей, если и не у ралиѣйшихъ и современныхъ, то, по крайней мѣрѣ, у позднѣйшихъ, напр.,—около II столѣтія послѣ Р. Х. Ибо въ послѣднемъ случаѣ,—разсуждаетъ А. Deissmann,—невѣроятно, что, напр., Плутархъ могъ почерпнуть изъ Библии. Скорѣе Библия и Плутархъ почерпнули изъ общаго источника позднѣйшаго греческаго языка ³⁾. Но почему же нельзя предположить, что въ нѣкоторыхъ—по крайней мѣрѣ—случаяхъ какъ писатель извѣстной новозавѣтной книги, такъ и Плутархъ независимо другъ отъ друга образовали то или иное слово, слѣдуя законамъ языка, почему и новообразование получилось одинаковое? Но въ такомъ случаѣ естественно предполагать возможность неодинаковаго значенія одного и того же слова въ томъ и другомъ памятникѣ,—во всякомъ случаѣ—различные отбѣнки значенія. Нѣкоторыя оговорки слѣдуетъ сдѣлать и относительно т. наз., *ἀπαξ λεγόμενα*,—какъ этотъ вопросъ представляется теперь у Deissmann'a. Необозримое сокровище словъ міроваго греческаго языка, которое должно было обогащаться изъ всѣхъ странъ, покоренныхъ греческому языку, пока не можетъ быть вполнѣ извѣстно. Въ дѣйствительности въ новооткрытыхъ источникахъ ежедневно выплываютъ новыя слова,

¹⁾ Ibid., SS. 69—70.

²⁾ Проф. А. А. Олеськичій, *Ветхозавѣтный храмъ въ Іерусалимѣ*. Спб., 1889 г., стр. 512.

³⁾ А. Deissmann, *Licht vom Osten*, S. 49.

которыя тщетно стали бы мы искать въ лексиконахъ. Столь же естественно, что многія слова во всѣхъ, дошедшихъ до насъ, текстахъ встрѣчаются рѣдко, часто могутъ быть констатированы только единственный разъ. Трудно повѣрить, что всѣ они сразу вновь образованы тѣмъ или инымъ авторомъ (однако, — замѣтимъ — что эти случаи могли быть — и бывали — нерѣдко въ эту эпоху мощнаго и живого развитія языка, — также безспорно). Такія слова часто представляютъ собой находку лексикографовъ, а не изобрѣтеніе авторовъ (*ἄπαξ εἰρημένα*, а не *ἄπαξ εἰρημένα*). Немалое число такихъ именно случаевъ мы находимъ также и въ греческой Библии ¹⁾. — Для опредѣленія отличительныхъ особенностей языка того или другого новозавѣтнаго памятника въ отдѣльности указанное обстоятельство не имѣетъ существенной важности, не подрываетъ значенія имѣющихся въ немъ *ἄπαξ λεγόμενα* для характеристики его въ отношеніи къ другимъ новозавѣтнымъ памятникамъ, — при выясненіи вопроса о писателѣ и под.

Послѣшныя заключенія, выводимыя изъ наблюденія надъ особенностями языка новооткрытыхъ документовъ, оказываются явно тепденціозными и рѣшительно становятся на службу эволюціонистической точкѣ зрѣнія на происхожденіе христіанства изъ совокупности наличныхъ условій и возрѣній той эпохи, — когда, на основаніи добытыхъ матеріаловъ, провозглашается и защищается то положеніе, что первохристіанство не только въ отношеніи языка, но и понятій соприкасалось съ окружающимъ міромъ въ бѣльшей степени, чѣмъ являлось въ отношеніи къ нему контрастомъ ²⁾. Какъ доказательство и иллюстрація для такого утвержденія приводится то наблюденіе, что изъ 5000 словъ (круглымъ счетомъ), составляющихъ вокабуляръ Новаго Завѣта, лишь 50 можно указать специфически христіанскихъ, — т. е. всего около 1% ³⁾. Такое сравнительно небольшое число словъ, которыя можно считать дѣйствительно вновь образованными въ періодъ первоначальнаго распространенія христіанства, устанавливается послѣ того, какъ отысканы въ новооткрытыхъ документахъ — на папирусахъ и надписяхъ, — особенно въ надписяхъ изъ Делоса, Тера и Коса, — значительныя

¹⁾ A. Deissmann, Licht vom Osten, SS. 47—48.

²⁾ A. Deissmann, Licht vom Osten, S. 293.

³⁾ A. Deissmann, Die Urgeschichte d. Christentums, S. 43; Licht vom Osten, S. 50.

параллели къ сокровищницѣ новозавѣтныхъ словъ ¹⁾. Ближайшее разсмотрѣніе, правда, показываетъ, что многія изъ такихъ новозавѣтныхъ словъ, параллели къ коимъ теперь отысканы, не имѣютъ спеціально-христіанскаго и даже религіознаго содержанія, а служатъ большею частію для выраженія общихъ, нейтральныхъ понятій ²⁾, а напрасная поспѣшность въ отысканіи параллелей къ новозавѣтнымъ словамъ ярче всего обнаружилась въ отношеніи къ ἀγάπη. Было уже объявлено, что слово ἀγάπη прочитано на одномъ парижскомъ папирусь, однако это чтеніе оказалось совершенно невѣрнымъ (было написано—повидимому τερχυήν, а не ἀγάπην) ³⁾. Какъ бы то ни было, въ виду указанныхъ явленій, считаютъ возможнымъ и нужнымъ настойчиво подчеркивать, что христіанство въ несравненно бѣльшей степени дѣйствовало какъ сила, образующая новыя и преобразующая прежнія понятія, чѣмъ образующая новыя слова ⁴⁾. Правда, къ такимъ и подобнымъ утвержденіямъ дѣлаются важныя оговорки, въ основѣ коихъ лежитъ признаніе величія и могущества христіанства, ибо охотно соглашаются, что оно «оживило мертвыя понятія, закалило слабыя, поверхностныя углубило, холодныя согрѣло»; «опустошенныя наполнило новымъ содержаніемъ, презираемыя сдѣлало почитаемыми» ⁵⁾. Однако—при всѣхъ этихъ оговоркахъ—остается непоколебленнымъ впечатлѣніе, что христіанству такими учеными усвоится количественное, степенное, а не качественное, по существу, различіе, по сравненію съ другими религіями. Во

¹⁾ Ср. A. Deissmann, Licht vom Osten, S. 210.

²⁾ Каковы, напр., βροχή, ἐνδίδωσκω, ἰματίζω, ἀπείνομαι. ἔλλογέω, περισσεΐα, πληροφореῶ, εὐπροσωπέω, κτηγγελεύς, ἐπισυναγωγή и т. д. A. Deissmann, Licht vom Osten, S. 53 ff.

³⁾ A. Deissmann, Hellenist. Griechisch, S. 36; Licht vom Osten, S. 48; Die Urgeschichte d. Christentums, SS. 42—43; *Heinrici*, Der litterarische Charakter, S. 112. Ἀγάπη дѣйствительно читается единственный разъ у Филона Quod Deus immult, § 14, гдѣ оно означаетъ любовь къ Богу, въ отличіе отъ того настроенія, которое характеризуется *страхомъ* предъ Богомъ. A. Deissmann, Bible Studies, p. 198—199. Филонъ же, конечно, заимствовалъ это слово у LXX. Въ Ветхомъ Завѣтѣ (считая и неканоническія книги) слово ἀγάπη употребляется до 18 разъ, причемъ 10 разъ въ „Пѣсни Пѣсней“. Въ еврейскомъ текстѣ ему соответствуетъ ahabah. *F. Prat*. La théologie s. Paul, II, p. 489.

⁴⁾ A. Deissmann, Licht vom Osten, S. 50; Die Urgeschichte d. Christentums, SS. 43—44; The Philology of the Greek Bible, p. 136—137.

⁵⁾ A. Deissmann, Licht vom Osten, S. 44; Hellenistisches Griechisch, S. 637.

всякомъ случаѣ, и при разъясненіи отдѣльныхъ понятій стремятся всячески сгладить различіе ихъ смысла и значенія въ христіанствѣ, съ одной стороны, и въ предшествовавшемъ и современномъ ему міросозерцаніи, религиозномъ и философскомъ,—съ другой.

Между тѣмъ въ сочетаніи обычныхъ и понятныхъ самихъ по себѣ словъ,—если ихъ брать въ отдѣльности,—сообщаются въ христіанствѣ такія истины, которыя являются величайшей тайной, недоступной естественному человѣческому разуму,—которыя служили и служатъ для іудеевъ соблазномъ, а для эллиновъ представляются безуміемъ. Напр., «се, Дѣва во чревѣ приметъ и родитъ Сына, и нарекутъ имя Ему: Еммануиль, что значить: съ нами Богъ» (Мѡ. I, 23). То же—и въ повѣствованіи о чудесахъ и въ ученіи о подвигахъ, необходимыхъ для достиженія царствія небснаго. Напр., *и стѣде мертвый и начатъ глаголати, и даде его матери его* (Лк. VII, 15). *Обрътый душу свою погубитъ ю: а иже погубитъ душу свою мене ради обрящетъ ю* (Мѡ. X, 39) и т. д. Въ самомъ необычномъ сочетаніи обычныхъ словъ дается не слыханное и не доступное естественному человѣку содержаніе, представляющееся ему «юродствомъ», достойнымъ лишь пренебреженія и даже смѣха,—какъ отрицаніе естественныхъ законовъ и привычныхъ нормъ существованія. Самыя краткія формулы и выраженія наполняются нерѣдко такимъ неисчерпаемо-богатымъ и несравнимо-особеннымъ содержаніемъ, какое не можетъ быть вполнѣ уяснено ни при помощи филологическихъ изысканій и сближеній, ни при помощи аналогій, каковыя нерѣдко оказываются лишь чисто внѣшними, вербальными, скрывающимися за сходными, повидимому, оборотами рѣчи совершенно противоположный смыслъ. Такъ, для выраженія *διὰ* Христѡв или *διὰ* Ἰησοῦ Χριστοῦ (Ефес. I, 5 и др.) нельзя указать никакихъ аналогій въ греческомъ языкѣ, имѣющемъ отношеніе къ религиозному культу, между тѣмъ какъ эта формула, равно какъ и формула *ἐν* Χριστῷ, употребляются для характеристики самыхъ глубокихъ и существенныхъ моментовъ отношенія Господа Іисуса Христа къ вѣрующимъ и къ міру. Если иногда даже авторитетные экзегеты замѣняютъ предлогъ *ἐν* въ формулѣ *ἐν* Χριστῷ другими предлогами—*διὰ*, *παρά* или *κατά*, то это доказываетъ только всю необычайность содержанія и многосторонность смысла выраженія *ἐν* Χριστῷ, но не то, что особенное, специальное содержаніе этого выраженія можетъ быть исчерпаемо другими

оборотами ¹⁾). Неудивительно по всему этому, что «греку и римлянину христіанство казалось страннымъ и чуждымъ явленіемъ, силу коего они ощущали, но сущности коего они не понимали» ²⁾, а христіане въ отношеніи богопочитанія признавались и назывались «третьимъ родомъ» (τρίτον γένος, genus tertium), отличнымъ отъ іудеевъ и язычниковъ ³⁾. И такое наименованіе христіанъ со стороны язычниковъ около 200 года въ Карфагенѣ, напр., было столь обычнымъ, что даже въ циркѣ кричали: «доколѣ будетъ существовать третій родъ?» (usque quo genus tertium?) ⁴⁾.

Итакъ, въ то время, какъ язычники и іудеи живо чувствовали въ христіанствѣ явленіе и силу другого порядка и всячески отвлекались и отталкивались отъ него, — современные «христіанскіе» ученые, даже богословы, потерявъ всякую воспріимчивость и живое соприкосновеніе съ христіанствомъ, — судятъ о немъ лишь какъ о системѣ понятій, понимаемыхъ при томъ весьма поверхностно и внѣшне, и потому находятъ возможнымъ сблизать ихъ съ современною происхожденію христіанства языческою культурой. «Что прогрессъ филологіи, — разсуждаетъ, напр., Samuel Angus, — вывелъ языкъ Новаго Завѣта изъ его изолированнаго положенія, — это обстоятельство оказало большую услугу правильному пониманію содержанія книги. Въ результатѣ значеніе многихъ словъ оказалось не болѣе скуднымъ, а, напротивъ, болѣе богатымъ, такъ какъ выяснилось ихъ происхожденіе и значеніе въ современномъ языческомъ мірѣ. Теперь мы знаемъ, что такія слова и выраженія, какъ σωτήρ, κύριος, υἱὸς Θεοῦ, εὐαγγέλιον и многія другія — не христіанскаго изобрѣтенія, по взяты изъ религіознаго языка окружающаго языческаго или іудейскаго міра ⁵⁾. «Новый Господь христіанской Церкви» очень скоро былъ украшенъ якобы тѣми же предикатами, коими надѣляли римскаго императора благодарность и сервилизмъ его подданныхъ. Извѣстныя изъ Новаго Завѣта и исторіи Церкви имена и формулы, — Сынъ Божій,

¹⁾ Adolph Schettler, Die paulinische Formel „Durch Christus“. Tübingen, 1907. SS. 71. 76. 55. 62.

²⁾ Heinrich, Der litterarische Charakter S. 113.

³⁾ A. Harnack, Die Mission und Ausbreitung d. Christentums, I Bd., SS. 211—212; 227—234.

⁴⁾ Ibid., S. 231.

⁵⁾ Samuel Angus, Modern Methods in New Testament Philology въ „The Harvard Theological Review“ 1909, October, p. 449.

Богъ и Спаситель, Спаситель міра содержатся также въ надписяхъ и таблицахъ, кои посвящались въ честь императора ¹⁾. Выступившій въ міръ Средиземнаго моря культъ Христа уже рано показываетъ стремленіе сохранить для Христа—извѣстныя этому міру и теперь перенесенныя на обожествленнаго цезаря или, быть можетъ, вновь созданныя въ культѣ цезаря наименованія. Такъ возникаетъ полемическій параллелизмъ между культомъ цезаря и культомъ Христа,—параллелизмъ, который чувствуется даже тамъ, гдѣ принесенныя въ культъ Христа съ самаго начала изъ сокровищницы LXX и Евангелія наименованія совпадали съ одинаково или сходно звучащими понятіями культа цезарей ²⁾.

О религиозно-нравственномъ состояніи современнаго началу христіанства языческаго міра новыя открытія доставили много неизвѣстныхъ доселѣ свѣдѣній, коими западная паука въ значительной степени воспользовалась уже въ цѣляхъ сближенія тогдашняго синкретистическаго язычества съ христіанствомъ. И, прежде всего, весьма важное значеніе имѣютъ многія семитическія надписи провинціи Сиріи и граничащихъ съ послѣднею съ востока и сѣвера областей, которыя дали возможность возстановить, по крайпей мѣрѣ фрагментарно, почти неизвѣстные доселѣ языческіе культы сосѣднихъ съ Палестиною странъ ³⁾. Изъ надписей и папирусовъ мы получаемъ также весьма важныя свѣдѣнія относительно культа цезарей. Эти свѣдѣнія,—говорятъ,—важны не только для пониманія того положенія, въ коемъ оказались христіане въ греко-римской имперіи, когда языческія обязанности считались и государственными, но и для пониманія нѣкоторыхъ выраженій Новаго Завѣта ⁴⁾.

Assidua de deo quaestio est,—такъ Плиній Старшій характеризуетъ бѣненіе пульса своего времени ⁵⁾. Но въ такихъ безпокойныхъ религиозныхъ искаженіяхъ сказывалась и совершенная неудовлетворенность религиозныхъ потребностей то-

¹⁾ *H. Windisch*, Das Neue Testament, S. 210.

²⁾ *A. Deissmann*, Licht vom Osten, S. 257.

³⁾ *Ibid.* S. 6. Матеріалъ надписей въ значительной степени использованъ и въ обширномъ, но тенденціозномъ изслѣдованіи *W. G. Baudissin's*, Adonis und Esmun. Eine Untersuchung zur Geschichte des Glaubens an Auferstehungsgötter und an Heilgötter. Leipzig, 1911.

⁴⁾ *A. Deissmann*, Licht vom Osten, S. 216.

⁵⁾ *Stærk*, Neutestamentl. Zeitgesch. I, S. 66.

гдашняго человѣчества, полная растерянность и безпомощность. Свѣтъ истины лишь тускло мерцалъ тамъ и здѣсь, но нигдѣ не было животворнаго солнца, согрѣвающего и освѣщающаго. «Звѣздное небо безъ солнца простиралось надъ эллинизмомъ»¹⁾, но и самыя звѣзды мерцали тускло сквозь окутавшій языческій міръ туманъ заблужденій, сомнѣній и крайней неувѣренности. И въ религіи, какъ и въ другихъ областяхъ культуры, эллинизмъ обнаруживаетъ черты изжитой и утомленной культуры²⁾. Философія также не могла дать душѣ истиннаго жизненнаго содержанія³⁾. Все болѣе и болѣе развиваясь въ интеллектуалистическомъ направленіи, она выработала много дѣйствительно возвышенныхъ и цѣнныхъ въ теоретическомъ отношеніи понятій и сужденій, много отдѣльныхъ высокихъ нравственныхъ правилъ, но не въ состояніи оказалась дать надлежащій отвѣтъ о цѣли и смыслѣ жизни, не могла указать устойчиваго и яснаго нравственнаго идеала и дѣйствительныхъ побужденій къ нравственной дѣятельности,—тѣмъ болѣе не могла сообщить силъ къ выполненію начертываемыхъ идеаловъ. Въ общемъ, по мѣрѣ развитія теоретическаго разума и нравственныхъ понятій, не заполнялась, а все болѣе и болѣе увеличивалась бездна и обострялось расхожденіе между теоретическимъ сознаніемъ человѣка и его дѣйствительною жизнью. Языческій міръ такимъ путемъ постепенно, хотя отчасти, приходилъ къ тому безотрадному сознанію, которое во всей силѣ и яркости выразилъ Ап. Павелъ отъ лица іудейскаго міра: «не тѣ дѣлаю, что хочу, а что ненавижу, то дѣлаю... Добраго, котораго хочу, не дѣлаю, а злое, котораго не хочу, дѣлаю» (Римл. VII, 15. 19). Не находя опоры въ настоящемъ, устремляли вниманіе или всецѣло къ прошедшему въ коемъ усматривали осуществленіе своихъ идеаловъ, или къ будущему. Стремленіе въ направленіи къ прошедшему простиралось широко, захватывая самыя различныя области. Къ оживленію прошлаго стремились во всѣхъ областяхъ культуры—въ языкѣ и литературѣ, въ религіи и искусствѣ, нравахъ и формахъ жизни. Въ отношеніи религіозной жизни оно требовало ея усиленія и углубленія, но и эта религіозность была искусственной: она коренилась не въ дѣйствительной

¹⁾ *Heinrici*, *Der litterarische Charakter*, S. 17.

²⁾ *Heinrici*, *Der litterarische Charakter*, S. 17.

³⁾ *P. Wendland*, *Die Hellenist.-Römisch. Kult.*, S. 37.

жизни, но въ подражаніи прошедшему. Народу оно осталось чуждымъ, потому что было явленіемъ въ сущности порядка эстетическаго и литературнаго, результатомъ міровоззрѣнія, полученнаго изъ книжныхъ занятій. Мертвое бремя прошлаго тяготѣло на этомъ поколѣніи, заглушало всякое развитіе, стремящееся впередъ, и вызывало чувство конца міра и близкой катастрофы ¹⁾. Полная безпомощность и растерянность проявлялась и въ другихъ симптомахъ. Въ религіозномъ обозначеніи высшихъ силъ теперь предпочитаютъ не—личныя и даже не—опредѣленныя наименованія, и пестрое разнообразіе быстро смѣняющихся другъ друга наименованій доказываетъ, что въ основѣ этого явленія лежалъ опытъ тревожащаго вторженія многочисленныхъ и непонятныхъ въ своемъ взаимоотношеніи факторовъ въ область человѣческихъ дѣйствій. Въ этой неопредѣленности и быстрой смѣнѣ наименованій открывается, кромѣ безпомощности, неспособной ориентироваться въ мірѣ, также вся нетвердость и безсодержательность религіознаго чувства. Съ постепеннымъ улегучиваніемъ личныхъ боговъ и съ замѣною ихъ родовыми именами должна была потерпѣть ущербъ личная религіозность въ своемъ содержаніи и внутренней настроенности. Но, съ другой стороны, въ этихъ отвлеченныхъ выраженіяхъ проявляется и усиленіе монотеистическаго стремленія. Но и монотеистическое направленіе эллинизма по существу и въ результатѣ оказывается только продуктомъ разложенія и опустошенія политеистической религіи, а не явленіемъ творческаго порядка съ положительнымъ содержаніемъ. Его историческое значеніе лежитъ въ томъ, что оно создало психологическую почву, формально подготовило языческой мірѣ къ воспріятію проповѣди о Единомъ Живомъ Богѣ ²⁾. Однако язычество въ своей массѣ не переставало быть таковымъ, не оставило своего политеизма. Религіозный міръ тогдашняго язычества, о коемъ въ литературныхъ памятникахъ сохранилось мало данныхъ, теперь сдѣлался намъ несравненно болѣе извѣстнымъ изъ вещественныхъ памятниковъ и надписей на нихъ—каменей, склеповъ, изъ папирусовъ съ текстами магическихъ заклинаній и т. под.

Во всѣхъ провинціяхъ и во всѣхъ городахъ—въ Римѣ точно такъ же, какъ и въ Александріи, въ Испаніи, въ Асіи

¹⁾ P. Wendland, Hellenist.-Römisch. Kultur, S. 35.

²⁾ P. Wendland. Die Hellenist.-Römisch. Kultur, S. 61.

и Египтъ—существовали домашніе и семейные идолы, а также религиозные—языческіе, конечно,—обычай, суевѣрія и церемоніи ¹⁾. Въ духовныхъ тенденціяхъ просвѣщенія и въ историческихъ переживаніяхъ эллинистической эпохи были даны условія для того явленія, которое обычно обозначается именемъ «евгемеризмъ»—отъ литературнаго выразителя и истолкователя Евгемера Мессенскаго, современника и друга Кассандра. Сущность названнаго направленія заключалась въ томъ, что образцы и дѣйствія боговъ понимались и представлялись съ точки зрѣнія рационалистически-историческаго прагматизма, который все—повидимому—самое возвышенное, чудесное и сверхчеловѣческое сводилъ къ самому естественному и даже обыденному, совершенно сближалъ міръ боговъ съ представленіями и интересами людей. Такое направленіе являлось характеристическою чертою, выражавшею самую существенную отличительную особенность той эпохи ²⁾. Тогда границы въ представленіи божескаго и человѣческаго исчезаютъ, боги блекнутъ и очеловѣчиваются, а люди обожествляются. Евгемиризмъ и переходъ личныхъ боговъ въ отвлеченное представленіе о божественномъ, съ одной стороны, апоэеозъ, съ другой,—являются коррелятами ³⁾. При томъ состояніи человѣчества, когда особенно сильно обнаруживалось чувство дряхлости міра, разбитости личности,—естественно возникала и крѣпла мысль объ избавителѣ или посредникѣ, который является на помощь тамъ, гдѣ оказывается недостаточною человѣческая сила ⁴⁾. Міръ жаждалъ исцѣленія, ибо чувствовалось, что все человѣчество лежитъ въ смертельной болѣзни ⁵⁾. Многочисленныя надписи и изображенія доказываютъ, какъ широко было распространено и какое важное значеніе имѣло почитаніе бога-спасителя—*Θεός Σωτήρ* ⁶⁾. Провѣталъ культъ Эскулапа, къ которому звали въ болѣзняхъ тѣла и души; спали въ его храмахъ, чтобы выздороветь; приносили ему богатѣйшіе дары; посвящали ему жизнь. Также и у другихъ боговъ приносящая исцѣленіе дѣя-

¹⁾ *A. Harnack, Mission und Ausbreitung d. Christentums*², I, S. 243. 244.

²⁾ *J. Kaerst, Geschichte d. hellenist. Zeitalters*. II Bd., I Hft, SS. 218—219.

³⁾ *P. Wendland*, статья „*Σωτήρ*“ въ *Zeitschrift für die neutestamentliche Wissenschaft*. 1904, S. 338.

⁴⁾ *P. Wendland, Hellenist.-Römische Kultur*, S. 135.

⁵⁾ *A. Harnack, Mission und Ausbreitung d. Christentums*², I Bd., S. 93. 94.

⁶⁾ *A. Harnack, Mission*, I Bd., S. 92.

тельность оказывается теперь центральнымъ пунктомъ ¹⁾. При всей жадѣ исцѣленія и спасенія «желанное спасеніе въ языческомъ мірѣ рисовалось неопредѣленными, неуловимыми чертами» ²⁾. Естественно, что центръ тяжести переносился на внѣшнюю бѣдственность личнаго и—особенно—соціально-политическаго положенія, и именно въ эту область направлялось все вниманіе язычника, и здѣсь-то собственно и сосредоточивались его надежды. Въ могущественномъ военачальникѣ, который спасаетъ городъ отъ бѣдствій войны, приносить миръ и спасеніе, видятъ божественнаго избавителя и спасителя (σωτήρ), ибо онъ совершилъ то, что, по человѣческимъ расчетамъ, казалось невозможнымъ или неосуществимымъ человѣческими силами ³⁾. Представители римской власти на востокѣ часто жили какъ деспоты, и сервизмъ воздавалъ имъ божескія почести, воздвигалъ статуи, храмы ⁴⁾. Уже послѣ войны съ морскими разбойниками Помпея прославляли какъ θεός ἐπιφανής. Посвященіе храмовъ проконсуламъ, совершенно наравнѣ съ богами и съ Деа Рома, было дѣломъ вполне обычнымъ ⁵⁾. Антиохъ Селевкидъ при своей жизни прославлялся какъ σωτήρ за то, что онъ явился избавителемъ отъ нашествія Кельтовъ. Послѣ же своей смерти онъ называется Ἀντίοχος Ἀπόλλων σωτήρ ⁶⁾. Всѣ эти обстоятельства и настроенія въ общей своей совокупности способствовали тому, что культъ цезаря, какъ «послѣдствіе обожествленія государственнаго принца», занялъ «центральное мѣсто въ религіозномъ міросозерцаніи временъ имперіи» ⁷⁾. Политеизмъ въ эту эпоху прежде и болѣе всего проявлялся собственно какъ политическая религія и именно въ культѣ цезаря ⁸⁾. Человѣчество, утомленное и изнуренное войнами и нестроеніями, страстно жаждало мира. Въ лицѣ Августа оно охотно признало своего избавителя и «спасителя». Со времени его побѣды надъ Антоніемъ при Акціумѣ все человѣ-

¹⁾ А. Harnack, Mission, I Bd., S. 91—92.

²⁾ Проф. М. М. Тарчевъ, Основы христіанства, т. II: Евангеліе, стр. 299.

³⁾ P. Wendland, Hellenist.-Römisch. Kultur, S. 75.

⁴⁾ P. Wendland, Hellenist.-Römisch. Kultur, S. 9.

⁵⁾ P. Wendland, статья Σωτήρ въ Zeitschrift für die neutestamentl. Wissenschaft. 1904, S. 341.

⁶⁾ Ibid., S. 339.

⁷⁾ Ю. Николаевъ, Въ поискахъ за Божествомъ, стр. 5.

⁸⁾ А. Harnack, Mission und Ausbreitung d. Christentums, I Bd., S. 21.

чество охватывается новымъ настроеніемъ. Забываютъ, что онъ проложилъ себѣ путь безпощаднымъ насиліемъ и неправыми кровавыми дѣяніями, оставляютъ безъ вниманія революціонное происхожденіе его власти,— съ тѣхъ поръ, какъ его упрочившееся управленіе создаетъ снова упорядоченныя отношенія. Дикія силы революціи попрали онъ, какъ нѣкогда Юпитеръ попрали гигантовъ. Онъ является, какъ избавитель, посланный съ неба, куда онъ снова долженъ возвратиться послѣ долгаго побѣдоноснаго управленія. Кругъ времени заключенъ. Августъ загладилъ старую кровавую вину и открылъ новое время спасенія. Открылась послѣдняя, предсказанная Сивиллою, золотая эра, какъ итогъ прежнихъ вѣковъ. Право, справедливость и добродѣтели, кои міръ утратилъ во времена сѣдой древности, снова нашли себѣ доступъ въ міръ. Утомленное чело-вѣчество вздохнуло свободнѣе и могло теперь наслаждаться долго ожидавшимся миромъ ¹⁾. Благодарныя коммуны прославляли Августа какъ спасителя (σωτήρ) и благодѣтеля (εὐεργέτης) чело-вѣчества, день рожденія «бога» объявляли началомъ радостныхъ вѣстей (εὐαγγέλια) для міра, и его царствованіе восхваляли, какъ начало новой міровой эры, возвѣстившей счастье золотого вѣка ²⁾. Наименованія не только σωτήρ, но и θεός,— прилагали и ко всѣмъ другимъ цезарямъ, не исключая Нерона и Калигулы ³⁾. Объ Августѣ говорилось, что онъ обезпечилъ всему міру миръ ⁴⁾; цезарямъ приписывалась милость (χαρις) ⁵⁾, среди добродѣтелей цезарей указывалась чело-вѣколюбіе—φιλανθρωπία ⁶⁾, самъ же онъ назывался φιλόανθρωπος ⁷⁾. Процессъ обоготворенія людей не ограничивался цезарями, но шелъ все дальше и дальше. Въ личности Эпикура представители его школы уже при его жизни видѣли воплощенный идеаль, и то же самое стремленіе къ культу великихъ людей, которое вело къ обоготворенію властителей, открывается здѣсь въ религіозномъ почитаніи основателя школы, выступленіе коего разсматривается какъ

¹⁾ P. Wendland, Die Hellenist.-Römisch. Kultur, SS. 88—89.

²⁾ Staerk, Neutestamentliche Zeitgeschichte Bd. I, S. 65; P. Wendland, Die Hellenist.-Römisch. Kultur, S. 92.

³⁾ Dölger, 1x90ς, S. 413.

⁴⁾ Ditt. Orientis in ser. 56, 12, 116. 7 и 195, 35: ἐν εἰρήνῃ καταστήσας πάντα τὸν ὑπ' ἐμοὶ κόσμον. P. Wendland, Σωτήρ, S. 344.

⁵⁾ P. Wendland, ст. Σωτήρ, S. 345.

⁶⁾ P. Wendland, Σωτήρ, S. 345.

⁷⁾ P. Wendland. Σωτήρ, S. 344.

божественное явленіе (ἐπιφάνεια), коему придается божественный атрибут σωτήρ ¹⁾). Въ культѣ цезарей, который являлся средствомъ и символомъ государственнаго единства, выразилось своеобразное смѣшеніе патріотическаго и религіознаго чувства. Искренно вѣрующій и безбожный язычникъ могли въ разныхъ смыслахъ присоединиться къ утвержденію Валерія Старшаго, что кесарямъ, какъ видимымъ богамъ, принадлежитъ преимущество предъ Олимпійцами, о коихъ можно имѣть знаніе только предположительное. Возобладаніе культа цезарей означаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, усиливающееся паденіе не только древней вѣры, но и вѣры—вообще. Издѣваясь въ сущности надъ религіознымъ чувствомъ, культъ цезарей не могъ вызвать пробужденія религіозной жизни, хотя и питалъ эту иллюзію ²⁾). Чрезъ обозначеніе императора θεός самое это понятіе было совершенно обезцѣнено, такъ какъ именемъ θεός сталъ называться тотъ, кого видѣли живущимъ въ своей средѣ, какъ смертнаго человѣка, со всѣми его слабостями и недостатками. Пусть это даже самый лучший человѣкъ,—но разъ онъ принимался въ рядъ боговъ, прежніе боги должны были померкнуть въ своемъ значеніи.—всякая иллюзія ихъ трансцендентности, исчезала. Вмѣстѣ съ развитіемъ культа властителей и чрезъ него, евгемерическое религіозное міровоззрѣніе получило полное и окончательное возобладаніе ³⁾). Θεός по своему содержанію и энергіи равнялось теперь почти εὐεργετής ⁴⁾). Утрачивалась самая необходимая и первичная черта въ представленіи о мірѣ божественномъ.—его возвышенность и превосходство надъ наличною дѣйствительностію. И не даромъ Ап. Павелъ назвалъ «язычниковъ» «безбожными въ мірѣ» (ἄθεοι ἐν τῷ κόσμῳ) Ефес. II, 12. «Основное положеніе язычества—все полно боговъ—πάντα πλήρη θεῶν—звучитъ безбожно и безмірно, аеистически и акосмически заразъ,—какъ говорятъ св. Аѳанасій Великій: «многобожіе есть безбожіе» ⁵⁾). Въ обоготвореніи человѣка языческой міръ достигъ своей высшей и окончательной ступени, ибо въ самомъ мірѣ онъ ничего не могъ найти выше человѣка. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этомъ обоготвореніи проявилось и полное потемнѣніе его ре-

¹⁾ P. Wendland, Die Hellenist.-Römisch. Kultur, S. 21.

²⁾ P. Wendland, Die Hellenist.-Römische Kultur, SS. 93—94.

³⁾ Fr. I. Dölger, Ixthos, S. 395.

⁴⁾ Fr. I. Dölger, Ixthos, S. 421.

⁵⁾ Свящ. проф. П. А. Флоренскій, Столпъ и утвержденіе истины. Москва, 1914 г., стр. 275—276.

лигіознаго сознанія, утратившаго чувство идеальности и трансцендентности божества, а равно—и помраченіе нравственнаго его сознанія, ибо обоготворялся человѣкъ при всѣхъ своихъ недостаткахъ и чудовищныхъ иногда порокахъ. На такой почвѣ развивалось полное религіозное лицемѣріе. Фактически человѣкъ отказывался отъ всего потусторонняго и довольствовался обоготвореніемъ начала государственнаго порядка и социальнаго благополучія въ лицѣ представителя государственной власти. Къ нему относили эпитеты, которые приличествовали единому Богу,—но и всѣ эти эпитеты, какъ и наименованіе θεός, естественно оказывались приниженными до уровня явленій и добродѣтелей обычной человѣчности. Если понятіе θεός имѣло у язычниковъ и, въ частности, въ культѣ цезарей самое бѣдное и ничтожное содержаніе, то тѣмъ болѣе это слѣдуетъ сказать относительно наименованія υἱός θεοῦ ¹⁾. Κύριος само по себѣ не имѣло уже специально религіознаго содержанія, и встрѣчается въ письменномъ обращеніи, напр., къ отцу ²⁾. Σωτήρ также не имѣло возвышеннаго религіозно-нравственнаго характера. По опредѣленію Цицерона, *soter, qui salutem dedit* ³⁾. Въ приэнской надписи Августъ называется σωτήρ, какъ прекратившій войну и всему сообщившій благоустройство (πρόνοια... σωτήρα πέμψασα τὸν παύσοντα μὲν πόλεμον κοσμήσαντα δὲ πάντα). Въ этомъ именно отношеніи онъ превзошелъ всѣхъ прежнихъ благодѣтелей человѣчества, но и изъ будущихъ никто не въ состояніи будетъ съ нимъ сравняться (οὐ μόνον τοὺς πρὸ αὐτοῦ γεγονότας εὐεργέτας ὑπερβαλλόμενος, ἀλλ' οὐδ' ἐν τοῖς ἐσομένοις ἐλπίδα ὑπολιπὼν ὑπερβολῆς) ⁴⁾. Благодаря его явленію, люди наслаждаются счастливою жизнью (τῷ εὐδαίμονι βίῳ). Миръ царствуетъ на землѣ и на морѣ, города процвѣтаютъ, повсюду утвердилась законность и изобиліе всякихъ благъ; люди исполнены самыхъ добрыхъ надеждъ на будущее, благодушія—въ отношеніи къ настоящему ⁵⁾. Вотъ почему онъ можетъ быть названъ отечественнымъ Зевсомъ и спасителемъ всего человѣ-

¹⁾ Dölger, *Iχθύς*, S. 396. 399.

²⁾ A. Deissmann, *Licht vom Osten*, S. 112.

³⁾ Actio II, lib II, 154. P. Wendland, статья „Σωτήρ“, S. 341.

⁴⁾ W. Soltan, *Die Geburtsgeschichte Jesu Christi*, Lpz. 1902, S. 35.

⁵⁾ Изъ Галикарнасской надписи: εἰρηνεύουσι μὲν γῆ καὶ θάλαττα, πόλεις δὲ ἀνθρώπων, εὐνομία ὁμονία τε καὶ εὐετηρίαί. ἀκμῆ τε καὶ φορὰ παντός ἐστὶν ἀγαθοῦ. ἐλπίδων μὲν χρηστῶν πρὸς τὸ μέλλον, εὐθυμίας δ' εἰς τὸ παρὸν τῶν ἀνθρώπων ἐνεπεπλησμένων... Soltan, *Die Geburtsgeschichte Jesu Christi*, S. 36.

ческаго рода (Δία δὲ πατρῶν καὶ σωτῆρα τοῦ κοινοῦ τῶν ἀνθρώπων γένους) ¹⁾. Легко видѣть, что всѣ чаянія и надежды язычества устремлялись исключительно къ устроению земного благополучія (εὐτόχουμα) на основѣ общаго мира и порядка, во имя общей пользы (εἰς τε τὸ κοινὸν καὶ εἰς τὸ ἴδιον ὕψελος) ²⁾. Изъ того обстоятельства, что въ той же календарной надписи Пріэны изъ времени около 9 г. до Р. Х. говорится, что день рожденія кесаря Августа явился началомъ извѣщеній о радостныхъ событіяхъ (εὐαγγελίων), или изъ того, что, два съ половиною столѣтія спустя, одно довольно важное должностное лицо въ письмѣ, сохранившейся на папирусномъ фрагментѣ, вѣсть о наименованіи Гайя Юлія Вера Максима цезаремъ называетъ εὐαγγέλιον,—нельзя выводить заключенія, что εὐαγγέλιον встрѣчалось также «въ сакральномъ употребленіи культа цезарей» ³⁾. Да если бы и дѣйствительно εὐαγγέλιον употреблялось въ культѣ цезарей, то этимъ ни мало не выражалось бы приближеніе къ христіанскому значенію εὐαγγέλιον, поскольку не было никакихъ точекъ соприкосновенія между тѣмъ, что обѣщало рожденіе цезаря, и тѣмъ, что возвѣщено рожденіемъ Христа Спасителя. Точно также между «миромъ», котораго достигъ цезарь, и тѣмъ «миромъ», который принесъ Христось Спаситель,—общаго—одно наименованіе. Христось принесъ людямъ «миръ», какого не можетъ дать «міръ» (Іоан. XIV, 27), «миръ Божій», который превыше всякаго ума, соблюдающій сердца и помышленіе вѣрующихъ во Христѣ Иисусѣ» (Филипп. IV, 7) ³⁾.

Всѣ указаннныя представленія и надежды язычества на

¹⁾ Ibid.

²⁾ A. Deissmann, Licht vom Osten, S. 276.

³⁾ Нетрудно также видѣть, сколь существенно различіе между миромъ, какой даровать міру Христось, и тѣмъ, который приноситъ царь-избавитель древне-восточнаго міа. Христось примиряетъ міръ съ Богомъ, царь-избавитель прежде всего—съ самимъ собою. Христось приноситъ миръ сердца, царь-избавитель—миръ оружія, рукъ и языка. Христось даруетъ миръ, какой міръ не можетъ дать, царь-избавитель предоставляетъ міру находить миръ въ себѣ самомъ. Христось освобождаетъ міръ отъ грѣха. царь-избавитель—отъ послушанія и подчиненія властямъ. Другими словами,—царство мира Христова—духовное, которое находится въ сердцѣ человѣка, царство мира царя—избавителя, напротивъ, по всей своей природѣ—внѣшнее, матеріальное. Одинаковымъ въ томъ и другомъ случаѣ оказывается одно только имя. Fr. X. Steinmetzer, Die Geschichte der Geburt und Kindheit Christi und ihr Verhältnis zur Babylonischen Mythe. Münster, 1910, S. 193.

земное благополучіе дѣйствительно получали высшую значимость, какъ бы абсолютный характеръ, религіозную санкцію (Мѡ. VI, 32), но это обстоятельство и подчеркиваетъ особенно рѣзко всю извращенность тогдашней религіозности. Идеаль челоѣкобога достигъ полной, неприкровенной яркости своего выраженія. Получилось полное извращеніе должнаго порядка взаимоотношеній между мірскимъ и религіознымъ, «кесаревымъ» и «Божіимъ» (Мѡ. XXII, 21). Но и «кесарево», сдѣлавшись автономнымъ и лишившись истинно божественнаго освященія, вслѣдствіе забвенія той истины, что представители земной власти получаютъ свое полномочіе «свыше» (Іоан. XIX, 11) и являются лишь «Божіими слугами» (Римл. XIII, 4),—оказывается безпомощнымъ въ устроеніи даже земного порядка. Признаніе государственнаго начала высшимъ и само-довлѣющимъ и обоготвореніе носителей политической власти успѣли показать свое вцутреннее крушеніе и безсиліе,—и св. Константинъ Великій склонился подъ знаменіемъ креста, воздавъ «Божіе Богу» *).

С. Заринъ.

---

*) Продолженіе слѣдуетъ.

Очерки по исторіи христіанства въ Сиріи.

Лекціи, читанныя въ Лондонѣ, въ церкви св. Маргариты, въ 1914 году профессоромъ Кембриджскаго университета Ф. К. Бёркиттомъ *).

ЛЕКЦІЯ II-ая.

Библия на сирійскомъ языкѣ.

Пешитта. — Сирійскій языкъ Пешитты и арамейскій. — Антиохія, какъ греческій городъ. — Древне-сирійскіе переводы Св. Писанія. — Раббула и Новый завѣтъ. — Библейскія цитаты въ раннѣйшей сирійской литературѣ. — Цитаты у св. Ефрема. — Раббула и Діатессаронъ. — Эвангеліюнь да-мёфа рр'шә. — Дата сирійскаго Діатессарона. — Пешитта Ветхаго Завѣта. — Выводъ.

РАЗЛИЧНЫЕ переводы Библии на сирійскій языкъ имѣютъ величайшій интересъ и значеніе для изучающаго христіанскія древности. Прежде всего, болѣе ранніе сирійскіе переводы представляютъ собой большую цѣнность, какъ критическіе «авторитеты», какъ документы, съ помощью которыхъ современные ученые могутъ реконструировать подлинный текстъ Ветхаго и Новаго Завѣта въ томъ случаѣ, если онъ передашь невѣрно, или отстоять его, если онъ окажется неповрежденнымъ. Древнѣйшій сирійскій переводъ 4-хъ Евангелій въ особенности является однимъ изъ нашихъ лучшихъ авторитетовъ. Но различные образцы Библии на сирійскомъ языкѣ представляютъ историческій интересъ и сами по себѣ, помимо ихъ критическаго достоинства. Они составляютъ какъ бы комментарий къ исторіи и развитію сирійской церкви. Исторія церкви помогаетъ намъ понять и

*) Продолженіе. См. „Христіанское Чтеніе“, 1914, мартъ. 383—403.

оцѣнить характеръ библейскихъ переводовъ; съ другой стороны, тамъ, гдѣ непосредственныя историческія свѣдѣнія скудны, характеръ библейскихъ переводовъ до нѣкоторой степени даетъ намъ возможность освѣтить исторію.

То же самое, отмѣтимъ мимоходомъ, можно сказать и относительно англійской церковной исторіи. Свѣдѣнія изъ исторіи англійской Библии очень хорошо освѣщаютъ теченіе англійской реформаци. Въ лицѣ Тиндала мы имѣемъ протестантскаго реформатора, который первый далъ переводъ Св. Писанія съ подлинныхъ языковъ на отечественный. Въ его трудѣ мы уловляемъ несомнѣнные отголоски споровъ того времени, когда находимъ вмѣсто «церковь»—«конгрегация» и вмѣсто «священники»—«старѣйшіе». Разные болѣе или менѣе официальные переводы, получившіе свое завершеніе въ «авторизованномъ» переводѣ 1611 года, показываютъ особый успѣхъ принциповъ реформаци въ Англии: неотвѣтственный протестантскій переводъ Тиндала былъ сожженъ властями; но, несмотря на это, онъ употреблялся, какъ основа для послѣдующихъ переводовъ Библии, въ которыхъ церковная номенклатура была болѣе или менѣе восстановлена.

Нѣтъ необходимости отмѣчать параллели въ деталяхъ. Я хочу только показать вамъ, что, при изученіи исторіи древней сирійской церкви, мы находимся почти въ тѣхъ же условіяхъ, какъ и при восстановленіи хода реформаци въ Англии по англійскимъ Библиямъ и немногочисленнымъ рассказамъ, взятымъ изъ *Книги Мучениковъ* Фокса. Но чтобы достигнуть имѣющихъ цѣнность результатовъ, мы должны поступать смѣло и [вмѣстѣ съ тѣмъ] осмотрительно.

Мѣсто, которое занимаетъ среди христіанъ, говорящихъ по-англійски, «авторизованный переводъ», въ сирійскихъ церквяхъ принадлежитъ Пешиттѣ. То, что извѣстно намъ подъ именемъ Пешитты, представляетъ собой сирійскій переводъ каноническихъ книгъ Св. Писанія Ветхаго и Новаго Завѣта, принятый сирійской церковью. Пешитта одинаково—Библия песторіаль, яковитовъ, мелькитовъ и маронитовъ. Такое положеніе ея указываетъ на то, что она древнѣе второй половины 5-го столѣтія, — періода, когда сирійская церковь начала раздробляться на отдѣльныя и враждебныя общества. Названіе Пешитта не такъ старо. Слово p'shittâ означаетъ «простой» и въ первый разъ было примѣнено къ общепринятому сирійскому переводу въ періодъ между седь-

мымъ и девятымъ вѣкомъ, въ отличіе отъ пересмотрѣннаго перевода, сдѣланнаго монофиситскими учеными Өомой Харкельскимъ [Гераклейскимъ] и Павломъ Теллскимъ. Этотъ пересмотрѣнный переводъ былъ написанъ на педантскомъ полугреческомъ жаргонѣ и снабженъ сложнымъ аппаратомъ критическихъ знаковъ, внесенныхъ въ текстъ. По сравненію съ такой ученой работой, древнѣйшій переводъ показался сирійцамъ «простымъ». Но названіе «Пешитта» для сирійской Вульгаты настолько подходящій и опредѣленный терминъ, что мы хорошо сдѣлаемъ, если удержимъ его.

Первое, на что я долженъ указать вамъ, говоря о Пешиттѣ, это опредѣленность ея текста. Количество отклоненій, найденное въ существующихъ рукописныхъ кодексахъ, незначительно, оно гораздо меньше числа варіантовъ въ рукописяхъ латинской Вульгаты. Различаются большей частью самыя маловажныя опіски, погрѣшности противъ орѳографіи и т. п. Это обстоятельство тѣмъ болѣе достойно вниманія, что наши рукописи Пешитты восходятъ къ 5-му вѣку. Полная Библия—Ветхій и Новый Заѣтъ съ апокрифами — находится въ сирійскихъ рукописяхъ уже шестого вѣка,—фактъ, для котораго нельзя найти соотвѣтствія ни въ какомъ другомъ языкѣ, кромѣ греческаго, а наши греческія рукописи этого времени полны поражающихъ отступленій отъ болѣе поздняго текста.

Одновременно памѣчается нѣсколько интересныхъ задачъ. Въ Пешиттѣ мы имѣемъ памятникъ церковнаго авторитета; каково же значеніе этого памятника? Что онъ говоритъ намъ объ исторіи Библии въ церкви? Какія книги были включены въ древній сирійскій канонъ? И въ какомъ состояніи находился текстъ въ тѣхъ рукописяхъ, съ которыхъ сдѣланъ переводъ?

Когда въ 1555 г. впервые былъ опубликованъ Новый Заѣтъ въ переводѣ Пешитта, издатель, канцлеръ І. А. Видманштадъ, объявилъ, что сирійскій языкъ Пешитты былъ языкомъ Палестины, роднымъ нарѣчіемъ нашего Господа и Его Апостоловъ. Это неправильно: сирійскій языкъ Пешитты сходенъ съ арамейскимъ Палестины, но далеко не тождествененъ съ нимъ. Сирійскій, это—имя, данное нарѣчію арамейскаго языка, именно тому, на которомъ говорили въ долині Ефрата и прилегающихъ областяхъ. Нарѣчія, на которыхъ нѣкогда говорили въ Палестинѣ и по сосѣдству, къ сѣверу до Пальмиры, были также нарѣчіями арамейскаго языка, но отлич-

ными отъ сирійскаго. Эти западныя арамейскія нарѣчія отличаются отъ сирійскаго употребленіемъ того, что можетъ быть названо членомъ, спряженіемъ и образованіемъ глаголовъ и словаремъ. «Арамейскій языкъ Палестины» извѣстенъ намъ изъ арамейскихъ частей Ветхаго Завѣта, изъ таргумовъ и другой еврейской литературы, изъ самаританскихъ литургій и таргума, изъ набатейскихъ и пальмирскихъ надписей, но это—не языкъ Пешитты.

Необходимо настаивать на этомъ, потому что распространенный раньше — ошибочный — взглядъ на связь сирійскаго христіанства съ первоначальнымъ христіанствомъ Палестины и теперь еще не совсѣмъ искорененъ. Даже, напримѣръ, въ хорошо извѣстной книгѣ покойнаго д-ра Весткотта о каноническихъ книгахъ Новаго Завѣта дано совершенно ошибочное представленіе о Пешиттѣ. Правда, этотъ трудъ былъ въ первый разъ напечатанъ въ 1855 г., но въ седьмомъ его изданіи, вышедшемъ въ 1896 г., мы все еще читаемъ: «Діалектъ Пешитты, какъ онъ извѣстенъ теперь, представляетъ собой, по крайней мѣрѣ, отчасти ту форму арамейскаго языка, которая была распространеною въ Палестинѣ» ¹⁾, и «Пешитта есть древнѣйшій памятникъ католическаго христіанства» ²⁾. Правда, д-ръ Весткоттъ признаетъ, что текстъ Новаго Завѣта Пешитты былъ подвергнутъ «рѣшительному пересмотру въ 4-мъ столѣтіи» ³⁾. Но онъ настаиваетъ на предполагаемомъ палестинскомъ происхожденіи Пешитты и утверждаетъ, что нынѣшній канонъ Пешитты древнѣйшаго времени. Ни то, ни другое изъ этихъ утвержденій не можетъ устоять при свѣтѣ тѣхъ свидѣтельствъ, которыми мы располагаемъ въ настоящее время.

Напомню еще разъ прежде, чѣмъ идти дальше, что Антиохія «въ Сириі» была центромъ не сирійской, а греческой культуры. Послѣ того, какъ христіанство сдѣлалось государственной религіей Римской имперіи, въ предѣлахъ Антиохіи или около ея стѣнъ появились монастыри говорящихъ по-сирійски общинъ, но по существу это былъ греческій городъ. Положеніе вещей въ Римской провинціи Сириі и въ дальнихъ областяхъ напоминаетъ то, которое намъ знакомо по Южной Африкѣ. Подобно тому, какъ въ Южной Африкѣ

¹⁾ A general Survey of the history of the Kanon of the New Testament. London. 1896. P. 241.

²⁾ Ibid., p. 250.

³⁾ Ibid., p. 242.

большіе города преимущественно англійскіе, а сельское населеніе почти все голландское по языку и цивилизаціи, и въ западной Азіи только большіе города были греческими, обитатели же деревень принадлежали къ говорящимъ по-арамейски расамъ. Значеніе появленія христіанства въ Эдессѣ заключается въ томъ, что это былъ сирійскій городъ. До тѣхъ поръ, пока христіанство на сирійскомъ языкѣ не было насаждено въ Эдессѣ, вліяніе Церкви въ Сиріи не распространялось много дальше греческихъ городовъ по берегу Средиземнаго моря.

Возвратимся къ исторіи сирійской Библии. Я все время обращалъ ваше вниманіе на замѣчательный фактъ, что наши многочисленные древніе рукописные кодексы Пешитты имѣютъ одинъ и тотъ же текстъ. М-ръ Гвилльямъ недавно издалъ Евангелія въ переводѣ Пешитта. Онъ собралъ около 40 рукописей, часть которыхъ относится ко второй половинѣ V столѣтія, и, несмотря на это, отклоненія рукописей другъ от друга ограничиваются только различіями въ правописаніи. Слѣдовательно, текстъ, одобренный церковнымъ авторитетомъ, очень заботливо охранялся въ прежнія времена; но есть ли это, спросимъ, первоначальный текстъ?

Поставить этотъ вопросъ необходимо. потому что сирійскіе переводы Библии не ограничиваются только прекрасными сиріями рукописей Пешитты. Въ 1858 году д-ръ Кьюртонъ, тогда хранитель восточныхъ рукописей въ Британскомъ музеѣ, опубликовалъ отрывки другого сирійскаго перевода Евангелій изъ рукописи, по крайней мѣрѣ, такъ же древней, какъ и рукописи Пешитты. Этотъ переводъ долго назывался по имени того, кто его открылъ и издалъ, «сирійскимъ переводомъ Кьюртона». Онъ, несомнѣнно, является родственнымъ Пешиттѣ, хотя и отличается отъ нея въ нѣкоторыхъ важныхъ подробностяхъ. Возникъ вопросъ: который изъ двухъ переводовъ является первоначальнымъ сирійскимъ переводомъ. Рукопись Кьюртона была очень неполной, но въ 1893 году нашли въ монастырѣ св. Екатерины на горѣ Синай другую рукопись съ такимъ же сирійскимъ переводомъ. Эта послѣдняя — палимпсестъ, т. е. первое сочиненіе было болѣе или менѣе смыто, а на той же бумагѣ написана другая книга, но первоначальный текстъ въ большей его части можно еще разобрать. Этотъ синайскій палимпсестъ очень древняго происхожденія, онъ старше даже рукописи Кьюртона и сильно отли-

чается отъ нея и языкомъ, и чтеніемъ греческаго текста, положеннаго въ основаніе перевода. Но обѣ рукописи часто поразительно сходятся противъ Пешитты. Обѣ рукописи сами называютъ себя Евангеліонъ да-Мѣфарр'шѣ, — названіе, значеніе котораго будетъ разсмотрѣно ниже.

Въ теченіе послѣднихъ 50 лѣтъ велась полемика о правахъ Къюртоновскихъ Евангелій и Пешитты. Тѣмъ временемъ рядомъ доказательствъ было ясно установлено, что ни тѣ, ни другая не были формой, въ которой Евангеліе читалось въ раннѣйшее время среди говорящихъ по-сирійски христіанъ. Въ оригинальныхъ сирійскихъ трудахъ до V столѣтія, въ отличіе отъ переводныхъ, отдѣльныя Евангелія никогда не называются, и текстъ цитатъ обыкновенно состоитъ изъ фразъ, взятыхъ изъ различныхъ Евангелій. Причина этого заключается въ томъ, что древняя сирійская церковь употребляла не наше Четвероевангеліе, а Діатессаронъ Татиана. Этотъ Діатессаронъ былъ гармоніей нашихъ 4-хъ Евангелій, соединившей въ одно повѣствованіе путемъ комбинирования слова Евангелистовъ Маттея, Марка, Луки и Іоанна. Къ сожалѣнію, онъ попалъ подъ церковную цензуру и до нашего времени не сохранилось ни одной рукописи, содержащей въ себѣ *Діатессаронъ* въ его первоначальной формѣ.

До сихъ поръ не найдено ни одной сирійской рукописи съ переводомъ Дѣяній или посланій, болѣе древнимъ, чѣмъ официальная Пешитта. Есть, дѣйствительно, указанія на то, что нѣкогда существовала болѣе древняя форма перевода, но представители ея, повидимому, всѣ погибли. Наши свѣдѣнія относительно древнѣйшаго сирійскаго Новаго Завѣта, по крайней мѣрѣ, относительно Евангелій, мы черпаемъ изъ цитатъ Афраата и комментарія Св. Ефрема на посланія Ап. Павла. Этотъ комментарий существуетъ только въ армянскомъ переводѣ.

Безъ сомнѣнія, наступитъ время, когда мы будемъ въ состояніи написать исторію сирійской Библии въ формѣ послѣдовательнаго повѣствованія, расположеннаго въ хронологическомъ порядкѣ. Но пока въ нашемъ знаніи большіе пробѣлы, и мы принуждены начинать съ какого-либо опредѣленнаго пункта, гдѣ мы имѣемъ ясное и достовѣрное свидѣтельство относительно текстовъ, употреблявшихся въ то время въ сирійской церкви. Не можетъ быть, я думаю, сомнѣній относи-

тельно того, что нужно принять за исходную точку. Наши древнѣйшія рукописи Пешитты восходятъ почти къ срединѣ V вѣка раннѣйшій же образецъ жизнеописанія, которымъ мы владѣемъ отъ того времени, это—жизнеописание Раббулы.

Итакъ, необходимо исходить изъ епископата Раббулы, епископа эдесскаго съ 411 по 435 годъ по Р. Х. Мы тотчасъ же увидимъ, что этотъ періодъ въ особенности должно разсматривать какъ періодъ кризиса въ исторіи сирійской Библии. Въ другихъ отношеніяхъ онъ также знаменуетъ собой пограничный пунктъ. Это послѣдній моментъ, когда церковь на востокѣ была хотя бы номинально единой. Аріане и болѣе древніе еретики потерпѣли поражение, Несторій же еще не былъ осужденъ.

Итакъ съ 411 по 435 г. Раббула былъ епископомъ. Этотъ великій церковный дѣятель не нашелъ со стороны новѣйшихъ ученыхъ того признанія, котораго онъ заслуживаетъ. Онъ родился въ Киннешринѣ (Qinnesrin—Орлиное Гнѣздо), — въ городѣ, можетъ быть болѣе извѣстномъ намъ, какъ Халцисъ (Chalcis) въ Сиріи. Его отецъ былъ языческій жрецъ, который однажды приносилъ жертву въ присутствіи Юліана Отступника, но мать его была христіанкой. Въ христіанство Раббулу обратили Евсевій, епископъ Киннешрина, и Акакій, епископъ Алеппо. Послѣ своего обращенія Раббула пришелъ въ Іерусалимъ и былъ крещенъ въ Іорданѣ, тамъ, гдѣ Іисусъ принялъ крещеніе отъ Іоанна. Преданіе повѣствуетъ, что, когда будущій епископъ вышелъ изъ воды, то народъ видѣлъ, что его бѣлая крещальная одежда покрылась кроваво-краснымъ сіяніемъ. Возвратившись на родину, Раббула раздалъ свое имущество бѣднымъ, освободилъ своихъ рабовъ, покинулъ жену и помѣстилъ своихъ малолѣтнихъ сыновей и дочерей въ монастырскія школы. Самъ онъ переходилъ отъ одного рода воздержанія къ другому, живя временами какъ отшельникъ въ пустынѣ въ надеждѣ, что его убьютъ дикіе арабы. Потомъ онъ пошелъ со своимъ другомъ Евсевіемъ въ Ваалбекъ, чтобы заслужить мученическій вѣнецъ, вызвавъ безпорядокъ въ большомъ храмѣ ¹⁾. Но мученическій вѣнецъ не предназначался Рабуллѣ, и оба энтузіаста достигли только того, что ихъ сбросили со ступенекъ храма.

¹⁾ *Overbeck*, *Exploits of Mar Bablula*, стр. 196, послѣдняя строка. Я думаю, что здѣсь впервые Ваалбекъ названъ по имени; ср. *Bury's Gibbon*, V 431.

Эти подвиги для насъ едва ли имѣютъ значеніе, но они зарекомендовали Раббулу въ глазахъ его современниковъ, и вскорѣ онъ былъ избранъ епископомъ Эдессы, каковое мѣсто онъ и занималъ 24 года, до своей смерти въ 435 году. Несомнѣнно, онъ былъ въ высшей степени умѣлый правитель и организаторъ, строгій въ отношеніи [церковной] дисциплины, но въ вопросахъ ученія плавшій по теченію. Въ началѣ Раббула, какъ будто, держалъ сторону несторіанъ, но вскорѣ онъ присоединился къ противной партіи и сдѣлался другомъ и корреспондентомъ Кирилла александрійскаго, взгляды котораго онъ поддерживалъ на эдесскомъ соборѣ въ 431 году. Онъ даже сжегъ произведенія Θεодора монсуэстійскаго и заслужилъ отъ несторіанъ имя «тирана эдесскаго».

Другіе предметы занимали вниманіе Раббулы болѣе, чѣмъ вопросы религіозной философіи.

Онъ былъ великодушенъ въ отношеніи къ бѣднымъ, добръ къ больнымъ, неумолимо строгъ въ личномъ воздержаніи. Но значеніе его личности для насъ заключается въ томъ, что онъ явился великимъ строителемъ церковнаго порядка. Онъ упорядочилъ ритуаль христіанскаго богослуженія, жизнь монаховъ, обычаи, соблюдаемые монастырскими общинами. И если его отношеніе къ ученіямъ, о которыхъ Церковь еще не высказала окончательнаго сужденія, было двойственнымъ, то съ еретиками и язычниками онъ никогда не переставалъ бороться. Нападая съ нѣкоторымъ успѣхомъ на маркіонитовъ и мапихеевъ, Раббула дѣйствительно убѣдилъ послѣднихъ вардесанитовъ возвратиться въ ограду православной Церкви.

Вскорѣ послѣ смерти Раббулы въ 435 году его подвиги были записаны однимъ изъ восторженныхъ его учениковъ. Рукопись этого сочиненія сохранилась въ Британскомъ музеѣ и была издана Overbeck'омъ въ хорошо извѣстной коллекціи сирійскихъ произведеній—стр. 159—210. Въ теченіе своего повѣствованія біографъ Раббулы нѣсколько разъ цитируетъ Новый Заветъ, и каждый разъ его цитаты удивительнымъ образомъ согласуются съ текстомъ Пешитты. Возьму, какъ примѣръ, выраженіе *lahmâ d'suuqân'hôn*—«хлѣбъ ихъ насущный» (Overbeck 168 з) ¹⁾. На основаніи его ясно, что

¹⁾ Данное мѣсто гласитъ: „Божьей милостью испосланъ имъ (т. е. Раббулѣ и его товарищамъ) при [вечернемъ] закатѣ [солнца] хлѣбъ ихъ насущный“. Другой ясный примѣръ пользованія со стороны біографа Пешиттой можетъ быть найденъ въ его цитатѣ Ян. 1, 14 (Overbeck 197 з).

текстъ молитвы Господней, знакомый писателю, совпадалъ съ текстомъ Пешитты, въ которой сказано: «хлѣбъ нашъ насущный», а не со старымъ сирійскимъ переводомъ, въ которомъ стояло: «постоянный хлѣбъ», какъ переводъ τὸν ἄρτον ἡμῶν τὸν ἐπιούσιον.

Такимъ образомъ со времени Рабулы, особенно въ кругу почитателей его памяти и управленія, совершенно утвердился Новый Завѣтъ въ переводѣ Пешитта. Тексты изъ нея приводятся сирійскими писателями всѣхъ направленій, она читается на божественной службѣ каждой сирійской сектой. Монофиситы, правда, не были вполне довольны Пешиттой, и Θома Гераклеяскій, монофиситскій ученый, сдѣлалъ педантично буквальный переводъ Св. Писанія, который считался критическимъ авторитетомъ и иногда употреблялся при богослуженіи.

Но даже монофиситы не отказались вполне отъ Пешитты; несторіане же были непоколебимы въ своей привязанности къ ней. Кромѣ того, мы имѣемъ, какъ я отмѣтилъ уже выше, свидѣтельство объ этомъ длиннаго ряда существующихъ рукописей Пешитты отъ послѣдней половины пятаго вѣка до времени изобрѣтенія книгопечатанія. Всѣ онѣ предлагаютъ по существу одинъ и тотъ же типъ текста *).

А. Сагарда.

*) Продолженіе слѣдуетъ.

НОВАЯ КНИГИ.

Архивъ Юго-Западной Россіи. Часть 1-я. Томъ VIII, вып. 1-й. Памятники литературной полемики православныхъ южно-русовъ съ протестантами и латино-унятами въ Юго-Западной Руси за XVI и XVII стол. Кіевъ 1914. Стр. II+12+798. Ц. 2 р.

Березкинъ Д. М., Библейская флора. Наглядное пособие при чтеніи и изученіи Библии. Спб. 1914. VIII+174 стр. съ 12 табл., 159 рис. и карт. Ц. 5 р.

Виноградовъ С. Н., Логика. Учебникъ для среднихъ учебныхъ заведеній и для самообразованія. М. 1914. Стр. 160. Ц. 60 к.

Георгіевскій В. Т. Фрески Панселина въ Протатъ на Аѳонѣ. Альбомъ съ 32 табл. фототипій и 3 цвѣтн. снимками. Спб. 1914. 7 стр.+35 табл. рис.

Голубевъ С. Т., проф. Борьба за вѣру. Спб. 1914. Стр. 35.

— Лицемѣріе, какъ основная черта нашихъ мистическихъ сектъ—хлыстовъ и скопцовъ. Спб. 1914. Стр. 57.

Карѣевъ Н. И., проф. Сущность историческаго процесса и роль личности въ исторіи. Спб. 1914. Изд. 2-е, доп. Стр. XI+574. Ц. 3 руб.

Клименко Ф. В., Западно-русскіе цехи XVI—XVIII вв. Кіевъ 1914. Стр. IV+166. Ц. 1 р. 50 к.

Мейманъ Эрнстъ, проф. Лекціи по экспериментальной педагогикѣ. Перев. подъ ред. Н. Д. Виноградова. Ч. I. Физическое и духовное развитіе дѣтей. М. 1914 Изд. 3-е. Стр. XI+659. Ц. 3 р.

Неизданные греческіе агіографическіе тексты съ введеніемъ В. В. Латышева. Записки Императорской Академіи Наукъ по историко-филологическому отдѣленію томъ XII, № 2. Спб. 1914. Стр. LVI+152. Ц. 2 р.

Николай Михайловичъ, Великій Князь. Нѣкоторые новые матеріалы къ вопросу о кончинѣ Императора Александра I. Спб. 1914. Стр. 22.

Орловъ А. С., Іисусова молитва на Руси въ XVI вѣкѣ. Памятники древней письменности и искусства. CLXXXV. Спб. 1914. Стр. 32.

Поржезинскій В.; проф. Сравнительная грамматика славянскихъ языковъ. Пособіе къ лекціямъ. Вып. I. Введеніе. Общеславян-

скій языкъ въ свѣтъ данныхъ сравнительно - исторической грамматики индоевропейскихъ языковъ (фонетика, формы склоненія). М. 1914. Стр. 120. Ц. 1 р. 20 к.

Православный Палестинскій Сборникъ. Вып. 60-й. Сборникъ палестинской и сирійской агиологiи. Вып. 2-й. Спб. 1913. Стр. XXIII + 124.

Пѣвцовъ В. Г., прот.-проф. Лекціи по Церковному праву. Спб. 1914. Стр. 240.

Сборникъ Московскаго Архива Министерства Юстиціи. т. V (Москва 1913, Стр. XI + 502): Псковъ и его пригороды, часть 1-я: Писцовая книга по Пскову и его пригородамъ въ XVI в. со введеніемъ и подъ редакцію В. В. Нечаева при общемъ предисловіи директора проф. Дм. Вл. Цвѣтаева.

Труды Психологическаго Института имени Л. Г. Шукиной при Импер. Моск. Университетѣ. Т. I. Вып. 1—2. Психологическія изслѣдованія. Подъ ред. проф. Г. Н. Челпанова. М. 1914. Стр. 327.

Церковь, католичество и протестантство. Критическій очеркъ ихъ исторіи по А. С. Хомякову. Религиозно - философская библіотека. Вып. XXXIII. М. 1914. Стр. 152. Ц. 50 к.

Поименованныя книги въ конторѣ журнала не продаются, и контора не принимаетъ на себя комиссіи по приобрѣтенію ихъ въ книжныхъ магазинахъ.

Авторы и издатели, желающіе, чтобы о вновь выходящихъ книгахъ помѣщено было въ „Христіанскомъ Читеніи“ сообщеніе или отзывъ, благоволятъ присылать въ редакцію журнала (Невскій проспектъ, д. 182, кв. 10) по одному экземпляру каждой книги.

СОДЕРЖАНІЕ БОГОСЛОВСКИХЪ АКАДЕМИЧЕСКИХЪ ЖУРНАЛОВЪ:

БОГОСЛОВСКАГО ВѢСТНИКА.

МАРТЪ 1914 г.

Памяти П. И. Цвѣткова.

Списокъ печатныхъ трудовъ † профессора П. И. Цвѣткова. *Н. М. Попова.*

Отъ Совѣта Императорской Московской Духовной Академіи.

Письма епископа Игнатія (Брянчанинова) къ разнымъ лицамъ. Сообщилъ *М. А. Новоселовъ.*

Письма К. Н. Леонтьева къ Анатолію Александрову. Сообщилъ *А. А. Александровъ.*

Антропология по творениямъ Св. Иоанна Дамаскина. Иеромонаха *Пантелеимона*.

Индусскій аскетизмъ въ до-буддѣйскій періодъ. *В. А. Кожевникова*.

Мои замѣтки и воспоминанія. *Леонтія*, Митрополита Московскаго.

Телеология неоламаркистовъ. II. Ученіе о цѣлесообразности и психическомъ факторѣ эволюціи *П. Н. Каптерева*.

Критика: I. Полное собраніе проповѣдническихъ трудовъ (словъ, бесѣдъ, поученій, посланій, воззваній и наставленій) *Макарія*, митрополита Московскаго и Коломенскаго, за время его служенія въ архіерейскомъ санѣ (1884—1913). Съ портретомъ автора. *Д. В.*

II. Новости западной догматики. *А. М. Туберовскаго*.

Изъ академической жизни.

О Святой Землѣ и Императорскомъ Православномъ Палестинскомъ Обществѣ.

Списокъ книгъ, поступившихъ въ Редакцію.

Объявленія.

Журналы собраній Совѣта Императорской Московской Духовной Академіи за 1913 г.

Изъ лекцій по Священному Писанію Ветхаго Завѣта, читанныхъ доцентомъ Московской Духовной Академіи *А. А. Ждановымъ*. Подъ ред. Свящ. *Д. В. Рождественскаго*.

Исслѣдованія Апокалипсиса. *А. М. Бухарева* (Архимандрита Теодора).

ТРУДОВЪ ИМПЕРАТОРСКОЙ КІЕВСКОЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМІИ.

АПРѢЛЬ 1914 г.

I. Арнобія семь книгъ противъ язычниковъ (*Adversus nationes*). *Н. М. Дроздова*.

II. Слово во вторую недѣлю великаго поста, при воспоминаніи страстей Христовыхъ. О совершенной любви. Прот. *Н. С. Гроссу*.

III. Слово въ пятокъ третьей седмицы великаго поста, при воспоминаніи страстей Христовыхъ. О мѣшкѣ, сумѣ и мечѣ. Свящ. *Т. І. Лященко*.

IV. Законъ ужичества или левиратный бракъ у древнихъ евреевъ. Свящ. *А. А. Глаголева*.

V. Библейскій греческій языкъ въ писаніяхъ Ветхаго и Новаго Завѣта. Проф. *Н. Н. Глубоковскаго*.

VI. Евгеній Волховитиновъ, какъ митрополить Кіевскій. *С. М. Карпова*.

VII. Къ вопросу объ антиохійскомъ соборѣ 324 года и о „великомъ и священномъ соборѣ въ Анкирѣ“. Свящ. *Д. А. Лебедева*.

VIII. Сіонъ (Церковно-археологическій экскурсъ). Прот. *Н. Воменно*.

IX. Критика и библиографія. 1) А. П. Доброклонскій. Преп. Ѳеодоръ, исповѣдникъ и игумень студійскій. 1 часть. Его эпоха, жизнь и дѣятельность. Прот. *Н. Г.* 2) М. Д. Приселковъ. Очерки по церковно-политической исторіи Кіевской Руси X—XII вв. *В. З.*

X. Содержаніе академическихъ богословскихъ журналовъ.

Въ приложеніи:

XI. Извлеченіе изъ журналовъ Совѣта Императорской Кіевской Дух. Академіи за 1912—1913 учебный годъ.

XII. Оглавленіе I-го тома „Трудовъ Императорской Кіевской Дух. Академіи“ за 1914 годъ.

XIII. Объявленія.

28 апрѣля 1914 года. Печатать разрѣшается. Ректоръ Императорской С.-Петербургской Духовной Академіи епископъ *Анастасій*.

Редакторъ, профессоръ Императорской С.-Петербургской

Духовной Академіи *Николай Сагарда*.